

Царский блицкриг

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН

Боже, «попаданца» храни!

Герман РОМАНОВ

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Попаданец» на троне» и «Самодержавный «попаданец»!

Кульминация царствования нашего современника, заброшенного в тело императора Петра III. Подавив гвардейский мятеж и удержавшись у власти, модернизировав Россию и превратив ее в передовое государство Европы, он готов исполнить вековую мечту русского народа — отбить у неверных Константинополь и вновь водрузить на Святую Софию Православный Крест.

По плану «попаданца», войну должно выиграть всего за месяц — это будет настоящий ЦАРСКИЙ БЛИЦКРИГ. Перевооруженную Ломоносовым и Кулибиным русскую армию на Царьград ведет фельдмаршал Суворов. Десант на Босфор возглавит адмирал Ушаков. Первые броненосцы и винтовые фрегаты под Андреевским флагом разгромят в бухте Золотой Рог парусный турецкий флот, а русские батареи под командованием Наполеона, поступившего на царскую службу под именем генерала Бонапартова, расстреляют на входе в Дарданеллы спешащую на помощь османам эскадру Нельсона...

Боже, «попаданца» храни!

-
- [Герман Романов](#)
 - [Пролог](#)
 - [День первый](#)
 - [День второй](#)
 - [День третий](#)
 - [День четвертый](#)
 - [День пятый](#)
 - [Эпилог](#)
-

Герман Романов

Царский блицкриг. Боже, «попаданца» храни!

Бургас

17 июня 1797 года

— Государь-батюшка! Время терять нельзя. Пора настала!

Маленький худощавый фельдмаршал, о чем свидетельствовали густые эполеты, в чашке которых отливали золотом переkreщенные жезлы, задорно тряхнул седым хохолком.

— Неугомонный ты, Александр Васильевич! Сколько лет тебя знаю, а все торопишься. Не навоевался еще?

— Так Царьград впереди, батюшка. Промешкаю, а флотские ухари у меня его и вырвут. Или Бонапартов, ушлый больно! Нет, государь, пора!

— Пора так пора. Отдавай приказы, я теперь тебе больше не начальство, фельдмаршал. — Император притворно вздохнул, пожав плечами, и искоса глянул на раскрасневшееся от возбуждения лицо Суворова.

Старик его поражал вот уже тридцать пять лет со времени первого знакомства. Действительно — полководца такого калибра русская армия никогда не имела: ни до этого дня, ни после. И в советской тоже не было, ибо главная заповедь наводящего на турок суеверный ужас «Топал-паши» такова — воюй не числом, а умением!

— Разреши идти, ваше императорское величество?!

— А что так по ранжиру спрашиваешь, Александр Васильевич?

— А чтоб ты передумать не успел, батюшка, — Суворов лукаво улыбнулся в ответ.

Петр только пожал плечами — хитер фельдмаршал, палец в рот не клади. Авангард под командованием князя Багратиона уже сутки на марше, главные силы с утра на юг пошли — Суворов хоть в городе пока здесь с ним, но свою армию всячески поторапливает, тем паче главные силы османов разгромлены, и султан собирает разбежавшиеся остатки у Константинополя.

И спешка объяснима — флот адмирала Ушакова из Севастополя вышел, сегодня-завтра будет здесь, в Болгарии, что на верность российскому императору уже присягнула.

Отсюда рывок будет сделан на Босфор, с высадкой десанта гвардии и морской пехоты в Проливах. Тем более на Галлипольском полуострове бригада генерала Бонапарта и эскадра контр-адмирала Сенявина турок наголову разгромила и оттуда на столицу тоже идти начинается.

Этому лихому корсиканцу и молодому моряку тоже лавры освободителей Царьграда покоя не дают, куда уж там спать. Желających много, только главный приз один — вот старый фельдмаршал и спешит всячески, да своих и без того ретивых генералов поторапливает, хотя те и так вперед борзо рвутся.

— Не передумаю, но и ты... Смотри за моим младшим сыном, горяч он больно. Тебе одному доверяю...

— Не сомневайся, батюшка, присмотрю. А ты себя береги, не верю я корабликам этим.

— Поберегу, — отозвался император и тоже поднялся с раскладного походного стульчика, подошел к фельдмаршалу, посмотрел тому прямо в глаза — они были почти одного роста, ну, может, полководец на ноготок ниже.

— Ну, с Богом, Александр Васильевич. — Они раскрыли друг другу объятия, сжав руки на спинах. Трижды, по русскому обычаю, расцеловались.

И все — больше слов было не нужно, и фельдмаршал своей знаменитой походкой, чуть прихрамывая, стремительно вышел из комнаты.

Именно эта еле видимая хромота и стала для турок главной приметой, и со страхом

нарекли они Суворова «Хромым пашой».

— Бог ты мой, а ведь тридцать пять лет прошло, — прошептал император, медленно пройдясь по шатру. Остановился, подумал немного и усмехнулся, добавив шепотом: — Без двух недель. Кто бы знал...

Петр Федорович усмехнулся — все эти долгие годы он не только сидел на престоле самой большой и процветающей империи мира, но и был монархом. Вернее, стал им, хотя поначалу ему казалось, что он играет в студенческом спектакле какую-то чересчур затянувшуюся роль.

— Сходил за водочкой, — усмехнулся император, вспомнив, как в далеком отсюда 1992 году он, тогда молодой студент исторического факультета, отправился в рождественский вечер отоварить карточки, дабы опохмелить своих страждущих братьев, почитателей музыки Клио. Не удалось...

Точнее, водку в комнату он передал, но сорвался с водосточной трубы и угодил прямо в канализационный коллектор, с которого предприимчивые людишки уволокли люк. И темнота в глазах, вспышка — это все, что он увидел в последний миг той жизни.

— Мистика, — прошептал Петр, припомнив, как за полчаса до падения он встретил ведьму, или как ее там — прорицательницу, что ли. И та ему еще семьдесят лет жизни напророчила, и как в том фильме — «Царем будешь!».

Императором-то он стал, угодив в тело Петра III Федоровича, по совместительству герцога Голштинского, но в смутное время.

На следующий день в Петербурге гвардия устроила переворот, возведя на престол его жену, Екатерину Алексеевну.

Кранты были бы полнейшие, но он, памятуя о судьбе незадачливого венценосного тезки, убитого в Ропше, дожидаться плачевной участи для себя не стал, оперся на помощь фельдмаршала Миниха, на флот и армию, и сам устроил гвардии «Варфоломеевскую ночь».

Как он тогда не хотел лить кровь, мутило до тошноты, но оказалось, что репрессии против мятежной знати большую пользу принесли. И ему лично, и России. Шутка ли — крепостное право де-факто на сто лет раньше отменили, хотя юридически лишь десять лет тому назад.

И страна разом получила мощнейший толчок к развитию — города и заводы, старые и новые, растут прямо на глазах. Университеты и школы везде открывают. А население, будто опара на дрожжах у заботливой хозяйки, за эти годы больше чем удвоилось. А сколько людей вокруг толковых, и все при делах, не за страх, а за совесть могущество российское приумножают.

Был в той истории князь Потемкин-Таврический, много на юге страны сделал. Но не совершил и половины того, что обязан был, — сибаритом жил, любителем женщин и неги, пыль в глаза пускать умел, недаром высказывание про «потемкинские деревни» нарицательным стало.

Здесь тоже Григорий Григорьевич светлейшим князем стал, но Амурским. И прославился своими «потемкинскими станицами», но уже отнюдь не бутафорскими.

Это надо же — всего за двадцать пять лет, четверть века, вдоль Амура и Усури плотная цепь казачьих поселений протянулась, надежно дальневосточные границы охраняя.

Сахалин и Курилы присоединил к России, теперь в будущем японцы не повакают. И живет до сих пор, здоровье чисто сибирским стало, а ведь несколько лет назад в той истории он должен был дуба дать от излишеств — вот что постоянные труды делают!

А братья Орловы отнюдь не гвардейскими шалопаями стали, пьянками, драками да расхищением казны известные. Какое там — Григорий, бывший любовник жены Като, тоже светлейшим князем сделался, но Аляскинским.

Братья Алексей и Федор получили графское достоинство и приставку к фамилии. Первый

стал Калифорнийским, а второй — Гавайским. Великое им спасибо от России — золото Клондайка тонким ручьем в казну потекло.

Вначале по чуть-чуть, каплями падало, потом струйкой, затем ручейком, ну а спустя четверть века после начала добычи по две с половиной тысячи пудов в Николаевск-на-Амуре доставлять стали русские корабли каждый год. В честь младшенького сына Николая князь Потемкин порт этот важный назвал, провидец прямо, угадал с историческим названием.

— Като, Като, — Петр помянул жену — обретенную любовь в жизни. Первую помощницу в делах тоже. Трех сыновей родила, две дочки красавицы. И обе уже королевы — Дании и Швеции, — он им выгодные партии устроил. Хоть и пожелтели пруссаки от такого шага — очень им хотелось свою Восточную Пруссию обратно получить в качестве приданого.

— А шиша с маслом не хотели?!

Петр хрипло рассмеялся, припомнив, как дурачил много лет назад старого короля, «доброго дядюшку Фрица».

Теперь Кенигсберг исконная русская вотчина, тамошние немцы лучшие подданные, трудолюбивые и дисциплинированные. Пруссакам местным к самой Пруссии уже никакого дела нет, их к Берлину калачом не заманишь. Еще бы — жить в процветающей империи намного лучше, чем в королевстве, что войну на два фронта ведет.

— Ну и как тебе, «Толстяк», польский дятел в заднице?!

Петр усмехнулся — племянник Фридриха Великого отличался завидной дородностью, если говорить дипломатически корректно, но не сейчас в приватном размышлении делать политические реверансы.

Старого польского короля Станислава, или по-простецки Стася, как любила именовать его гонористая и беспокойная шляхта, любовника жены в молодости (было дело, что ж греха таить), с престола убрали.

Сейчас в Варшаве правит «начальник государства» Тадеуш Костюшко и кусает пруссаков с австрийцами, как только может. Те с радостью «разделили» Польшу, пригласив к дележу и русских, вот только Петр от такого предложения благоразумно уклонился. Зато сейчас хорошо со стороны смотреть, как ляхи насмерть с немцами сцепились.

— Любо-дорого, — пробормотал Петр.

Теперь момент был удобный, и он объявил, что в условиях заматни и войны вынужден взять под покровительство и защитить от истребления «диссидентов» — так поляки именovali православных украинцев и белорусов, коих даже за людей второго сорта не считали. Но идти за Буг войскам категорически запретил — там чисто польские земли, а потому вопрос возникает резонный — а оно нам надо?

Австрия и Пруссия, мало что на западе с революционной Францией сцепились, теперь и на востоке с польскими инсургентами войну ведут, хотя варшавские «якобинцы» отнюдь не революционеры в чистом виде. Голодраная шляхта, свои привилегии отстаивающая, весьма многочисленна и криклива — ведь каждый пятый в Польше шляхтич, а третий себя паном считает. Как тут не забузишь?! В крови это!

— Ваше величество, разреши завтрак подать?

Петр с улыбкой посмотрел на арапа — совсем состарился Нарцисс, но категорически отказался пенсион получать. Привык, и хоть монарха почитает и любит, но отношения их связывают чуть ли не родственные. Еще бы им не быть — столько лет и зим вместе, огонь и воду прошли.

— Конечно, подавай! Проголодался уже, с утра маковой росинки не было! И кабинет-секретаря позови! Где Рейстер с Денисовым?

— Сейчас, государь, — арап поклонился и вышел. А Петр, подойдя к окну, загрустил.

Рейстер и Денисов были при нем и также командовали лейб-егерями и лейб-казаками. Вот только это не они, старые проверенные друзья, а их сыновья. Уже взрослые, матерые воины, а Лука Денисов так и постарше своего отца будет, когда Петр с лихим казаком в Петергофе семеновцев из дворца вышибал.

И ничего тут не поделаешь — годы свое берут. Ему самому уже шестьдесят восемь годов. Должно, если судить по возрасту настоящего Петра Федоровича. А так как студент Петр Рыков младше царя на добрый десяток лет, то случилось чудо, на которое фельдмаршал Миних первым внимание обратил — умен был старик.

Душа, или психо-матрица, этот научный термин сам себе Петр подыскал, резко омолодила организм. И на жену заодно перепало — детей ведь от него вынашивала, а Коленьку совсем поздно родила, за три года до пятидесяти.

Вот чудо было так чудо. А потому супружеская чета императоров едва на полтинник тянула, морщинки и седина только сейчас пошли. Да и здоровье, тьфу-тьфу, пока не подводило, хотя возраст, конечно, чувствовался. Кости к непогоде ломило, давление прыгало, да и болел организм то там, то тут. Но приступами, не постоянно.

— Ваше императорское величество...

— Присаживайтесь, ждате царя заставляете, — Петр с улыбкой посмотрел на вошедших — молодые, кровь бурлит. Впрочем, чего жаловаться — и он еще не слишком стар, в рухлядь не превратился.

— Государь...

— Да ладно вам, это я так на вас ворчу, по-отцовски. — Петр усмехнулся, ведь по здешним понятиям он младшему Рейстеру вторым отцом был, крестным, а это много значило.

Луке же своему старый Денисов наказ родительский дал, тут тоже отношения почти родственные были, чисто казачьи. Но строгие — Петр этой парочке спуску не давал, а за службу вдвойне с них требовал — все ж свои люди, можно и построже спросить. И уверен был в сыновьях своих друзей — не предадут никогда, в отцов породой пошли!

Впрочем, так же, как и в их подчиненных — и старообрядцы, и донцы тоже преемственность устроили. Все же тридцать с лишним лет прошло. Отцы службу давно покинули, на их место, да с наказом строгим, сыновья пришли, и даже внуки.

А потому тянут лямку истово, чтоб позора на седую родительскую голову не пало. Честью заслуженной гордятся — с самим императором на «ты», «государем-батюшкой» величают.

И царь их в ответ привечает ласкою, про отцов всегда вспоминает и добрым словом их службу хвалит. Ему самому даже приятно былое вспомнить, зато как горят глаза казаков и егерей, когда их родителя государь хвалит и поклон от себя просит передать, а то и подарок.

Полковник в защитной егерской мешковатой форме и войсковой старшина в синей донской были на друг друга похожи. Оба бородаты до неприличия, кряжисты, не улыбкивы.

Третьим зашел молодой подполковник, лицо словно топором вырублено. Стар стал Дмитрий Васильевич, и почитай пятнадцать лет Петр кабинет-секретаря подобрать не мог. Требования больно жесткие ставил да произвольно с Волковым ассоциировал.

И надо же — два года назад совершенно случайно нашел в лице скромного офицера военного министерства. По фамилии Аракчеев. Да-да, тот самый, что вызывал лютую неприязнь декабристов и самого Пушкина.

— Важные депеши, государь, — негромко произнес секретарь и протянул свернутые трубками письма. — От ее величества. И из Варшавы от...

— «Горящие»? — только и спросил Петр. И, уловив движение бровей своего помощника, с усмешкой сказал: — Тогда позавтракать успеем, новости подождут. А ты, Лука, молитву читай, да к трапезе приступим, ибо мыслю, скоро у нас не будет времени не то чтобы поесть, но и лоб

перекрестить. Пора настала, и время не ждет...

День первый

27 июня 1797 года

Черное море

Палуба 100-пушечного линейного корабля «Киев» ощутимо подрагивала, но гигант ходко скользил по лазурной глади тихого Черного моря. На грот-мачте лениво трепыхался большой желтый флаг с черным двуглавым орлом, хищно раскинувшим в стороны лапы.

Петр задрал голову с улыбкой на губах, с нескрываемой гордостью посмотрел на свой личный штандарт, что сигнализировал всей эскадре — император пребывает здесь, на флагмане.

Хотя какая тут эскадра?! Весь славный Черноморский флот, около сотни вымпелов, сейчас медленно стягивался к Босфорскому проливу, надеясь с ходу пройти узости и всей силою вломиться в Константинополь, как матерый кабан в камыши.

— «Кабан»? Хм...

Император задумался — мысль показалась ему удивительной. А ведь с этим «зверем» заклятые рыжеволосые друзья изрядно повозятся, это им не несчастных лис по чистому полю собаками травить. Тут противник у них будет намного серьезнее, с «клыками» и «непробиваемой шкурой»...

— Странные времена приходят на море, ваше величество. Дымят и дымят, и хода не снижают.

Высокий моряк, с покатыми, но широкими плечами, с просмоленным ветрами и солью лицом, показал рукою, с зажатой в ладони подзорной трубою, далеко вперед в направлении на берег.

Петр оторвался от размышлений и посмотрел в указанную заслуженным адмиралом сторону. Там, в густом черном шлейфе, медленно продвигались пять кораблей небывалой дотоле конструкции. Три больших, высокобортных, ныне именуемых винтовыми корветами, и два малых, кургузых, с изрядной долей черного юмора окрещенных императором в «безбашенные» броненосцы.

Петр три года тому назад припомнил однажды прочитанный сюжет про броненосный корабль конфедератов «Мерримак», или «Вирджинию», как его порой называли, что навел жуткий ужас на «северян» в годы Гражданской войны в Америке.

А потому, как только была подготовлена техническая база, приказал спроектировать и незамедлительно построить парочку подобных кораблей, при одном взгляде на которые у издавших виды русских адмиралов дружно отвешивались челюсти.

Еще бы — и полсотни метров в длину не будет, но толстые, как сардельки или надутые через соломинку игривой деревенской ребятней болотные лягушки. Борта низкие, в хорошую волну волны запросто захлестнут, и потонут они как топоры, славно сгинув, только одни пузыри пойдут. Зато броня имеется, если, конечно, применимо к ней это слово. Обычные железные бруски, прокованные паровым молотом, но толстые, в пять дюймов, состыкованные рядами и хорошо закрепленные. Да еще за ними чуть ли не с аршин мореного дуба, что сам по себе являлся надежной опорой и защитой.

В центре корабля каземат, с которого растопыренными пальцами нового русского торчат две трубы из толстого листового железа. В узкие пушечные амбразуры, прикрытые «бронированными» портами, хищно глядит дюжина широких «рыл», по шесть с каждого борта, единственные на флоте 68-фунтовые пушки, именуемые бомбическими орудиями.

Эти первые в мире винтовые «броненосцы», названные им за «упитанность» и грозный вид

«Вепрь» и «Секач», произвели на русских адмиралов ошеломляющее впечатление, намного большее, чем раньше пароходы с огромными колесами по бортам.

Поначалу моряки сочли их очередной причудой императора, который выбросил на ветер немалые деньжищи. Уродцы получились хоть куда, толстые до безобразия, да еще с «кабаньими» названиями.

Именно к последним прицепились острые на язык молодые морские офицеры, отчего отечественные «мерримак» получили от них вторые имена, уже «свиные», насквозь неофициальные — «Хряк» и «Боров».

Ирония понятна, ведь появление первых пароходов было воспринято моряками достаточно скептически — чадающие копотью лоханки, уступающие в скорости боевым, чисто парусным кораблям. Единственное их достоинство в том, что штиль не страшен, да против ветра чапают по воде намного быстрее любого парусника — ведь тому лавировать приходится.

Прогресс на русском флоте прижился, пусть не сразу и с долгими мучениями. Однако ведь сам флот слишком молод, даже возмутительно молодой. Некоторые старики еще помнили его основателя, императора Петра Великого. Потому нововведения принимались в России намного легче и спокойнее, не было еще таких устойчивых и жестких морских традиций, как у сыновей Туманного Альбиона.

Адрианополь

— Пулей опрокидывай да на штык бери! Вперед, ребятушки, вперед — сминай супостата!

Молодой генерал, два года назад перешагнувший тридцатилетний рубеж, но уже закаленный в войнах ветеран, кричал знакомые всем русским солдатам слова из суворовской «Науки побеждать».

Да и сам князь Петр Иванович, из рода грузинских царей Багратиони, был самым ярким представителем школы знаменитого русского фельдмаршала, исповедующей четырехсловный принцип — «Глазомер, быстрота, натиск — победа!».

— Вперед, братцы! Умрем за веру православную!

Призывы любимого солдатами генерала были сразу поддержаны служивыми — густые цепи знаменитого на всю армию гвардейского Апшеронского полка в клубах порохового дыма покатались вперед, к возвышенной цепи небольших холмов, что закрывала путь к заветному Адрианополю, городу, основанному византийским императором и переименованному турками в Эдирне.

Полуденное солнце прожарило воздух, серая земля, казалось, раскалилась, как сковорода для грешников. Но привыкать ли к тому русскому солдату?! Враги, чай, тоже из плоти и крови сотканы, не монстры какие-то, а простые люди — им также тяжело.

Османь огрызались отчаянно, холмы местами заволакивало густым пороховым дымом — время от времени над русскими пролетали ядра, с шипением раздвигая воздух.

— Скверно турки стреляют, ваше высочество! Вы не находите?!

Молодой полковник в мундире Генерального штаба только молча кивнул на восклицание генерала Багратиона — его глаза были прикованы к полю разворачивающейся баталии.

Это было первое сражение для великого князя Константина Петровича, в котором он лично участвовал. До этого дня фельдмаршал Суворов строго-настрого приказал ему в бой не лезть и вот сегодня послал с приказом к командующему авангардом, дабы князь еще глубже попытался обхватить турецкие позиции и разгромить воинство Фархада-паши, плотно перекрыв туркам дорогу к Проливам.

Хотя было бы точнее назвать семитысячный отряд князя Багратиона аррьергардом — главные силы русской армии уже взяли Мидию и рвались на юго-восток, к Константинополю,

заветному Царьграду.

2-я гвардейская дивизия пошла в наступление в противоположную сторону, на юго-запад, к Адрианополю, туда, где ошеломленные стремительным русским натиском османы напрягали последние силы, чтобы нанести сильный удар по тылам наступающей без оглядки русской армии.

Константин Петрович прекрасно знал по своей штабной работе, что сейчас османы лихорадочно собирают здесь все что можно, пытаются спешно увести уцелевшие части из Болгарии, где победно наступали войска Дунайской армии генерал-аншефа Кутузова. Там русские тоже добились впечатляющих успехов, да и местное болгарское, греческое и валашское население поголовно восстало против турецкого владычества, яростно поддерживая своих освободителей, православных единоверцев.

Горячее молодое сердце билось так сильно, словно норовило выпрыгнуть из его груди. Первый бой, как первая в жизни любовь, — всегда желанен, но не всегда милостиво обходится. А ведь Константин Петрович всего на пять лет младше Багратиона — но генерал окутан славой, как римский триумфатор тогой, а тут...

Петербург

— Эти французы — исчадия ада! Как их только земля носит?! Они дерзнули не только лишить жизни своего монарха, но и поднять руку... Бедная и несчастная моя сестра...

Императрица непритворно всхлипнула, дряблые щеки задрожали, в поблекших глазах выступили слезы. Екатерина Алексеевна приложила кружевной платочек к носу.

— Ваше императорское величество...

Английский посол склонился в поклоне, а сам тихо пожелал только одного — чтобы русская царица не впала в очередную истерику. Она с ней часто в последние годы приключалась, особенно когда речь заходила о французах, что устроили у себя революцию и подняли руку, вернее топор гильотины, не только на помазанника божьего, но и на его жену. Сейчас вся Галлия залита кровью, революция алчно пожирала своих детей.

— Поверьте нам, ваше императорское величество. Мой король и лорды, весь парламент и народ, мы все с негодованием относимся к происходящему во Франции...

— Это все проклятые революционеры. — Императрица отняла платочек от лица — красные глаза смотрели с такой яростью, которую трудно было представить у женщины столь почтенного возраста.

— Они получают то, что заслуживают. Скоро все наши армии обрушатся на них... И раздавят, как мерзких клопов!

Посол внутренне напрягся — как бы не впала в истерику царица, ибо немецкая принцесса в ней давно исчезла, а взамен вылезла, как это говорят сами москвиты, баба!

Императрица судорожно дернула головой, словно подзабыв хорошее германское воспитание и привитые с детства манеры. Посол терпеливо ожидал, когда она заговорит с ним снова, искренне радуясь, что в кабинете не стоит старушечий запах увядающей женщины, который ни одними духами и благовониями не заглушить.

— Ваша страна тоже перенесла революцию в свое время, но быстро опомнилась от этого кровавого безумия. Но вы, англичане, не французы — у тех ветер в голове гуляет всегда. Это они поддерживали ваши мятежные колонии в Америке, что тоже исповедают гнусный республиканизм. Знайте же, что все беды идут только от них, этих мерзавцев! Они — бельмо на глазу у всех монархов. Да сохрани нас Господь от этой нечисти!

Императрица неожиданно повернулась к нему спиной и, обойдя письменный стол, подошла к иконостасу, что сверкал золотом и серебром богатых окладов. Женщина принялась

негромко молиться на русском языке, широко крестясь по православному обряду.

Посол еле заметно поморщился при намеке на казнь английского короля Карла во времена Кромвеля полтора века тому назад, но вида не подал. Наоборот, сам перекрестился, глядя в изогнутую спину молящейся русской императрицы.

Он успел заметить, что этим делом женщина занималась довольно часто — толстая подушка, на которую Екатерина Алексеевна встала на колени, была уже порядком потерта.

С невозмутимостью истинного британского джентльмена посол сохранял приличествующее выражение лица.

Русская императорская чета славилась на весь мир своим ханжеством и скаредностью, и уже давненько никто этому не удивлялся. Хотя никому в голову из монархов не пришло бы превращать свой кабинет в молельню. Никому, кроме этих свихнувшихся германских супругов, что любого русского переплюнут в своей набожности.

Ханжи!

Но ни один мускул не дрогнул на лице посла — ко всякому привык за годы служения британской короне. И англичанин, как бы демонстрируя участие и хорошие манеры, с самым скорбным видом снова перекрестился, но слева направо, как учит истинная христианская вера и англиканская церковь, а не ее схизматические отклонения, вроде этого православия, как раз подходящего для московитских варваров.

Хотя если бы потребовалось для блага британской короны, то он тоже бы отбивал земные поклоны и даже — о ужас для настоящего джентльмена, привыкшего к бренди с пивом и ростбифу с кровью, — соблюдал даже их затяжные посты с этим жестоким вегетарианством.

Какие глупости!

Остров Шумагина

Солнце не могло пробить своими лучами густую туманную дымку, обычную для этих затерянных богом мест, — несмотря на полдень, на берегу царил полусумрак.

Но место было обжитым и доходным, о чем свидетельствовал сложенный из толстых бревен «государев амбар», служивший для сбора «мягкой рухляди» — шкур морских бобров и прочих животных. Этот бесценный мех служил главным средством для жизни многих поколений алеутов, а сейчас местных русских, для которых именно они да юконское золото обеспечивали жизнь немногочисленных поселений на Аляске.

На большом острове острога не имелось, да и не нужен он был здесь, в двух днях плавания от Кадьяка, на котором находился один-единственный городок — Петровская Гавань. Там проживала без малого тысяча душ русских и казаков. Имелся порт, в котором легко затерялись пара небольших военных шлюпов и два десятка кургузов, но вместительных кочей, что обеспечивали перевозками вытянутую на две тысячи верст Алеутскую гряду, заходили в устье Юкона и смело добирались до Камчатки.

На самих Алеутских островах жили только туземцы; все русское представительство на них обеспечивалось дюжиной «ясачных зимовий», одно из которых и было на острове Шумагина, самом близком к резиденции губернатора на Кадьяке.

Следующие поселения имелись на Уналашке, одном из самых больших островов гряды, ну а последнее — на Командорских островах, что открыл еще при царице Анне Иоанновне командор Витус Беринг.

Впрочем, туземцы там не проживали, и тамошние «зимовейцы» занимались немислимым ранее, но теперь вошедшим в обиход делом — защищали от «промышленников», что в алчности своей не знали пределов, морских коров, коих чуть целиком не истребили до последней, но вовремя спохватились и наложили строжайшие запреты.

Причем озаботились этим делом, к великому изумлению местных землепроходцев, в самом Петербурге, откуда пришло грозное повеление монарха морских животных не истреблять, и даже вводились «заповедные года», в которые убой зверя был запрещен под страхом лишения живота.

Потому и выставили везде «ясачные зимовья» — и дань с туземцев собирать, и порядок блюсти — полдюжины казаков на каждом из них быстро навели должный страх на алчных добытчиков.

И шутка ли — сам губернатор Аляски, статский советник Григорий Иванович Шелихов, везде поставил своих надсмотрщиков, и теперь забой тюленей и бобров производился только по его прямому разрешению, которое он практически не давал, за исключением местных аборигенов, что имели на этом пропитание.

И так приструнили нарушителей царского запрета, крепко и безжалостно, как закоренелых татей и лихоимцев, что теперь о браконьерстве на островах давненько не слышали.

Да и туземцы, особенно на Уналашке, где по первости даже стычки с казаками и матросами имелись, присмирили и под руку государеву всем народцем с охотой, без невольного принуждения, пошли.

Браки совместные взаимную неприязнь быстро заглушили — русские и казаки, мужчины молодые, холостые и крепкие, девок местных охотно в жены брали. А там и детки пошли, а уже и внуки — о былых распрях забыли, с родичами воевать как-то не с руки...

Черное море

Военные пароходы в России активно мастерили уже пять лет, но до того два десятилетия кропотливо отрабатывали различные конструкции паровых машин и самих кораблей. Быстро настроили несколько сотен речных судов: от небольших буксиров до пассажирских «лоханок» довольно приличного размера.

И, лишь набив руку да сумев склепать паровик на три сотни «лошадиных сил», приступили к военному флоту — вначале пошли со стапелей малые пароходы, позже заложили большие по водоизмещению.

Однако «вместилища копоты и пара» не могли вытеснить из боевой линии парусные линкоры, многие из которых несли на трех палубах до сотни пушек. Гребные колеса занимали всю середину корабля, оставляя для пушек лишь нос и корму. С превеликим трудом строители втискивали на пароходы пушки — по полдюжины на корветы, по дюжине на фрегаты. Пусть крупного калибра, но недопустимо мало.

А потому на русском флоте их «пароходо-фрегатами» не именовали, как в реальной истории при императоре Николае Павловиче. И были правы — любую баржу можно линкором объявить, но оттого она им не станет. Так что колесные пароходы хотя и заняли свое место на флоте твердо, но только как вспомогательные корабли, или даже суда — как их моряки с некоторой презрительностью именовали.

Петр стремился сломать сложившееся предубеждение и очень надеялся преуспеть в этом деле. Ставка сейчас была сделана на новейшие паровые суда — три корвета и пару «кабанов», что шли сейчас отдельным отрядом под командованием молодого Грейга, сына знаменитого адмирала.

И опять, о гримаса изменившейся судьбы, история в который раз на его глазах поменяла свой извилистый путь.

Старший Грейг, как Петр знал, должен был умереть еще десять лет назад, едва достигнув пятидесяти двух лет, добившись очередной яркой победы, но уже над шведским флотом.

Вот только войны с северным соседом сейчас не произошло, наоборот, отношения между государствами потеплели настолько, что император с легким сердцем отдал свою младшую

дочь замуж за шведского кронпринца, герцога Карла Зюдерманландского. Правда, предпринял некие шаги, оставшиеся в глубокой тайне, чтоб зять пораньше на себя водрузил королевскую корону — слишком непредсказуем был его старший брат на троне. Да и от зятя сейчас одна головная боль...

А старый адмирал вместо туманной Балтики уже как двадцать с лишним лет заворачивает всеми делами в Архипелаге — там у России и острова есть, и Морея под ее покровительством находится.

— Ты что-то сказал мне, Федор Федорович? — Голос Ушакова пробился через заслон размышлений, и Петр вернулся в действительность. Нехорошо получилось — заслуженный флотоводец ему что-то важное говорит, а он его почти не слушает.

— Я думаю, не совершили мы ошибку, государь, приняв решение, что все наши линейные корабли должны быть оборудованы паровыми машинами и винтами? — с задумчивым видом спросил адмирал Ушаков и тут же торопливо добавил: — Нет, польза в паровых двигателях несомненна, особенно в штиль. Я о другом — ведь на флоте наступят новые времена.

— Что делать, Федор Федорович, — Петр усмехнулся, — и на море пришел век пара. Хватит по рекам копить и ступицами хлопать по воде. Пора, давно пора. И как видите, не зря. Мы вынуждены лавировать, ловить ветер, а они как шли, так и идут, и нас намного опережают.

Он с усмешкой показал на идущий далеко впереди отряд Грейга, за которым тянулся длинный черный шлейф дыма. Эти корабли первыми получили в этом мире винт, который, как он знал, в *той* истории появился на сорок лет позже. И главными для него являлись корветы, как это ни парадоксально, а не кургузые, укрытые железной броней мониторы.

Век пара уже наступил — промышленная революция охватила Англию и Россию, причем последняя была отнюдь не отсталой. В *той* истории Россия в начале царствования Екатерины Великой выплавляла втрое больше чугуна, чем Англия. А в конце века удвоила выплавку, доведя ее до шести миллионов пудов. И продолжала опережать гордых бриттов, несмотря на их успехи, хотя и ненамного. Сейчас экономическое превосходство не только не утеряно, наоборот, постоянно наращивается, и темпы роста российской промышленности продолжают оставаться высокими.

Да и в военном отношении преимущество пока сохраняется серьезное — все европейские страны уже перешли на нарезные дульнозарядные штуцеры с саморасширяющимися пулями. Погнались за Россией, вот только это оружие — вчерашний день: русская армия уже полностью перевооружена на казнозарядные нарезные ружья.

Дальность стрельбы штуцера и винтовки почти одинакова, вот только скорострельность разная. Со штуцера выстрелили разок и минуту заряжают, если обычной пулей, лихорадочно орудя шомполом. За это время русский стрелок прицельно тратил все четыре патрона с магазина и успевал заново его снарядить и столь же прицельно опустошить.

Но то на суше, а вот на море впервые в истории появилась уникальная возможность утереть нос британцам на их любимом поприще. Именно винтовые линкоры англичан и французов захватили господство на Черном море в Крымскую войну — русский парусный флот, во главе которого стояли превосходные адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин, не смог противостоять паровым гигантам и погиб в Севастопольской гавани.

И дело не в косности императора Николая Павловича и его окружения, просто Россия, лишившись экономического преимущества прошлого, запоздала со строительством парового флота, а союзники с выгодой для себя использовали выигрыш времени.

— Видишь ли, Федор Федорович. — Петр с немногими военными был на «ты», как бы подчеркивая этим обращением свое к ним доверие. И этим отношением царя с его «тыканием» очень дорожили. — Англичане пока не сообразили, какую выгоду несут паровые машины. А

потому за эти три-четыре года мы должны построить как можно больше новых линейных кораблей. Потом для нас все будет намного труднее — на их острове верфи начнут бесперебойное строительство новых кораблей, мы неизбежно утратим свое преимущество. Но пока оно у нас есть, и мы должны использовать его с максимальной для России выгодой!

Адрианополь

Константин завистливо покосился на грудь генерала Багратиона — там на темной ткани мундира тускло светился запыленный беленький заветный крестик — и тяжело вздохнул, с трудом сдерживая вспыхнувшую, как сухая солома, зависть. На шею генерала он даже не стал смотреть, чтоб не расстраиваться лишний раз.

Орден Святого Георгия третьего класса вообще редкостная награда, великий князь был бы рад даже четвертой степени, что на колодке. И снова вздохнул — даже сей крест можно только за подвиг воинский получить, а как его совершить прикажете?!

— Ваше превосходительство!

К Багратиону подскакал молодой подпоручик в запыленном гусарском мундире — лет семнадцать, глаза шальные.

— Татары идут, там, за холмами. Сотен десять, не меньше! И янычары с ними, орта, а то и больше!

— Откуда они взялись?! — в возгласе Багратиона страха не было, а одно безмерное ликование. Князь повернулся к царевичу.

— Повезло нам, ваше высочество, сегодня довершим дело, вашим отцом давно начатое.

Константин только кивнул в ответ — еще бы ему не знать, как в позапрошлую войну, 27 лет тому назад, его самодержавный отец наголову истребил турок и крымских татар при Ларге, Кагуле и Пруте. А потом одним рывком захватил Крым, это гнездилище разбойников, что столетиями пили кровь со славян — русских, малороссов, поляков и казаков. Тогда им было отмщение за все те длинные вереницы несчастных рабов, что ликующие татары столетиями уводили за Перекоп.

И вот султан собрал ошметки той орды, что избежала заслуженного ими избиения, ибо добрая треть татар присягнула России, и клятву эту исполняла с достоинством и прилежанием...

— Скачите, ваше высочество, к фельдмаршалу. Мы их истребим и закроем туркам дорогу к Царьграду. Пусть армия смело поспешает вперед — Фархад-паша на помощь султану не придет.

— Так точно, ваше превосходительство!

Отец всего один раз такую ему выдал нахлобучку за нарушение субординации, что этот урок Константин на всю жизнь запомнил. А потому, хоть он и «его высочество», но в данный момент «их превосходительное сиятельство» (тут молодой великий князь улыбнулся над своею незамысловатой шуткой) его непосредственный командир, приказы которого следует соблюдать от сих до сих. Иметь второй тяжелый разговор с императором молодой царевич не желал категорически.

И снова горестно вздохнул — в бой его явно не пускали ни старый фельдмаршал, ни этот молодой генерал. Обидно до слез! Но делать нечего — против воли самодержавного отца не пойдешь!

Петербург

Посол тяжело вздохнул, перекрестился, беззвучно шевеля губами, будто читал молитву, а сам продолжал думать о своем, крестясь перед иконами и отвешивая поклоны. Ничего не поделаешь — политика, как и искусство, требует жертв.

Три года тому назад весь русский двор, узнав о казни этой набитой дуры Марии Антуанетты (посол чуть не скривился, вспомнив высокомерную австриячку, жену короля Людовика и сестру австрийского императора), оделся в траур, который, мыслимое ли дело для культурной Европы, соблюдался чуть ли не полгода.

А эти бесконечные молебны, изнуряющие тело посты, что ханжеские супруги налагали на себя, а заодно на весь Петербург. Даже английские пуритане, известные своим аскетизмом, прах их раздери, до такой изуверской строгости не додумались.

Никто из богатых русских вельмож в эти долгие дни ничего не праздновал и сам в гости не хаживал. И в иностранные посольства на торжественные обеды князя не ходили, откровенные беседы о российской политике перестали вести.

Хотя и не было прямого на то царского запрета, но все прекрасно знали, что найдется кому донести куда следует, а там последует вечное отлучение от двора. Прецеденты уже были, а эти русские варвары готовы на коленях лизать монаршую длань.

Рабы!

Посол мысленно улыбнулся, но продолжал креститься и читать молитву. У русских словечко есть одно — холопы. Очень даже хорошо ко всем ним подходит. Варварская нация, хоть и одевается по лучшей европейской моде, лопочут на разных языках, а все одно — варвары. И хуже того — любой нормальный европеец, пообщавшись с русскими долгое время, сам таким же и становится.

Примеров тому масса, ходить далеко за ними не нужно. Вот один перед ним на коленях стоит перед иконами, чуть ли чугунным лбом не стучит о вощенный пол...

— Кхе!

Посол непроизвольно кашлянул, несколько смущенный — все же он мужчина, и не стоит так думать о женщине, тем более коронованной особе. Но не хотел бы он стать в старости таким же приторно набожным до омерзения для всякого просвещенного джентльмена, как русский император и его почтенная супруга.

Действительно, прав тот образованный русский граф, что совсем к месту пошутил над монаршей четой в английском посольстве — заставь дураков богу молиться, они и лоб расшибут.

Вот только плохо кончил этот смелый и порядочный русский дворянин, настоящий европеец без всяких комплексов, посланный по казенной надобности в безлюдную Сибирь, где в лютые морозы даже волки свои лапы с хвостами теряют.

Дикари они! Разве так можно поступать с людьми, что всей душою к ценностям английского просвещения тянутся? Даже их императрица, урожденная германская принцесса...

Посол чуть не закашлялся, стушевался и даже помотал головою, как усталая крестьянская лошадка, отгоняющая приставучий гнус. Но то продолжалось всего лишь одну секунду, и маска ледяной невозмутимости снова наползла на лицо.

Ну что за разные мысли посторонние идут в голову?! Нет, нет и еще раз нет. Гнать подальше и сосредоточиться только на деле, которое не терпит отлагательств.

Сегодня и сейчас он заставит ее величество дать британской короне четкий и недвусмысленный ответ. И прах раздери их византийскую изворотливость с коварством!

Остров Шумагина

Шумагинское зимовье было солидным — кроме «государевого амбара», где сейчас хранилось почти восемь тысяч выделанных шкур, имелась большая «приказная изба» да крепкий двор.

Рядом расположилось приземистое строение из крепких бревен, с проделанными в них

бойницами и печной трубой, что поднималась из крыши, — «караульня». Над ней возвышалась сложенная из бревнышек невысокая дозорная башня. Частокола из заостренных бревен не имелось — не острог, чай, лихих людишек днем с огнем не отыщешь, а туземцы власть уважают и бунт вряд ли поднимать станут.

Посему население зимовья было совсем небольшим — приказчик Семен Прокофьев с женой Анной, крещеной камчадалкой, и старшим сыном, что помогал ему в разных делах. Младший сынок на Кадьяке в приказной школе учился, что губернатор недавно открыл — нужда в грамотных людях на Алеутах, как и на Аляске, была огромная, а на далекую Россию в этом деле полагаться не приходилось.

На самом деле — зачем подросших детишек куда-то за тридевять земель отправлять, их на месте учить надобно. А для того во всех трех острогах на Аляске школы открыли, а в самом Ново-Архангельске даже гимназию с кадетским корпусом.

Сейчас приказчика с семьей да двух алеутов с бабами и детишками в зимовье не было — Прокофьев на Кадьяк уплыл на коче по делам с пятью казаками, что семьи свои проведать решили.

Алеуты в родное стойбище ушли, на другой конец острова. Помощь была нужна — всем родом рубленые дома ставили, у русских жилище заимствуя — и теплое, и чистое. А потому в зимовье остались только трое молодых казаков с пожилым, выдавшим всякие дела урядником.

Один из казачков стоял на вышке, внимательно наблюдая за беспокойным морем, хотя разглядеть что-либо за туманной дымкой было затруднительно. Но служба есть служба, и нести ее надо без послаблений — это казаки впитывали в себя с молоком матери да в постоянных стычках с супротивником — пролитая в них кровь и была самым лучшим учителем.

Трое других вольготно расположились у еще не потухшего костра — красные от жара угли хорошо играли, раздуваемые ветром. Они вели неспешную беседу о ратных делах, с деланным безразличием ожидая, пока в углях дойдет самое любимое русскими переселенцами блюдо, в одночасье завоевавшее полную симпатию.

— Хорошо мы тогда тлинкитов потрепали, почитай, всех изничтожили. А так, вояки они добрые, смертным боем бьются. Плен за бесчестие полагают, как и мы.

Старый казак с суровым лицом, покрытым шрамами и морщинами, пошевелил заостренной палочкой черную золу костра, горячую, с дымком. И ловко вытянул оттуда черный от золы комочек. Посмотрел на него и тут же вынес свой вердикт:

— Готова картошка! Налегай, станичники.

Два молодых казака, что до того раскрыв рты слушали бывалого урядника, тут же разворошили угли и золу, выкатив два десятка горячих комков. Прижился заморский земляной плод на суровой земле наравне с русской репой и морковью. И не только привыкли к нему, нет, уже почитали, особенно те, кто скорбутом, цингой по-другому, переболели. И хвою пили, и кору, и траву — ничего не помогало страдальцам.

Зато картофель, что всю зиму в теплых ящиках лежал, даже совсем маленький клубень, чудо великое творил, если сырым ели. А потому за последние годы только его и выращивали на маленьких огородиках — суров здешний климат, почти ничего не произрастает.

Хотя в Юконском и Ново-Мангазейском острогах, что в глубине залива стоят, к северу от Петровской гавани, на самом берегу между гор, стараниями губернатора несколько очень больших теплиц поставили. Стекло в острогах уже вовсю варили, свое — не из России же везти. А потому вышли они на заглядение, добротные, с печами внутри для обогрева. Да еще медные трубы от печей под насыпными грядками пустили — урожай за короткое лето вызревал добрый. Особенно радовала сердца капуста — ее квасили в больших кадушках с морковью, добавляя укроп и кислые антоновские яблоки, что привозили из Ново-Архангельска.

Казалось, навсегда ушли те дни, когда от голода зимой брюхо подводило, как у тощих изголодавшихся волков...

Черное море

Петр с улыбкой посмотрел на «кабанов», что величаво дымили трубами в отдалении.

Вечерело.

Русский флот пусть медленно, но шел к заветному Босфору. Там только пройти узкий и короткий, всего тридцатикилометровый пролив, и он сам воочию увидит легендарный Константинополь.

Царьград!

Город, что веками манил русских к себе — еще вещей князь Олег прибил на его ворота свой щит. От этих стен пришло крещение на Русь, сюда шел знаменитый путь «из варяг в греки». Но все связи были безжалостно отрублены три с половиной века тому назад, когда османы штурмом взяли Константинополь, а последний византийский император погиб на залитой кровью улице.

С той поры Босфор унес немало воды, но и бед принесло на Русь никак не меньше. Османы перекрыли путь не только в Европу; они схватили русских за горло. Не сами, конечно, а опосредованно — крымские татары чуть ли не ежегодно устраивали набеги, и тысячи русских невольников продавались в рабство здесь, под высокими минаретами Ак Софии, великой православной святыни, собора Святой Софии — Божественной Премудрости.

— Ну что за напасть такая на православных?! — не удержав возмущения, пробормотал Петр.

Еще бы — поляки, создавая Речь Посполитую, переделывали церкви в костелы или разрушали их. И это католики, христиане называются, что других, принявших учение Христа из Константинополя, до сих пор еретиками, схизматиками именуют.

Да тьфу на них!

Османы поступают так же, как и католики, даром что учение Магомета разделяют. Церкви больше разрушают и реже перестраивают, как Святую Софию в частности. Установили по углам четыре высоченных минарета, и вместо православных заутреней там сейчас намазы. И муэдзины к ним с высоты призывают всех правоверных.

— Вот такие пироги с котятами!

Петр усмехнулся — сами православные ни мечети, ни костелы в соборы не перестраивали. Зачем на чужую веру и храмы посягать? Даже в Крыму, куда ворвалась четверть века назад русская армия, распаленная яростным и кровопролитным штурмом, ни одну мечеть не тронули, даже казаки, что валили свирепой волной, считая все на своем пути.

Он сам хорошо понимал простых русских солдат и донцов — те шли с мексией за то многовековое горе, что принесли крымчаки. Тогда Петр с немалым трудом остановил резню, понимая, что в противном случае ни о каких переговорах с турками и речи быть не может.

Но с тех дней степным разбойникам был дан жестокий урок, и сейчас обитатели Крыма являлись вполне лояльными подданными, ничем не хуже тех же казанских татар. Но, на всякий случай, Петр повелел сформировать из крымских сорвиголов уланский полк и тем самым вытянул с полуострова самый беспокойный и боеспособный контингент.

И сразу же отправил его к Бугу, что сейчас являлся границей между Польшей и Россией. Да и занимались там татары привычным делом, приведя мятежных ляхов к повиновению и хорошенько пограбив тех, кто усмиряться не захотел, — куда ж без этого на войне.

— Ваше величество! Извольте ужинать!

Нарцисс стоял за спиной, терпеливо ожидая от него ответа. Верный арап не пожелал с ним

расставаться и, хотя он уже разменял седьмой десяток, морскую качку переносил хорошо, прямо на диво. Будто на корабельной палубе родился и все прожитые годы на ней провел.

— Пойдем, мой преданный друг, — только и сказал Петр, резво спускаясь со шканцев по трапу. Ужинал он на флагманском корабле в своей каморке в гордом одиночестве, зато обедал в заполненном до отказа адмиральском салоне среди моряков и свитских.

В маленькой, очень тесной каюте, где еле помещалась койка, стол со стулом и шкаф, он проводил большую часть дня, работая над корреспонденцией, изредка поднимаясь на палубу для отдыха — подышать соленым воздухом полной грудью.

Помолившись, Петр уселся за стол и принялся ужинать, весьма скромно, без всяких петербургских разносолов, из «морского котла», который мало чем отличался от обычной полевой армейской кухни, с ее постоянным меню — «щи да каша — пища наша».

Адрианополь

— Ваше высочество! Янычары!

Константин Петрович услышал сдавленный выкрик казака и оглянулся. Из-за холмов словно мутная река прорвалась, неся на волне пестрый мусор. И гул шел страшный, такой, что волосы на голове дыбом встали. Молодой полковник лихорадочно заскользил глазами по сторонам — вперед рвануться, к побережью, где шли главные силы фельдмаршала Суворова, бесполезно, не успеть никак, перехватят. Да и далеко туда...

— Надо убираться отсюда, ваше высочество, — тихо произнес молодой хорунжий, что с десятком отборных конвойных казаков сопровождал Константина Петровича в этой поездке. И добавил тихо, но твердым голосом, смотря прямо в глаза: — Нужно наших предупредить, ваше высочество.

— Да-да, конечно. — Полковник рванул повод, заворачивая коня, и дал шенкеля. Тот рванул с места в галоп, так что копыта застучали — понимало умное животное, что хозяин в неприятность попал. Следом помчались казаки, прикрывая спину.

Десять минут бешеной скачки пролетели, как миг. Загнанный конь подскакал к невысокой гряде, на которой Константин Петрович разглядел пару легких пушек с упряжками. Вдалеке пылил по дороге еще один взвод — две упряжки с зарядными ящиками. На артиллеристах была грязная, еле различимая под темной коркой земляного цвета, зеленая форма — свои!

— Где командир батареи?

Константин еле прохрипел слова, выплевывая криком мучнистую в комочках пыль, забившую рот. Молодой гвардейский поручик, что по чину армейскому капитану равен, лет двадцати, не больше, с понимающей улыбкой посмотрел, но молча.

— Где командир батареи, господин поручик? — полковник повторил вопрос, но уже внятно. Он понял, что этот молоденький взводный мог просто не понять вопрос. Хрипение шло сплошное, а не слова.

— Я команду батареи, ваше императорское высочество, — со спокойным достоинством произнес офицер, тряхнув львиной гривой волос, и вытянулся по уставу. — Поручик Ермолов!

— Янычары в тыл вышли, поручик, сюда идут! Их надо задержать! Поднимитесь на гряде — увидите собственными глазами!

— Янычары?!

Офицер оторопело взглянул, не поняв сразу, откуда в глубоком тылу может появиться враг, но, осознав по взволнованному лицу царевича, что тому не до шуток, шустро поднялся на невысокий вытянутый холмик, по сути, длинный, заросший кустарником вал.

— Орудия на вал! — сверху послышался звучный голос Ермолова. — Сергеев! Скачи — пусть второй взвод сейчас же займет позиции левее, на том гребне. Оттуда ударит во фланг

османам!

— Есть, господин поручик! — Молодой солдат с нашивками капрала живо вскочил на коня и бросился в погоню за уходившими на рысях орудийными запряжками. Поручик продолжал распоряжаться, спокойно и уверенно, будто всю жизнь ждал этого боя.

— Сержант Никитин! Прошу вас догнать гренадеров, там капитан, попросите его вернуться. Нам без пехотного прикрытия эту позицию не удержать! Османов орта, никак не меньше!

Константин Петрович почувствовал, как в его душе ворохнулось нечто, похожее на добрую зависть. Да-да, он позавидовал поручику, что так спокойно принимает бой, который станет для его батареи последним — шесть полковых пушек и сотня артиллеристов вряд ли выстоят против полутора тысяч озверелых янычар. Пусть даже и с гренадерами...

— Ваше императорское высочество! Может быть, нужно доложить генералу, князю Багратиону, о случившемся?

Нет, в голосе поручика Константин Петрович не уловил скрытой издевки, решив поначалу, что его вежливо выпроваживают с позиции. Ведь так с ним поступали все генералы, хотя он и сам был военным, с немалым чином полковника — а тут на тебе!

Царевича держать подальше от фронта, поближе к тылу — наверняка так отец распорядился. Но нет сейчас над ним монаршей воли, а есть долг русского офицера, который нужно выполнять честно, не жалея ни сил, ни живота своего.

— Согласно воинскому артикулу...

Константин Петрович задержал дыхание — ведь сейчас он скажет слова, идущие вразрез с распоряжением отца. Но ведь он сам давал воинскую присягу и обязан ее выполнять, не устрасаясь живот свой положить. А значит, выбора у него нет!

Петербург

— Ваше императорское величество, — британский посол низко склонился в самом почтительном поклоне, — правительство моего короля весьма озабочено начавшейся три недели назад с Оттоманской Портой войной.

Англичанин тщательно подбирал слова, остерегаясь вызвать вспышку гнева русской императрицы. Но не в том дело! Если было бы необходимо, то он бы заговорил совсем другим языком, жестким — таким в один миг ставят этих восточных варваров на свое место, чтоб норы своей не выказывали, как они сами говорят: «Знает сверчок свой шесток».

Вот только указаний от правительства еще не поступало. Хотя посол был уверен, что сегодня-завтра в Лондоне уже примут решение, какую политику избрать в очередной русско-турецкой войне. Но он не сомневался в одном — правительство его величества постарается сделать все, чтобы русские увязли в этой войне, пролили как можно больше крови и растратили золота, но не получили бы ничего взамен.

Так случилось в прошлую войну, когда этим «медведям» хорошо надавали по лапам. Да, турки терпели поражение за поражением, русские заняли Валахию и Болгарию, и казалось, еще немного, и московиты захватят вождеденный Константинополь.

Но не тут-то было! Стоило в Дарданеллы и Босфор войти английскому флоту, как их царек разом присмирел, испугавшись возможной войны. Жаль только, что английские пушки не смели этих варваров с поверхности моря и не превратили их гавани и верфи на Черном море в дымящиеся пепелища. Какая была бы красота!

Посол не сомневался, что одна только угроза войны со стороны британской короны заставила московитов, со скрежетом зубовным в бессильной ярости, заключить мир с турками, по которому они не получили ничего, за исключением клочка Валахии!

Да, Порта признала за Россией Крым, Таврию, Кубань да Молдавию — но ведь русские и так ими владели, оттяпав четверть века тому назад. И в Греции москвитам надавали по грязным лапам, жаль, что Морея так и осталась под их покровительством. Но ничего — раз война началась, нужно приложить все усилия, чтобы русские остались, как они сами говорят — «с носом», а еще лучше, чтоб отгрыгнули все те земли, которые раньше захапали...

— Мы не желали этой войны, — императрица, как простая русская баба, всплеснула руками. — Но вы сами знаете, что ровно год назад в Константинополе янычары свирепо казнили патриарха! Они прилюдно растерзали священников и осквернили церкви! И что сделал султан?! Он наказал виновных в этом злодействе?!

В голосе Екатерины Алексеевны прорвалась ярость, жгучая, еле сдерживаемая. Посол сочувственно покачал головой, весь его вид говорил об одном — вот такие нехорошие эти турки.

— Мы ждали ровно год! И что?! Муж поехал в Киев поклониться святыням и ждал там, что Диван принесет извинения. Долго ждал! А визирь даже не соизволил отправить посланца. Да что там посол — они нам даже письма в ответ не написали! Извинений до сих пор не принесли! А ведь в Ясском договоре черным по белому написано, сами турки давали клятву христиан более не угнетать и тем паче не избивать смертным боем!

Остров Шумагина

— Хороша картошка!

Урядник тщательно очистил запеченный клубень от прилипшей к нему золы и разломил крепкими пальцами пополам. Освободить его от кожуры он не стал, так же, как и молодые казаки. И так сойдет, даже вкуснее будет, чего привередничать — горячее сырым не бывает, что казаку в брюхо попало, то и пропало.

На большой чурке живо накрыли общий для всех стол — чашка с солью, несколько головок чеснока, большая краюха ржаного хлеба. С зерном в последние годы проблем не имелось — и из Петербурга на кораблях каждый год везли, большей частью рожь, а в дальних испанских колониях пшеницу в основном закупали да кукурузу в початках. Последняя на замену хлебушку хорошо пошла, хотя и непривычная она для казаков — в холодной Сибири она не произрастала.

В дополнение к запеченному картофелю казаки решили истребить надоевшую им порядком соленую рыбу. Лосось был большим, свыше аршина, и толстым, как валенок.

Молодой смешливый казачок быстро накромсал рыбину на солидные куски острым кинжалом и взглянул на урядника — как, мол, пойдет?

Тот степенно кивнул и поднялся. Откашлявшись, принялся негромко читать молитву, как всегда делал православный люд перед каждой трапезой. За ним вторили два казачка, истово крестясь. Неспешно помолившись, все трое степенно уселись пообедать, удобнее расположившись за импровизированным столом на бревнах.

— Ты, Ванька, ешь быстрее, — старый урядник пристально посмотрел на смешливого казака. Лицо неожиданно искривилось от судороги, борода встопорщилась. — И на башне Федьку поскорее смени, пусть тоже поест успеет, а то мало ли что будет.

— Сделаю, Тимофей Иннокентьевич!

— Ты зубы мне не скаль, паря. И ружья нам приготовить надобно, и патроны...

— Зачем?!

Вопрос вырвался одновременно — молодые казаки с удивлением посмотрели на старшего.

— А то, что маета у меня на душе. Вещует сердечко... Чую, кровушку скоро на сыру землю лить придется...

Черное море

Ужинал Петр неспешно, зато мысли в голове ворочались намного быстрее. Сейчас, находясь в одиночестве, он еле сдерживал полное удовлетворение ходом начавшейся кампании. Россия в *той* истории, а это Петр прекрасно знал, войну вела с турками привычным ходом.

После объявления войны вначале следовала переброска и сосредоточение войск, чрезвычайно медлительное, потом вторжение в Валахию, выход к Дунаю, а там как бог положит.

Добирались и до Мраморного моря в 1830 и 1878 годах. Или, наоборот, еле уносили с голубого Дуная ноги, очищая захваченные территории, как в 1854 году в злосчастную Крымскую кампанию. А иной раз просто топтались на месте, мордуя турок, пытаясь выторговать лучший мир, как проделал Михаил Кутузов в 1811 году.

Петр решительно сломал сложившийся стереотип, когда в 1769 и 1783 годах турецкий Диван первым объявлял России войну. И не простую, а джихад, на который призывали всех мусульман воевать с северными гяурами до полной и окончательной победы.

Впрочем, это мало помогло османам — русские извозили их качественно. Однако во вторую войну все наперекос пошло — британцы, мать их за ногу и до седьмого колена, вмешались, и все надежды прахом пошли. Как было больно и горестно от плодов победы отказываться!

А потому так получилось, что один на один с турками схлестнулись в самый неудобный момент — знали османы, когда войну начать, и реванш попытались взять. Юшку им, конечно, пустили хорошо, вот только пруссаки с австрияками войска к русским границам подвели, да английский флот в Черное море ворвался.

— Шлюхины дети! — Петр выругался, припомнив давнее чувство бессильного унижения и затаенной ярости. Оплеуху он получил знатную, как на Берлинском конгрессе в реальной истории...

Сейчас все пошло совсем по-другому, потому что нужно было как можно скорее кончать с неопределенностью и нетерпимым положением. Когда по одной лишь милости султана зависело, дать или не дать русским кораблям проход через Проливы.

Ситуация сложилась крайне благоприятная — Австрия и Пруссия увязли в войне с французами, да еще с дележом Польши. И теперь просто не могли вмешаться, побряцать на границах оружием, и тем самым связать России руки этой угрозой. Тем паче Венский кабинет насмерть вцепился в Италию и выпускать ее из своих лап очень не хотел.

Британская империя занималась своим любимым и очень увлекательным делом — она прибирала к своим рукам многочисленные французские колонии, давала займы пруссакам и австрийцам и готовилась воевать с Парижем до последнего немецкого солдата.

Давили «просвещенные мореплаватели» и на Петербург, взывая к монаршему единению. Петр был обеими руками «за», вот только русских солдат в Италию не отправил. Ни одного — он не желал повторять ошибки императора Павла в *той* истории.

Любимая жена вот уже два года устраивала по всякому поводу громкие истерики, поминая казненную якобинцами Марию Антуанетту. И для вящей убедительности императорская чета нарочито демонстрировала набожность. А позже дружно хохотала, читая в тишине супружеской спальни перлюстрированные в «Черном кабинете», где работали русские специалисты экстра-класса из 3-го отделения Собственной Его величества канцелярии, послания и тайные депеши иностранных дипломатов.

Нет, не начнут англичане против России войну сейчас, пока увязли во французских делах — те для них намного опаснее. Однако напакостить в очередной раз смогут, а потому император решил провести неизвестную пока молниеносную войну, «блицкриг», опередив

историю на полтора века. И начал к ней готовиться заблаговременно, еще с прошлого лета...

Адрианополь

— Я принимаю командование! — звонко произнес царевич, и все офицеры и солдаты как-то заметно подтянулись. — Один взвод оттяните чуть правее, поручик, тогда можно будет картечью сшибить турок, что на насыпь полезут! Вы, сержант, выполняйте данный вам приказ. Командиру гренадеров сошлитесь на мое распоряжение. Выполнять!

— Есть, ваше высочество! — Молоденького сержанта, лет семнадцати, вчерашнего кадета, словно ветром сдуло.

— Есть, господин полковник, — в глазах поручика промелькнуло нечто, похожее на уважение — предложение царевича было разумным, и он его сразу оценил.

Именно так Ермолов хотел сам сделать, но решил посмотреть, что предпримет второй сын императора. И тот оправдал надежду — не помчался к генералу Багратиону, в тыл, а остался с артиллеристами на позиции. Ибо в уставе прямо говорится, что офицер Генерального штаба в подобных ситуациях обязан принимать командование на себя со всеми вытекающими отсюда для него последствиями.

— Как вас величать прикажете, поручик?

Константин Петрович испытывал нешуточное облегчение — обращением к нему строго по чину поручик Ермолов признал его безусловное право отдавать команды.

Ведь по титулу к непосредственному командиру на поле боя не обращаются — нет там «сиятельств», «светлостей» и даже «высочеств». Исключение оставлено только для одного императора — к тому всегда и при любых обстоятельствах обращаются «ваше величество».

— Алексей Петрович.

— Значит, мы с вами тезки. — Константин на добрую секунду задумался, лихорадочно перебирая в мозгу множественные хитросплетения дворянских связей и родословных. — Подполковник лейб-гвардии Семеновского полка Николай Николаевич Раевский вам ведь родственником приходится?

— Это так — двоюродным братом, ваше высочество. У вас поразительная память...

— Отцовское наследие, — усмехнулся Константин Петрович и повернулся к хорунжему конвоя: — Немедленно скачите к генералу Багратиону! Предупредите, что в тыл могут выйти янычары, если мы здесь позицию не удержим. Всех солдат и офицеров, кого встретите в дороге, даже обозников, направляйте сюда немедленно. Через полчаса тут такое начнется... Возьмите трех казаков, остальных оставьте со мною.

— Есть, ваше императорское высочество! Только... разрешите, — хорунжий в форме императорского Донского лейб-конвоя был несколько смущен, и Константин Петрович сам решил расставить акценты.

— Что у вас, хорунжий?

— Я останусь при вас, ваше императорское высочество. Не гоните, у меня приказ. Отправлю казаков с урядником — их сиятельство в лицо станичников помнит.

— Хорошо!

Константин Петрович чуть кивнул в ответ, прекрасно поняв казачьего офицера. Он не сомневался, что случись ему самому выкинуть что-то непотребное, и хорунжий имеет на этот счет секретное предписание — связать и увести великого князя! И ответ казак будет держать только перед императором, ни перед кем более.

Но сейчас, посмотрев на моментально посмурневшее и ожесточившееся лицо хорунжего, Константин Петрович понял, что он сделал правильный шаг в сложившейся ситуации и то, что казаки конвоя умрут здесь вместе с ним, ибо жизнь для них будет горше смерти.

И сделал в памяти зарубку на будущее — хорошо отцу, что в свое время сделал правильный выбор и нашел множество верных людей, среди которых и эти преданные, как псы, конвойцы...

Петербург

— Милый друг, я хочу, чтобы вы знали и сообщили своему королю. Мой муж немедленно заключит мир с Оттоманской Портой, как только турки дадут нам сатисфакцию. Мы не настроены вести с ними затяжную войну, как бывало прежде между нашими странами.

Императрица тяжело вздохнула и медленно опустилась в кресло. Посол с любопытством посмотрел на ее осунувшееся и почерневшее лицо, но продолжал соблюдать традиционное британское хладнокровие и полную невозмутимость, ничем — ни жестом, ни взглядом — не выражая своего интереса. Хотя... Внутри презрительно он засмеялся.

Старая стерва явно боялась — ей хватило легкого намека на британское вмешательство. И мужу отпишет сегодня, так ее пробрало. Еще бы — мало приятного увидеть флаг святого Георгия с их жалких крепостиц на Черном море. Неужели эта царская парочка считала, что она может делать все, что хочет, презрев британские интересы?!

— Война нам не нужна, — глухо вымолвила императрица, — и мы будем признательны, если правительство вашего короля выступит посредником при заключении мира между нами и османами.

Посол мысленно усмехнулся — эта бабища смотрела на него взглядом побитой собаки. Чуть ли хвостом не завиляла!

Мысль промелькнула и тут же исчезла, и пришло понимание — эти «медведи» боятся его страны, а потому им можно и нужно, не откладывая в долгий ящик, выкрутить руки.

Они должны выполнять только те дела, что несут пользу британской короне, и никак иначе. Пусть знают свое место в мировой политике и играют там вечно вторым номером, сообразуя каждый свой шаг с Лондоном.

— Ваше императорское величество, — посол склонился в самом почтительном поклоне, — якобинская зараза грозит вылиться за пределы Франции. Дело всех монархов Европы — раздавить революцию, пока она не перекинулась на другие страны и не привела к всеобщему возмущению черни. Нужно не дать им потрясти устои, нарушить спокойствие и порядок. Но без вмешательства ваших победоносных полков остановить якобинцев невозможно. А малейшее промедление может обернуться для наших стран неисчислимыми бедствиями. Мой король обращается к вашим императорским величествам с просьбой о немедленной помощи прусским и австрийским войскам, что ведут благородную борьбу с французскими полчищами.

— Да, да, конечно, мой милый друг, — старческий взгляд задрожал. Императрица негромко хлюпнула носом и достала платочек.

Посол терпеливо ожидал, когда она заговорит. Вот тогда станет полностью ясно! Выбора нет — или русские пожелают прислушаться к его словам, или они продолжат посягать на союзников Британии.

И тогда — горе им!

— Мой хранимый Богом супруг желает только одного — мира с османами. Но требует, чтобы православные храмы перестали громить! И передали нам святыни, дабы только молитвы звучали под их сводами. Константинопольский патриархат должен быть под нашим покровительством! Более ничего от османов мы требовать не будем!

Ханжи!

Посол мысленно сплюнул — царская чета явно ударилась в богоискательство. Презрев политические интересы, они желают получить церквушки. Невелика потеря — такое можно обещать смело, тем более учитывая религиозную нетерпимость турок, сие выглядит насмешкой.

Права православных они никогда не признают!

— Наше правительство всегда защищало интересы христиан, а потому смело можете положиться. Я уверен, что покровительство над нашими единоверцами должны взять на себя все монархи Европы — тогда османы будут вынуждены прислушаться к нашим законным требованиям. Искренне надеюсь, что ваше императорское величество полностью разделяет это праведное мнение английского Кабинета?

— Я согласна с вами...

Остров Шумагина

— А ведь, паря, сердце-то не зря томилось, — старый казак Тимофей Иннокентьевич Пермяков сплюнул и отер губы рукавом чекменя. И взглянул на море, словно был не в силах поверить в увиденное.

Из туманной дымки медленно выплывал большой корабль с раскрытыми портами, из которых хищно выглядывали с десятков орудийных стволов, пусть и небольших, «тонщих», как говаривали казаки, но на берегу и одной-единственной пушки не имелось.

— Не наши ли? — задумчиво протянул Федька Бобков, с напряжением взирая на море, но тут же усомнился.

— Нет, на коч не похоже, те кругляшком, да меньше. А это вон как вымахал, поперек себя шире.

— И не шлюпа воинская, — Ваньша Усольцев тоже вставил от себя суждение, — я их в Петровской видывал...

— Цыц у меня, балаболки, — рявкнул на молодежь старый казак, — судите, а флаг на корабле видите ли?

— Так нет его тама, — чуть ли не хором отозвались казаки.

— То-то и оно, что нету. — Пермяков сплюнул еще раз на камни. — Наши с крестом Андреевским ходят и флаг сей никогда не спускают. Даже когда под волнами гибнут. А торговцы и промышленники пушек не имеют, а этот вон как стволами ощетинился!

— Так кто сюда приплыл-то, Тимофей Иннокентьевич?

— Мыслю я, казаки, что тати это морские, разбоем живущие. Их вроде как пиратами называют, нехристей поганых! Были такие здесь лет десять назад, но их всех граф Алексей Григорьевич смертно побил, никого на развод не оставил, чтоб дорожку в наши земли не ведали. Долгонько ж новые тати собирались, и вот накося — приплыли!

— Что делать-то будем, дядя Тиша?

— Я те, Сенька, щас не дядька родной, а господин урядник! — отрезал старый казак, с невольной улыбкой посмотрев на смешливого парня — семнадцать лет всего, первый год на службе. Тот стушевался, подтянулся.

— Виноват, господин урядник!

— То-то и оно, что виноват, — пробурчал казак, внимательно глядя сквозь прищуренные степные глаза на подплывавший к берегу корабль. Не нравился ему этот незванный гость: уж больно уверенно шел, будто все местные камни и скалы ведал. А потому не ждал казак ничего хорошего от такого визита, не ко времени он был. — Готовьте ружья, станичники. Барабаны еще раз проверьте, чтоб крутились хорошо. Токмо на них уповаю, что не дадим супостату незваному на берег наш высадиться.

— Так на сто рядов их осмотрели...

— Еще раз гляньте, в бою недосуг нам будет! — в полный голос рявкнул урядник. — Неслухи! Патронташи проверьте, ладно ли патроны из гнезд выходят, чтоб ловчее доставать было!

— Так на дню по десять раз смотрим...

— Теперича по двадцать раз в день гонять вас буду, дай бог врага отобьем! Все, казаки, времени у нас нетути! Бегом в крепостицу, там мы их и встретим, если оружными в лодки сядут. Не посраим казачьей чести!

Черное море

— Ну, любители пудинга и овсяной каши, вы у меня дождетесь, — с угрозой пробормотал Петр, меряя шагами палубу. И тут вспомнил однажды услышанную лекцию профессора в институте, посвященную внешней политике, с одной очень характерной фразой: «У Англии нет вечных врагов или друзей, у нее есть только вечные интересы».

Два года они с женой кропотливо готовили эту войну. Именно готовили — в две прошлые кампании Россия вваливалась по принуждению, инициаторами выступали турки, все еще пребывающие в сладком наркотическом сне от воспоминаний, когда янычары потрясали Европу, а османские пушки гремели под Веной. Давно прошли те времена, но, к великой радости соседей, Оттоманская Порта так и не сбросила с себя дурман.

Тем лучше!

Момент для нападения выпал удачный — мятежная Польша не согласилась с двумя разделами, и, посадив короля Станислава под домашний арест, шляхта устроила всеобщее возмущение. Да такое, что «любезные друзья» из Вены и Берлина в ужас пришли.

Пруссак и австрийцы вот уже полгода бесплодно сражались в междуречье Вислы и Одры — война шла с переменным успехом. Поляки, поняв, что очутились в заднице из-за своих постоянных склок и рокошей, опамятавались. Живо выбрали «начальником государства», то есть диктатором, Тадеуша Костюшко и такое устроили своим соседям немцам...

Зато Петр вздохнул с нескрываемым облегчением — австрийскому цезарю Францу и прусскому кенигу Фридриху-Вильгельму сейчас не до России, и вмешаться в войну с турками они не смогут при всем своем желании. Не до того германцам — в Италии французские генералы Моро и Массена устроили австрийцам капитальную трепку.

Пруссакам хорошо досталось на Рейне от войск Пишегрю и Келлермана, еле ноги унесли. А Польша поглотила последние резервы — воевать на два фронта всегда хлопотно и затратно, у немцев принято на грабли наступать, что в *той* истории, что в этой.

Единственной надеждой венценосных «братьев» оставалась Россия, вот только Петр не желал своими руками таскать для них из костра каштаны. И британцы туда же лезут — предложили выплатить чуть ли не двести тысяч золотых гиней, если будут отправлены на запад русские войска.

— А хрена с редькой не желаете вкусить?! Тертого? Да полной ложкой, и зад еще горчицей намазать!

Петр усмехнулся, представив на секунду, как сейчас любимая Като ведет переговоры с «милыми союзниками», что хуже любого открытого врага.

И скривил губы в жестоком оскале — через пару недель в Лондоне, Берлине и Вене будет стоять дым коромыслом, когда туда дойдет весть, что русские взяли Константинополь и встали твердою ногою в Проливах.

Война получилась молниеносной, такой, как он ее и планировал. В полдень второго июня русский посол передал визирю официальное объявление войны. То же самое было сделано в Петербурге, с немедленным оповещением всего дипломатического корпуса.

Спустя час русские эскадры высадили десанты в Бургасе и Варне, а ворота крепостей открыла «пятая колонна», немедленно устроившая там восстание болгарского населения. Благо и запасы оружия были втайне сделаны, и надежных людей, включая офицеров Генерального

штаба, хватало с избытком — здесь Петр не экономил. Впрочем, болгар, сербов и прочих православных, что веками угнетались турками, уговаривать не пришлось, наоборот, еле удержали, чтобы они всеобщую резню османам не устроили.

— Повезло с божьей помощью, не иначе, — пробормотал Петр, наблюдая за блестящими в свете луны волнами. План был хорош, но все висело на волоске. Если бы в эти дни на море был шторм, то хана полная, взять крепости и высадить десант было бы невозможно — османы успели бы приготовить «горячую встречу». Хотя, учитывая норы Суворова и упорство Ушакова, десант был бы высажен, но с потерями, тут к бабке не ходи.

Но все произошло как нельзя лучше — русские упали на турок, как снег на голову, османы даже понятия не имели, что война началась, и сразу понесли большие потери, причем везде.

Дело было в заклеенных конвертах, которые заранее вручались генералам и адмиралам, назначенным командовать в этой кампании. За месяц они полностью завершили подготовку войск и кораблей, а первого числа просто вскрыли приказы.

И началось!

Петр уже знал, что Дарданеллы захвачены лихой атакой бригады Бонапарта, этого маленького корсиканца, что уже не станет французским императором, но вот русским фельдмаршалом весьма может быть, даром, что ли, он тогда сон видел с книжкой о великих русских полководцах вкупе с Бонапартом. Не зря Суворов им восхищается, а такое отношение знаменательно.

Старый адмирал Грейг внезапным нападением уничтожил в Архипелаге турецкий флот и ворвался в пролив, как кабан в камыши, топя на своем пути все, что попадалось. И послезавтра он повторит свой знаменитый подвиг четвертьвековой давности — снова погромит с пушек Константинополь. Хотя вряд ли — адмирал Ушаков не менее его честолюбив, такой знатный приз из своих рук не упустит...

Адрианополь

— Еще одной такой атаки мы не выдержим, — Константин Петрович обвел взглядом поле боя, по которому был расстелен пестрый ковер из наваленных друг на дружку янычар. До сих пор в ушах их яростные крики, полные животной свирепости, и тот предсмертный хрип, что запоминается на всю жизнь. Что и говорить — страшный в своей неукротимости противник! И нужно благодарить Господа!

Русские с невероятным трудом удержали позицию — картечь и винтовки собрали здесь богатую, но кровавую жатву. Вот только и потери в его маленьком отряде были не просто большими, а чудовищными, особенно когда османы в одном месте взобрались на вал.

Царевич лично повел резервный взвод grenадер в штыковую атаку, которая запомнилась ему мельканием оскаленных рож, дикими воплями и хриплым русским матом.

Сам он тыкал шпагой, несколько раз угодив во что-то мягкое, так же, как и другие солдаты, яростно ругался и отдавал какие-то приказы (которые потом и припомнить не мог, хотя и старался) и очнулся от боевой горячки лишь тогда, когда все внезапно стихло и он не увидел перед собой врагов.

Мундир был разорван и залит чужой и своей кровью — левая рука была порезана ятаганом, плечо саднило от неглубокой раны. Царевича умело перевязали, и он легкомысленно, еще не отошедши от схватки, стал считать убитых врагов. И вскоре сбился...

Поручик Ермолов оказался прирожденным пушкарем, как говорится, от Бога. Шесть орудий его батареи, новенькие, казнозарядные, с тусклыми стволами, стреляли без передышки, выбрасывая клубы густого порохового дыма, в которых сноровисто копошились канониры. Без такой поддержки grenадеры не удержали бы турок, хотя выкашивали их ружейным огнем

бессчетно. А потом пошли в ход гранаты...

— Ваше высочество, разрешите?!

Стоило подумать, как молодой офицер возник за спиной. На чумазом от копоты лице задорно блестели глаза. Константин указал на расстеленную рядом шинель — «присаживайся». Поручик чиниться не стал, плюхнулся, тряхнув львиной гривой волос.

— У меня осталось всего пять десятков выстрелов, ваше высочество. А с рассветом они снова пойдут.

Константин Петрович сердито засопел — новость была печальной, и это еще хорошо сказано.

— Мы не удержим позицию своими силами, Алексей Петрович, — тихо промолвил царевич. — Только пушки напрасно потеряем. А они секретные, новейшие, одна только гвардия их получать стала. А потому...

Полковник задумался на минуту, не решаясь сделать первый в своей жизни страшный выбор. Но что такое долг, он понимал прекрасно, это понятие отец ему с детства привил.

— Оставьте один взвод здесь, со всем боезапасом, а два других уводите на рысях...

— Разрешите мне самому командовать этим взводом, господин полковник?! Всех моих офицеров повыбило, а оставшийся на ногах сержант молод и вряд ли сможет толково распорядится. Зато орудия увезти сможет.

— Хорошо, Алексей Петрович, — усмехнулся царевич. Как он и предполагал, Ермолов от него не отступит ни на шаг. Из офицеров они остались здесь только вдвоем, да дай бог отцовский лейб-конвоец на ноги встать сможет, чтобы последнюю атаку с шашкой в руке встретить.

Хорунжего ранили в бедро ятаганом, много крови потерял, но не дал себя увезти в тыл. И Константин его прекрасно понимал — честь и данная присяга сильнее смерти. Донцы останутся с ним до конца...

— Не желаете, ваше высочество? Доброе, греческое.

Ермолов протянул флягу, и царевич отхлебнул из нее несколько глотков терпкого и сладкого вина. Взамен протянул раскрытый портсигар с папиросами — сам не курил, но других угощал. Тем более после боя, когда затяжка всегда приятна и желанна.

— Не курю я, ваше высочество, — тряхнул головой Ермолов, и Константин отдал портсигар казакам, что стояли за его спиной. Донцы задымили с охотой, прихватив про запас несколько папирос. Заметив такую казачью хитрость, царевич только улыбнулся.

— Берите все, станичники, да гренадер угостите с пушкарями. Достаньте мой чемодан, там несколько пачек лежат, всех наделите.

— Сделаем батюшка-царевич, — бородатый казак откликнулся и тут же исчез в подступившей темноте. Второй остался рядом, держа в руках винтовку и напряженно вслушиваясь в сумерки. Сейчас подступавшего врага не увидишь, зато услышать можно — ночь звуки хорошо держит.

Константин прилег на шинель — ночь была теплою. И тихо сказал Ермолову:

— Нам с вами немного отдохнуть нужно, Алексей Петрович. Утром мы должны быть в силах — янычары в атаку пойдут, вон как они заунывно за теми холмами молятся, отсюда слышно...

Петербург

Наглая скотина! Нет, какая мерзкая сволочь!

Екатерина Алексеевна еле сдерживала рвущуюся наружу злобу. И желала сейчас только одного — вызвать караульных лейб-казаков, чтоб они разложили этого лощеного британца,

сдержнув с него панталоны, да крепко всыпали ему плетей. От души — чтоб обгадился этот наглец да вопил во все горло, отведав задницей своею русское гостеприимство.

Но приходилось не только сдерживать закипающий гнев, но и продолжать лицедейство, которое затянулось вот уже на целый год. Словно дурная пьеса — с прошлого лета они с мужем носили ханжеские маски, старательно изображая религиозных аскетов, хотя оба отродясь такими не были. Даже искусственно старили себя, чтобы ввести иноземных дипломатов, сиречь патентованных шпионов, в заблуждение.

И своего добились!

Императрица получила настоящее наслаждение, наблюдая за холеным джентльменом — как тот ни старался демонстрировать британскую чопорность, надменность и невозмутимость, но она несколько раз, подсматривая за ним тайком во время молитвы, видела на лице посла гримасу легкого презрения и даже брезгливости, как ей показалось.

Спектакль удался на славу, и Като закономерно гордилась собою! Провести этого бульдога — такое дорогого стоит. И не только его, но и таких же джентльменов, лордов, рыжеволосых бестий. Двенадцать лет они с мужем вынашивали реванш, понимая, что в новой войне с турками им придется снова иметь дело с англичанами.

И своего добились — война идет уже почти месяц, но никто из дипломатов еще не сообразил, что она, по сути, уже завершилась победой. Сегодня утром благодаря искровому сообщению (созданному гением Кулибина) Като узнала, что вечно торопливый фельдмаршал Суворов с армией в полста верстах от Константинополя стоит почти у самых его ворот. А русский флот готов войти в Босфор. И главное — заняты Дарданеллы, и теперь англичане вряд ли смогут вмешаться в войну, как они это сделали в прошлый раз.

Но шут его знает, что эти высокомерные британцы могут придумать?! А потому, чем позже они узнают о падении Константинополя, тем лучше. У мужа будет больше времени, чтоб подготовить им достойную встречу, такую, какую они навсегда запомнят! Сквальжники...

— Ваше императорское величество, — голос посла прорвался сквозь размышления, но женщина и бровью не повела, продолжая играть роль растерянной и покладистой венценосной старухи, — пять фунтов — очень достойное вознаграждение за ваших храбрых солдат, смею вас заверить.

В другое время Като надавала бы послу пощечин за такую наглость, не посмотрев на дипломатическую неприкосновенность. Но не сейчас — пусть дальше считает, что они с мужем охотно продадут кровь русских солдат за поганое английское золото.

Но каков мерзавец?!

Недаром добрая половина их лордов сколотила свои богатства на торговле! Нация торгашей, готовых продать родную мать! А другая половина уже несколько веков сколачивает состояния на пиратстве да нещадном ограблении покоренных стран! Тот же Френсис Дрейк и прочие «джентльмены удачи» стали рыцарями и лордами благодаря морскому разбою. И своим футом они даже в императорском дворце стараются мерить?! Но здесь есть русский аршин!

— Восемь, мой любезный друг! И только из-за уважения к нашему брату и вашему правительству.

Голос русской императрицы хоть и был ласковый, но звучал твердо, как железо. Она решила торговаться с английским послом всерьез, пусть думает, что достиг своей поганой цели, тем страшнее будет для него и прочих лордов разочарование.

Что удумали торгаши?! Россия выставляет на помощь пруссакам и австрийцам два корпуса по пятнадцать тысяч солдат, вооруженных новейшими ружьями. Англия же оплачивает интервенцию из расчета на каждого солдата по одному фунту стерлингов.

Като затребовала пятнадцать гиней, прекрасно осознавая всю несуразность суммы. Но

умная женщина понимала, что пустыми обещаниями британцев уже не накормишь, они к русским «завтракам» привыкли. А вот торговля — совсем иная вещь, к ней островитяне относятся крайне серьезно. Ибо ими всегда движет выгода!

— Семь, — выдавил из себя посол, и Като поняла — это предельная цена, что была определена в лондонском Сити. — Но ваши войска должны быть выставлены не позднее чем через шесть месяцев.

Като демонстративно задумалась, хотя такое требование англичан она предполагала задолго до переговоров. Легко просчитывалось — как раз полгода русские раскачиваться будут, пока с турками всерьез воевать начнут. А тут хочешь не хочешь, а тридцать тысяч солдат бросай на подавление французской революции. Потому мир с турками неизбежно заключать придется — на основе статус-кво.

Вызывающе наглое требование — как к черным африканским дикарям, что польстились на стеклянные бусы. Ну, что ж, тем горше станет для них полученный урок!

Остров Шумагина

Борт корабля окутался белым пороховым дымом, орудийный грохот моментально заглушил шум прибоя, как сумасшедшие, заметались птицы, стремясь подальше улететь от людского смертоубийства.

— Вот они какие, тати морские, — задумчиво протянул сквозь зубы старый казак, пристально глядя в бревенчатую амбразуру на корабль. Усмехнулся в седую бороду.

— Они на лодках к берегу отвалили, Тимофей Иннокентьевич, — донесся до него голос Бобкова, и урядник дернул головой.

— Сам вижу!

Два баркаса, битком набитые вооруженными людьми, отвалили от борта и быстро пошли к берегу. А с корабля снова прогрохотала пушка, выплюнув очередное ядро, которое, как и первое, улетело куда-то за крышу. Видно, канониры взяли высоко прицел.

— Это тати морские, шпыни ненадобные, — глухо выругался урядник, — разномастно одеты, твари. Воинской формы ни на ком нет!

Старик повернулся и посмотрел на молодых казаков. Несмотря на царящие сумерки, лица станичников не выделялись знакомой ему с первых дней службы белизной — когда смертушка заглядывает прямо в глаза. Нет, не испуганы были казачки, не испуганы. Насторожены, волнение на лицах проступает явственно. Но вот страх, что тело сковывает железными цепями, у них напрочь отсутствовал.

— Сенька, подь со мною, — урядник дошел до двери и, отодвинув заплот, вышел наружу, пригнувшись под низкой притолокой. За ним шагнул племянник, цепко сжимая в крепких руках барабанную винтовку.

Пермяков осмотрелся — ворогу было плыть еще далеко, но время уже поджимало. Ведь враждебные лодки требовалось обстрелять, дабы супостат кровушкой хорошо омылся, перед тем как на российский берег вступить. Вот она, служба казачья — живешь, не ведаешь, когда буйную головушку придется сложить. Зато хоть знаешь, где это произойти может — иль на беспокойной монгольской границе, либо от копья немирных, до боя лютых чукчей, или вот здесь, на далеких Алеутских островах, за тысячи верст от родимого дома в далекой Тунке, на берегу голубого Иркуты, в отчаянной и последней схватке с морскими татями.

— Вот что, Сеньша! Беги к алеутам! Там малый коч стоит! В Петровске должны знать, что здесь тати лютуют, пусть шлюпы воинские на розыск вышлют. Ты меня понял, паря?!

— А что я...

— А то, — взревел некормленным медведем старый казак, — юн ты еще, и хуже нас

стреляешь. Зряшно погибнешь только! Их в лодках битком набито, десятка три, если не больше. Не устоим мы, ибо ведают ухари про государев амбар, за шкурками и пришли. Потому воеводу предупредить нужно, чтоб меры предпринял и их отсюда уже не выпустил. А то они другим разбойникам сюда дорожку протопчут и не посмотрят, что волны кругом.

Урядник улыбнулся своей незамысловатой шутке, крепкими руками обнял племянника и, развернув его, толкнул.

— Бегом беги, каждая секунда дорога! Это мой приказ тебе, и ты должен его исполнить кровью из носу. Бегом, казак!

Юноша, подхлестнутый свирепой командой старого урядника, резво рванул с места, крепко держа ружье и ловко перепрыгивая с камня на камень. И вскоре скрылся за скалой.

— Прощай, племяш, — тихо прошептал старик, но вот потерянным он не был. Глаза засветились пронзительным огнем, крепкое, отнюдь не старческое тело подобралось, и он упругим шагом, что называют волчьим, быстро вошел в блокгауз.

— Когда стрелять-то, Тимофей Иннокентьевич, прикажешь? Близо лодьи воровские подплыли, — встретили его вопросом казаки.

— А вот сейчас и зачнем их пулями метить, но токмо по моей команде. Издали бить начали бы, так попасть трудно, а они — пушками. А так идут безбоязненно, сторожку не блюдут. На сотне шагов мы их пометим. Ты, Ваньша, по второй стреляй, а мы по первой палить будем. Окропим волны красненьким, пусть знают, как в гости незваными хаживать!

Урядник высунул в амбразуру ружье, прижал приклад к плечу и прицелился в уже ясно видного плечистого бородача в сером кафтанчике, голова которого была обвязана красным платком. Пират энергично размахивал рукою, отбивая счет гребцам.

— Пали по ворогу, робяты! — громко скомандовал урядник и плавно потянул пальцем спусковой крючок. Винтовка оглушительно бабахнула, приклад толкнулся в плечо. Барабан со скрипом повернулся, ставя новый патрон перед стволом. А дым уже рассеялся, и урядник усмехнулся — бородач свалился за борт, только брызги во все стороны разлетелись. Еще одному пирату разнесло буйную голову — пули у «кулибинок» тяжелые.

— Пали каждый по себе, казаки. К берегу татей подпускать нельзя, острожек свой тогда не удержим! Слишком много их в лодки набилось. Пали, с нами Пресвятая Богородица!

День второй

28 июня 1797 года

Босфор

Яркие звезды отражались маленькими серебристыми пятнышками, будто щедро рассыпанные из кошелька монеты, на свинцовой глади пролива, завораживая, притягивая взор.

Но сейчас тайно крадущимся русским было не до красот — беззвучные черные тени скользили без шепота и звука, на тусклых стволах и зачерненных клинках не играло своими лунными блесками ночное светило.

Капитан первого ранга Михаил Максимов очень осторожно спрыгнул, не хватало сейчас повредить ногу, на утрамбованный до каменной твердости пол, подняв над головой руку.

Сигнал увидели — зря, что ли, полурота отчаянных морских пехотинцев перед этой ночью два пуда конфет с сахаром употребила — сладкое способствует ночному зрению.

— Что там?

— Спали все...

Со сдерживаемым смешком, в котором чувствовалось немалое облегчение, донесся тихий шепот, и офицер тоже усмехнулся в ответ, понимая, что продолжения не последует — вырезали вначале караульных, а потом и весь гарнизон берегового форта без звука; никто из османов и не пикнул.

Такая нарочитая безмятежность врага его бы в другое время насторожила, но моряк давно и хорошо знал османов — яростные до упоения в бою, но абсолютно беспечные ночами, их можно было брать голыми руками, что сейчас и продемонстрировали высадившиеся на берег диверсанты. Хотя вряд ли многие из них и слыхивали о таком слове.

Да турки и не смогли бы закупорить пролив с форта!

Укрепления вызвали у битого морского волка мысленный смех. Глинобитные стенки, а то и просто сложенные без раствора камни, пушки времен Крымских походов князя Голицына, разнотипные, а то и более ранние, перетянутые обручами, как в эпоху царя Ивана Грозного.

У некоторых из них, с короткими стволами, но широченными жерлами (голову можно спокойно просунуть, и еще место для кулака останется), лежали большие каменные, хорошо обтесанные шары. Да, если такое прилетит, то корабельный борт проломит запросто. Но будь это нормальная бомба, то та просто любой линейный корабль если бы не уничтожила одним махом, вызвав взрыв крьюйт-камеры, то вывела бы махом из строя, устроив на борту знатный пожар.

Но скорее произошло бы первое — тут Максимов вспомнил, как много лет тому назад прицепленные им, тогда еще молодым мичманом, с капитан-лейтенантом Хорошкиным к днищу турецкого корабля в Очаковском лимане мины вызвали именно такой взрыв, почти мгновенно потопив линкор, — детонация крьюйт-камеры — штука страшная.

— Сигнальщикам в дело, — тихо приказал офицер, и три тени беззвучно проскочили мимо него, держа большие короба в руках, и вскоре короткие яркие вспышки ушли в сторону моря.

Максимов прислушался, чувствуя всей спиной порывы ветра. Погода явно благоволила к ним — ветер шел в море, а не наоборот, что было намного хуже. Потому что, несмотря на эти порывы, он расслышал из темноты неясный шум, более всего напоминающий грохот паровых двигателей. Это русский флот шел в вожаделенный Босфорский пролив...

Адрианополь

Пушки дружно рывкнули, выпустив длинные клубы дыма и подпрыгнув на месте. Канониры тут же подскочили к орудиям.

Раз — замки раскрыты и отошли в сторону, жестяная гильза упала на землю, звякнув о груды таких же, небрежно отодвинутых ногой — чтоб не мешали.

Два — цилиндр картечи заслан в ствол, за ним последовала жестянка порохового картуза.

Три — с лязгом закрыт замок, до щелчка. И звонкие возбужденные голоса тут же доложили, сдерживая в себе бешенство боя:

— Первое готово!

— Второе готово!

Молодой поручик прищуренными глазами посмотрел на катящуюся пеструю толпу, распаленную от пролитой крови и запаха пороха и смерти — янычары без страха накатывались на невысокий вал, откуда продолжали стрелять русские, окруженные со всех сторон.

— Выстрел!

Пушки тут же оглушительно рывкнули — снопы картечи со ста шагов разворотили наступающих толпою османов. Десятки турок повалились на землю, по телам, вопящим от смертельной боли, тут же полезли другие, затапывая мертвых и раненых.

Константин Петрович с ледяным хладнокровием отстраненно наблюдал за этой бойней сверху. Не до того царевичу было — громко сквернословя, он забивал магазин винтовки патронами, проклиная, что Кулибин сделал его только на шесть патронов.

— Первые ружья вообще на четыре патрона были, ваше высочество!

Голос хорунжего конвоя был на удивление спокоен, но сам казак был залит кровью, своей и чужой, от головы до пят, ухитрившись потерять половину своей бороды. Как и где — этого Константин припомнить не мог, но вроде бы порохом сожгло.

— Гранаты к бою!

Звонкая команда прокатилась по окружившим пушки гренадерам, но лишь немногие, не больше десятка, достали из сумок тяжелые цилиндры на длинных ручках — «толкушки», как они назывались в обиходе. И вот они, кувыркаясь и испуская дым, полетели в набегавшую толпу.

— Укройся! — последовала запоздавшая команда, и царевич присел за высоким бруствером, сложенным из человеческих тел — меньше в защитных русских мундирах и намного больше в пестрых рубашках и шальварах. Но сейчас один цвет превалировал на истерзанных пулями и осколками телах — алый, цвет обильно пролитой крови.

Царевич пригнул голову, хоть и защищенную доброй железной каской, но получить лишний осколок до звона в ушах он не желал. И в ноздри, забитые пороховым дымом, тут же ворвался другой запах — сладкий, выворачивающий душу наизнанку вкус смерти и тлена. И немудрено — бой шел уже чуть ли не сутки, а жара стояла несусветная.

Взрывы чуть потрянули «бруствер», горячий воздух ожег лицо. Константин Петрович положил винтовку на лежащее сверху тело и выстрелил.

Он не целился — промахнуться с трех десятков шагов по вопящей от ярости человеческой стене просто невозможно. Рядом с ним палили гренадеры и канониры, лихорадочно передергивая затворы.

Прямо на глазах турки валились снопами, но места павших тут же занимали другие, такие же свирепые. Он дослал затвор, потянул за спусковой крючок — сухо щелкнуло, без выстрела. Царевич похолодел — патроны кончились, теперь врага не остановить.

Но вместо страха в душе появилось отчаянное веселье, оно забурлило и выплеснулось лихой решимостью — ну, что ж, нет пана, тогда пропал, но чтоб врагу тошно стало!

— Вперед, ребята! На штык бери нехристей!

Свой дикий крик Константин Петрович услышал словно со стороны и не узнал собственный голос. Но его руки одним движением уже примкнули длинную, свыше десяти вершков, остро заточенную полоску стали, заигравшую на солнце огненными бликами.

И еще он увидел, как рядом с ним встают, оцетинившись такими же острыми штыками, с отчаянными глазами и ожесточившимися лицами, русские солдаты — в изорванных мундирах, окровавленные, но не побежденные. Таких еще можно свалить на землю, но победить их уже нельзя...

Стокгольм

— Эта сволочь еще хуже своего братца!

Посол России в Швеции граф Семен Романович Воронцов, еще крепкий телом мужчина, но с обильной сединой в волосах, с тяжелым вздохом опустил в дубовое кресло.

Последние две недели он провел в лихорадочной деятельности — с началом войны с Турцией по Стокгольму стали ходить очень неприятные слухи о том, что пора бы Швеции воспользоваться удачным моментом и вернуть свое исконное балтийское наследие — ливонские земли с городами Ригой и Ревелем. Нехорошие такие разговорчики пошли, словно с одного источника, уж больно похожи. Семен Романович с ног сбился, расшевелил всю свою многочисленную агентуру и недавно узнал, откуда ноги растут, вернее, языки. А вели они прямиком к королевскому дворцу, к его величеству Карлу, под несчастливым (хотя это с какой стороны посмотреть) тринадцатым номером...

Швеция, потерявшая свое могущество в ходе Северной войны, находилась тогда под скипетром Карла XII, легендарного воителя, павшего в конце концов при осаде норвежской крепости, причем, судя по всему, от пули, что была выпущена из шведских траншей.

Попытку реванша в Стокгольме предприняли через двадцать лет после подписания Ништадтского мира. Вот только эта война для них закончилась ничем, только деньги зря на ветер выбросили. После чего более чем на полсотни лет наступила тишина. Даже четырнадцать лет назад, когда русские с турками сцепились в очередной раз, шведы остались безучастными к призывам Англии, подкрепленным звоном презренного металла, ударить по восточному соседу.

Но потомкам викингов тогда было не до войны — неожиданно скончался молодой король Густав III, не оставив наследника. Как подозревали многие, короля вульгарно отравили, и не без помощи его брата Карла, герцога Зюдерманландского. Но разговоры вскоре затихли, ибо новый король оказался крутоват, да к тому же из тех мерзавцев, что любое соглашение считали клочком бумаги.

— Нет, ну каков сукин сын!

Воронцов чуть не сплюнул, хотя долгая дипломатическая карьера отучила его от брезгливости. Но тут дела пошли крайне нехорошие — еще за год до воцарения кронпринц женился на юной цесаревне Елизавете, дочери Петра Федоровича.

Шведское общество восприняло этот брак благосклонно — давняя распря с русскими получила благополучное разрешение, хотя споры между дворянством, затаенно мечтающим о реванше, и третьим сословием, что с восторгом приняло чрезвычайное оживление торговли с Россией, причем беспощинное, продолжались.

Но уже без прежнего ожесточения — и «шляпы», и «колпаки» (а так называли этих противников) умели подсчитывать дивиденды, полученные от торговли с богатым соседом.

Дарданеллы

— Павел Александрович, турки идут!

Требовательный голос разбудил задремавшего в тени бригадира, и тот резко вскинулся с

барабана, на котором сидел, прислонив голову к зарядному ящику. Потер ладонью лицо, прогоняя липкий налет столь желанного сна, ведь последние три дня он даже не спал, а так, чуть-чуть, как говорят сами русские, урывками...

Спать, спать и спать!

Этого яростно требовало тело, но воля, собранная в железный кулак, безжалостно победила, доказав примат духа над плотью. За эти семь дней маленький офицер осунулся, почернел лицом, но внутри царило ликование — он добился яркой победы, и теперь его имя войдет в историю. И пусть завидуют другие! Но первым русским, вставшим твердою ногою на берегу и преградившим путь в Дарданеллы, легендарный греческий Геллеспонт, стал именно он!

— Ал-ла!

Порыв горячего восточного ветра донес до него знакомые крики — османы лихорадочно суетились на порядочном расстоянии, но на приступ не шли. Слишком кровавым оказался данный им урок — русские стрелки выкашивали турецких аскеров с запредельного расстояния для ответной стрельбы. И не из гладкоствольных ружей, что едва стреляли на три сотни шагов, а из небольших пушек, бивших втрое дальше.

Именно на артиллерию рассчитывали эти воины в тюрбанах и узорных шальварах, и тем горше для них было узнать, что нарезные ружья гяуров легко добивают на тысячу шагов. И орудийная прислуга на гладком, как стол, поле расстреливалась русскими солдатами намного быстрее, чем успевала зарядить свои пушки. Хотя трудились турецкие канониры с изрядной сноровкой и поспешностью.

Бригадир любил войну всем сердцем, как ни странно звучит для этого зачастую кровавого ремесла, — по карьере военного он пошел с самого детства. Трудности на тернистом пути бога войны Марса были не просто огромные, а почти непреодолимые.

Мелкий дворянчик с далекой Корсики не мог рассчитывать на гладкую дорогу в жизни — учеба в Военной школе давалась легко, он имел дарование к наукам и учебе. И не просто любил скучную для ленивых учеников математику, а превосходно, как никто из кадетов, владел цифрами, лучше, чем аристократы — своим обеденным прибором.

Дарования — это одно, а рассчитывать на блестящую карьеру в королевской французской армии нельзя — места на ее вершине предназначались для рафинированных аристократов с длинными родословными и вычурными гербами. Да и службу выбирать не приходилось — в богатую кавалерию для него, в силу происхождения, путь был полностью закрыт, в пехоте карьеру быстро не сделаешь, зато в артиллерии, как в самом ученом роде войск, наиболее требовались его блестящие математические способности.

Вот только послужить королю молодому лейтенанту в заштатном гарнизоне пришлось недолго — на небольшое жалованье, да еще выплачиваемое не регулярно, ораву родичей на Корсике не прокормишь. Требовалось найти более хлебную службу, и, к его немалому удивлению, таковая для него очень скоро сыскалась.

Молодому офицеру настоятельно предложили уехать в далекую заснеженную Россию. Предложение не ахти — отправляться за тридевять земель ему совсем не улыбалось.

Но, воленс-ноленс, деваться было некуда — третье сословие устроило в Париже революцию, взяв приступом Бастилию. И если король еще хоть что-то платил, то новая власть часто забывала это делать. Не помирать же с голоду — бросать полюбившуюся ему военную службу молодой и честолубивый лейтенант не желал категорически.

Русский генерал, что встретился с ним в Италии, предложил немислимые условия — патент на чин капитана будет выписан незамедлительно, и тут же выдана определенная сумма денег. Этих русских «подъемных» и «квартирных», что должны были сделать его жизнь в далекой заснеженной стране более обустроенной и комфортной, предложили столько, что

лейтенант не поверил собственным ушам. Да за такие деньги ему бы пришлось несколько лет лямку тянуть, перебиваясь с лукового супа на сухари, ибо большую часть жалованья, или, как смеялись позже его новые русские друзья, — «королевское пожилое», он немедленно отправлял родным.

Молодой офицер был готов немедленно принять предложение, но уважение к себе делало его молчаливым — не стоило показывать, что ты готов схватиться за выгодное предложение.

Русский генерал воспринял его молчание совсем иначе и заговорил о перспективах, а они были таковы, что дух захватывало. Ведь долгожданный чин майора он мог получить через год — артиллеристы в русской армии находились на привилегированном положении.

Сумма жалованья в новом чине была такова, что напрочь позволяла забыть неудобство от настоятельной рекомендации выучить русский язык за один или максимум два года, после чего последует производство в первый штаб-офицерский чин.

Положение облегчалось тем, что многие русские офицеры знали французский язык, на котором говорил и он сам, но не слишком чисто — все же не родной, который учат с детства. А корсиканский диалект походил не на французский, а на итальянский язык, да и сам остров больше тянулся именно к Италии.

Служить молодому капитану предстояло в Архипелаге — после недавней войны с турками русские там прочно обосновались на греческих островах. Это и рассеяло последние сомнения офицера — жаркое солнце Средиземноморья всяко лучше заснеженных просторов самой России.

Где, бр-р, всегда очень холодно, лежат вечно белые снега и зуб на зуб от дрожи не попадает. Зато здесь сейчас жарко, даже слишком...

Босфор

— Ваше величество, с берега видны красные фонарики. Два сигнала рядом, третий поодаль...

— Вижу, Федор Федорович!

Петр только сейчас разглядел еле мерцающий алый цвет, чуть дрожащий — сигнальщики водили фонарями вверх и вниз. А это значило только одно — турецкие береговые батареи захвачены диверсантами и морской пехотой без боя, и путь к Константинополю открыт.

Правда, выход из Босфорской узости к самому Стамбулу, что вскоре перестанет таковым быть, перекрыт малыми крепостями, и взять их подобной атакой уже будет нельзя. Но для них-то и есть «кабаны», что первыми вошли, они и примут на себя первые выстрелы. А там и первая линейная эскадра подойдет.

— Десант пошел, ваше величество!

Петр взгляделся в предрассветные сумерки — несколько мелкосидящих пароходов подошли к берегу вплотную, и с них густо пошла по сходням пехота. Планом операции предусматривалось немедленное занятие восточного берега пролива по границе полуострова, наиболее удобной для отражения турецких атак, что неизбежно последуют, как только османы отойдут от шока, вызванного столь стремительным началом войны.

Настолько мгновенным, по нынешним меркам неторопливого восемнадцатого века, что на доброй половине Оттоманской Порты о ней еще не только не знали, но ни сном и ни духом не ведали.

К этому Петр и стремился, старательно, как паук паутину, подготавливая эту войну. И теперь пожинал плоды — внезапное нападение принесло невероятные за всю прежнюю историю войн с Турцией достижения. Дарданеллы захвачены, а теперь русский флаг развевается и на Босфоре. Один-два дня, и все решится...

— Ваше величество, — адмирал наклонился к плечу. Ушаков был выше Петра на голову, а оттого как бы сутулился при разговоре с ним, стараясь быть пониже ростом. — Я хочу спросить об одном — армия Суворова...

— Если фельдмаршал опоздает, то штурм Константинополя начнете вы, адмирал. И без промедления!

Петр дернул плечом — он прекрасно понимал, что и генералы, и адмиралы озабочены карьерными соображениями, каждый из них мечтал вступить в Царьград первым.

На это император цинично и рассчитывал, понимая, что никаких проволочек в такой изнуряющей стремительной гонке на время просто быть не может. Хотя понимал, что многие будут сильно обижены, как генерал Багратион, которого вместо минаретов Ак Софии отправили в противоположную сторону — к Адрианополю.

— Как там сын? — еле слышно пробормотал Петр, вспомнив о Константине. Костике — как его называл в детстве. Разумом он понимал, что сын вырос, что сразу по окончании этой войны на него будет взвалена чудовищная ноша, но душа протестовала — дети казались маленькими, нуждающимися в постоянной опеке.

Какое там детство — старшему Александру уже тридцать четыре, зрелый и самостоятельный муж, недаром вот уже как семь лет царь Сибирский. Петр сознательно передал сыну все управление над огромным краем, желая приучить первенца к самостоятельности.

И не ошибся — ни одно из распоряжений новоявленного монарха он как император не отменил — все было сугубо по делу и несло России несомненную пользу. А потому, как придет время, сыну можно передать и саму империю, не растратит ее и дуростей не наделает.

Второго сына тоже начал приобщать к государственному ремеслу, но год назад решил, что и военное дело он должен знать в цельности. А теорией боевой опыт не возместить, вот почему приставил Константина к фельдмаршалу Суворову, передав старику неограниченное родительское право. А тот таков, что спуску не даст, за дурость может и отвозить ремнем. Вот смеху-то — царевичу ведь двадцать семь лет минуло.

Третий сын, самый младшенький, любимчик матери Николка, сейчас в Новом Свете, в Русской Америке. И учит его там сам Алехан, граф Орлов, что крепко весь край держит, недаром он ему тоже неограниченные права дал. За исключением одного — войну соседним державам объявлять. Тот парня живо научит лаптем щи хлебать, тот еще кадр, по молодости палашом чуть ли его самого на две части не развалил, но кираса спасла в той стычке на Петергофской дороге.

Петр усмехнулся — детей своих за малых все продолжает считать, а сам всего на два года старше того же Николая был, когда в тело императора Петра Федоровича попал. И ничего, справился, в бою труса не праздновал. Гвардейский мятеж подавить — не фунт изюма съесть.

Так и они тоже не должны подгадить, ибо царевичи, и он с них спрос всегда двойной держал, понимая, что парням в будущем державу в своих руках держать придется.

Дочери, старшая Катерина и младшая Елизавета, были отрадой для его сердца. И тем горше чувствовать себя не отцом, а монархом. Като маленькую удачно выдали замуж — в Дании ее все население этой маленькой страны встретило с радостью неимоверной. И не его в этом заслуга, а старого лиса Бестужева, возвращенного им из ссылки. Он придумал сей брак, хотя Катюша еще под стол бегала.

Это надо же — отдать за дочь в приданое герцогство Голштинское, и не просто так, а с условиями серьезными. Права русских и датчан там одинаковы, администрация тоже двойная, и супруг ее, и их потомки власть будут иметь там постольку, поскольку вечной дружбы с Российской империей придерживаться. А условием и гарантиями сего братского союза Датское

королевство должно было выставить со своей стороны герцогство Шлезвиг — еще один камень преткновения.

Вот так-то, и никак иначе!

Расчет Бестужева оправдался полностью, пусть сам вице-канцлер не смог его увидеть. Дания охотно пошла на соглашение, ибо взамен вассалитета получила покровительство Российской империи, подкрепленное русскими солдатами и кораблями, а также неисчерпаемый рынок сбыта для своих товаров. И Петр чувствовал себя не внакладе, да еще как — задешево заполучить вечного союзника на Балтийском море, который в любой день может закрыть проливы для враждебных эскадр. Под которыми, само собой разумеется, были только англичане, и никто более в Европе. А тут в расчеты, впервые за эти годы, ворвалась Швеция...

— Ну, зятек, мать твою в душу! Окончу войну с Турцией, я за тебя возьмусь, — с угрозой пробормотал Петр, сжав до хруста кулаки. — Но надеюсь, что сами шведы тебе вскоре кузькину мать покажут!

Адрианополь

— На штык их бери, братцы!

Сквозь рев и крики Константин услышал звонкий крик поручика Ермолова — командир батареи первым бросился в схватку, за ним тут же хлынули его артиллеристы.

— Вперед, православные!

Крик вырвался помимо воли, и царевич побежал навстречу туркам, но его опередил гренадер в окровавленном мундире.

— Ал-ла!

Янычар с искаженным от ярости лицом толкнул налетевшего на него солдата и поднял ятаган.

— Ах ты, сукин сын!

Константин Петрович взревел, прыжком преодолел наваленные бугром трупы и стремительно выбросил вперед винтовку. Он не успел спасти раненого солдата — ятаган сверкнул серебряной молнией, и во все стороны брызнула кровь из разрубленного наискосок тела.

И тут же длинный и острый клинок русского штыка вонзился в неожиданно ставшее мягким тело османа. Лицо янычара исказилось чудовищной гримасой от смертной боли, а царевич безжалостно надавил на цевье, рванул винтовку, чувствуя запах крови и вываленных из распоротого живота дымящихся человеческих внутренностей.

Звериный вопль заколотого турка вначале оглушил Константина, но потом еще более распалил. Он кинулся в драку, ударив прикладом в распыленный криком рот, и молниеносно, будто на тренировке, вонзил штык в набежавшего янычара. И снова отработанный на учениях удар прикладом, что-то сразу хрустнуло, липким обдало руку.

Царевич озверел и берсерком заметался в рукопашной схватке, нанося удары во все стороны. Но краешком мозга он контролировал свое тело, останавливая смертельные выпады, когда замечал зеленый мундир и синий казачий чекмень. Рядом дрались свои, и Константин Петрович не видел, но чувствовал их поддержку.

О смерти он уже не думал — последний бой всегда гонит такую мысль из головы обреченного, оставляя взамен другую — задорого продать собственную жизнь. А потому даже почти не чувствовал собственной боли, хотя два раза его сильно резанули.

Кровь и пот заливали глаза, все расплывалось перед глазами, но не было ни единого мгновения, чтобы вытереть лицо и хоть на секундочку перевести запаленное дыхание. И слабость, что наливалась тело свинцом, давящая, безысходная.

— Дави их, ребята!

— Ал-ла!

— Твою мать!

Сильный удар в грудь опрокинул Константина на землю — но тело не почувствовало боли, рухнув на что-то мягкое. Он попытался поднять винтовку, но не смог освободить руку от чьей-то хватки. Попытался приподняться, но тут же был вдавлен обратно. По животу, ногам, рукам и груди безжалостно топтались, словно старались загасить жизнь.

Было больно, очень больно — он хрипел и, словно благодеея, почувствовал, что теряет сознание. Последнее, что он увидел, — перед глазами встал красный от крови сапог с распоротым голенищем...

Стокгольм

— Ваше величество, посмотрите, — поджарая, но немолодая уже дама с породистым лицом развернула шелковую материю. — Она словно создана для вашего платья!

— Конечно, моя дорогая Элеонора, — королева кивнула своей преданной статс-даме и прикусила губу. Разложенные по всей комнате штуки материй, разноцветных, на любой вкус — от бархата до тончайшего льна, подарки матери с далекой родины не радовали ее сердце.

Наоборот, сейчас Елизавете Петровне хотелось заплакать самыми горькими слезами, но она держала себя в руках. Воленс-ноленс, как говорится, положение обязывает. Она не только шведская королева, но и дочь российского императора.

Не таким представляла себе замужество юная принцесса, названная в честь бабки, дочери Петра Великого. Супруг оказался вечно мрачным мистиком, масоном (правильно, что отец настрого запретил все масонские ложи в России еще в дни мятежа 1762 года), жутко охочим до молодых девок, причем странно озабоченным для своего почтенного возраста. Но он был кронпринц, и Лиза понимала, что рано или поздно ее Карл может стать королем, благо его брат был бездетным.

Так оно и случилось — Густав умер молодым, не оставив наследника. А Лиза, будучи тогда в положении, родила мальчика, которого в честь дяди назвали его именем. Это вызвало некоторое расположение к ней шведского общества. Впрочем, тут женщина не сильно обольщалась — супруг, став королем Карлом XIII, сразу стер все эти очень небольшие признаки радушия. Такого русофоба нужно было еще поискать, и начал его величество претворять свои взгляды на жизнь именно с нее.

Где блестящий двор и праздники?! Где достойное королевскому сану содержание и положение?!

Даже скромный двор отца-императора в Петергофе и Зимнем дворце показался бы верхом роскоши в ее незавидном положении. Что же тут говорить про другие державы...

Елизавета Петровна прекрасно понимала, что ее принесли в жертву государственным интересам, и не надеялась на яркую, как в романах, любовь уже пожилого супруга. Хотя в сердце в первый месяц после свадьбы и появлялись некие затаенные помыслы. Вскоре и те развеялись, как легкий дымок на сильном ветру. Но хотя бы малую толику уважения муж был обязан проявлять к собственной жене?!

Нет, даже в постели сей король был настолько гнусен в своих притязаниях и разговорах, что женщина испытывала омерзение, ложась с ним в супружескую постель.

Но сейчас все стало намного хуже — король не только наотрез отказался от неофициальных предложений Петербурга, сделанных от чистого сердца и намного лучших, чем для союзной Дании, но и стал замышлять войну. Елизавету Петровну уже поставили в известность, что Карл XIII начал собирать флот и армию и рассчитывал выступить на стороне

Турции в удачный момент. И не просто так — Англия предоставила вечно нуждающемуся в деньгах венценосцу большой заем.

Вот так — война с Россией уже предрешена, и первой ее жертвой стала русская принцесса, дочь своего отца, к своему большому горю являющаяся шведской королевой...

Дарданеллы

Молодой офицер радостно впрягся в служебную лямку; все было для него внове и удивительно. Загадочные русские оказались совсем не теми, которыми их представляли во Франции. Не дикие варвары в медвежьих шкурах, а вполне культурные люди и, даже более того, — создавшие такое превосходное оружие, которого не имела ни одна страна в Европе. А только это одно говорило офицеру о многом.

И еще одно чудесное открытие его ошарашило в прямом смысле слова, и он понял, почему в России невозможно то, что случилось во Франции. Посягнуть на помазанника Божьего?! В русской армии никто супротив императора ничего дурного не замыслит, да как можно на своего благодетеля?! Тут наоборот выйдет — да узнай кто-либо о таком злоумышленнике, особенно бородатые и свирепые казаки или суровые гвардейцы, что старой веры держатся, мигом головушку оторвут, как худому куренку.

Лексикон русских слов, обеспечивающих его материальное положение, очень быстро пополнился, как река весной. Тут были «кормовые» — офицеру полагалась казенная лошадь и фураж от государства; «столовые» — кормили служивых тоже за казенный счет, и очень неплохо, по крайней мере, намного лучше, чем во Франции.

«Обмундировочные деньги» вообще немислимое дело для любой армии Европы! К великому изумлению молодого корсиканца, он не заплатил за выданную ему форму и оружие ни одного су, или, как говорят русские про мелкую медную монетку, — ни копейки.

Наоборот — деньги за все купленное или пошитое на заказ портными заплатили ему!

Ну не удивительные ли люди эти русские?

Существовал еще целый ряд выплат — «походные», «боевые», «семейные» и «детские» — что делало службу еще более привлекательной. Ведь многие русские лишились дополнительных средств к пропитанию. Как он понял, здесь недавно было отменено крепостное право, что-то вроде арендной платы с серва за пользование землей.

Но вдаваться в нюансы обычной русской жизни молодой офицер пока не стал — служба поглотила его с головой. Да так, что он не заметил, как проскочил путь от капитана до полковника и стал командующим гарнизоном целого острова, что запирает морской путь в Дарданеллы.

Потом была поездка в далекий Петербург, похвала от русского императора и сокровенный разговор с ним, который перевернул не только его жизнь, но дал новую родину, новое крещение и новое имя, к которому он уже привык. Да так, что стал подзабывать старое...

Бригадир оторвался от воспоминаний и огляделся — русские солдаты и матросы спокойно работали на укреплениях. Все трудились споро и молчаливо. Без обычных шуточек и перекуров — прорыв турецкой эскадры или новый штурм с суши их вдохновлял лучше любых приказов. Недаром русские резонно говорят, что лучше пролить в труде ведро пота, чем в бою из твоего тела выцедят флягу крови.

Очень умно!

Бригадир усмехнулся. Он уже неплохо говорил на русском языке, но зачастую думал на корсиканском диалекте итальянского. И сейчас он зашептал, желая произнести на нем свое родное имя, которым ему больше не суждено пользоваться:

— Наполеоне ди Буона-Парте...

Босфор

Петр с напряжением смотрел за развернувшимся впереди боем двух русских «броненосцев» с турецкими береговыми батареями, преграждавшими выход из Босфора.

— А ведь молодец Грейг, — Ушаков с каким-то наслаждением произнес фамилию командора над «кабанами».

Император усмехнулся — командующий Черноморским флотом явно ревновал к славе старого адмирала, первым из русских пронесшего с боем Андреевский флаг на Босфоре еще в те времена, когда сам Ушаков был еще лейтенантом. И теперь частица этой затаенной ревности, перемешанной с острой завистью, перешла и на его сына, который хоть и идет под командорским брейд-вымпелом, но по чину всего лишь капитан-лейтенант.

— Молодец — это не то слово, Федор Федорович!

Петр решил подзадорить еще моложавого адмирала, которому едва перевалило за пятьдесят лет. А потому энергия была из него ключом, и флотоводец был не один таковым. Сейчас он прекрасно понимал, почему Наполеон сломал шею в России, а его знаменитых маршалов русские генералы «отвозили», как щенков, те, спустя годы, только жалостливо скулили, вспоминая ужасающие подробности «победоносного» драп-марша из сожженной, разграбленной, но не покорившейся врагам Москвы.

Это было славное племя «Екатерининских орлов», воспитанных на победах Суворова и Румянцева, Спиридова и Орлова. Тяжелую поступь русских полков чуть позже возглавили Кутузов и Багратион, Дохтуров и Тучков, Барклай де Толли и Остерман-Толстой — много их было, героев войны 1812 года, покрывших себя ореолом бессмертной богини Ники.

Сейчас все они молодые, энергичные, храбрые до отчаяния и предприимчивые до дерзости — редко кому из них перевалило за сорок лет, в самом расцвете сил, на их плечах лежит русская армия, ее они ведут от победы к победе.

Таково это время российской славы, бездарно профуканное в плац-парадах гатчинского царя Павла Петровича и его сыновей Александра и Николая и закономерно закончившееся в Крымской войне. А дальше было еще хуже — побед Россия не стяжала, одни только неудачи да несчастья преследовали ее долгие годы.

Именно в конце восемнадцатого века в настоящей истории Российская империя свернула со столбовой дороги своего развития в угоду германских интересов и сама, собственной глупостью и недальновидностью правящей династии, взрастила самых лютых будущих врагов — Пруссию и двуединую монархию Австро-Венгрию.

Да и лила горячую кровь своих сыновей в пользу самого главного, постоянного, если не вечного врага, который в самые лучшие времена сближения никогда не был ее союзником, а лишь недоброжелателем, — Британской империи, над которой никогда не заходило солнце.

Но такого больше не будет, к этому нужно применить все силы и возможности. У самого Петра и его жены Екатерины были давно сформированы свои собственные взгляды на будущее Европы. И цель их была одна — прирастить могущество российское и максимально ослабить всех явных и потенциальных ее врагов...

Мощный взрыв отвлек Петра от размышлений — турецкий форт на восточном берегу Босфора был укутан густым черным дымом. Стрельба с него полностью прекратилась.

— В пороховой погреб угодили!

— Вижу, Федор Федорович. — Петр поднес к глазам мощный морской бинокль, только начавший входить в моду вместо подзорных труб — охтинские стеклодувы смогли наладить их производство, пока ничтожно малое в относительных цифрах, для армии и флота.

«Вепрь», укрытый густыми дымами, валившими из двух труб, бодренько пошел на помощь

своему собрату «Секачу», что чуть ли не с пистолетной дистанции, в упор, продолжал безжалостно всаживать в западный форт одну бомбу за другой.

Вроде бы и гореть было нечему в глинобитной турецкой крепостице, но пылала она, к вящему изумлению, знатно, буквально разносимая попаданиями больших ядер, снаряженных не слабым дымным порохом, а мощным аммоналом.

— Турки прекратили стрельбу. Они бросили крепость!

Адмирал Ушаков уже не скрывал своего законного торжества. Еще бы ему не радоваться, когда за одну ночь его флот буквально вынес одну за другой все османские «двери», что преграждали путь к заветному Константинополю.

И сейчас была просто, походя, вышиблена последняя преграда — Петр прекрасно видел, как разбегаются во все стороны от разгромленного форта турецкие артиллеристы, как подошедшие к самому берегу пароходы уже начали высаживать десант.

— «Кабаны» совсем не пострадали, Федор Федорович!

— Да, государь. Я видел, как ядра просто отскакивают или раскалываются о бронированный каземат. Вы создали совершенно неожиданные корабли, страшной силы...

— А вы сами не подумываете о будущем флота, адмирал? — Петр с лукавством посмотрел на Ушакова, но тот или не заметил, или не обратил внимания на подначку.

— Задумывался, государь. И сейчас собственными глазами увидел, что будущее за броненосными кораблями с паровыми машинами. Сейчас наступил штиль, и мы идем вперед благодаря только течению. А Грейг не обращает внимания и даже не снижает скорости. Вот только есть одно, Петр Федорович, — Ушаков снизил голос, хотя они и так были на шканцах одни, и перешел на доверительный тон. — Пароходы с гребными колесами нашему флоту не нужны: у них слишком плохая мореходность. Нам нужны только винтовые, как эти прекрасные корветы. А эти... Пусть плавают на реках...

Петр усмехнулся — последними фразами адмирал выразил свое истинное отношение, ибо всем морякам известно, что корабли только ходят, а плавают известно что.

— Я рад, адмирал, что вы оценили винтовые корветы. Надеюсь, что с постройкой линкоров и фрегатов вы не промешкаете?! Сами понимаете, что опоздавшие ничего, кроме тычков, не получают!

— Государь! Не пройдет и трех лет...

Адрианополь

— Братец, давай помогу! Ты не ранен?

Сильные руки встряхнули Константина Петровича, небрежно ощупали, как барышник коня. И поставили на ноги, поддерживая.

— Кажись, не ранен, придавили только. Пить хочешь?

Константин только судорожно кивнул, и тут же горлышко фляги прижалось к его губам. Он жадно стал глотать теплую воду, которая показалась ему сладостным нектаром. И силился открыть глаза — однако это оказалось невозможным. Он видел только красноватый свет сквозь веки, понимал, что очи уцелели, но вот открыть не мог.

— Эко тебя отделали, — участливый голос произнес слова с усмешкой. — Но ничего, русский солдат завсегда крепок. Меня под Кагулом еще славней янычары разделали, когда каре прорвали, а я ничего, выжил. На следующий день бодрячком был. А ты молодец, до конца на ногах держался. Вот когда упал, так я и подоспел. Над тобою встал, чтоб не затоптали тебя, парень, всмятку. Успел, как видишь.

Спокойный голос балагурящего солдата наконец привел Константина Петровича в сознание — царевич принялся размышлять над словами ветерана. Был на Кагуле, каре его прорвали —

тогда только апшеронцы большие потери понесли. Именно на выручку этого полка отец тогда гренадеров повел. А раз сейчас он живой, то на его спасение именно апшеронцы подоспели, а сапог, что увидел, прежде чем потерять сознание, красным был отнюдь не от крови. Потому что только этот полк был обут в такие сапоги, в знак признания беспримерной доблести, когда солдатам приходилось сражаться по колено в крови. Не иначе как дошла его депеша князю Багратиону, раз на выручку генерал самый лучший полк бросил.

— Дай-ка я тебе лицо протру, братец. Ну и распухло, будто упырем стал. Шучу, шучу — не обижайся, барчук. Я такой же сержант, как и ты, только не взводный, а фельдфебель.

Мокрая тряпка своим прикосновением к лицу принесла облегчение, и царевичу стало хорошо. Мысленно он усмехнулся — заслуженный старый вояка крепко обмишурился, приняв его за вчерашнего кадета, немного послужившего и получившего старшего сержанта, обычного взводного, коих много в армии. Даже поговорка появилась новая — больше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют.

А вот фельдфебель — птица иного полета: на роту он один полагается, и только из старых и опытных солдат, что не меньше двадцати лет служебную лямку тянули. Вот только понимает служака, что барчук в офицеры выйдет, а он как был старшим сержантом, так им и останется.

— Вот и все. Глазки-то открой, братец. Кровь у тебя спеклась, вот веки и прилипли!

Константин открыл глаза — мир вокруг него оказался светлым, а не кроваво-красным, как ему тогда показалось. Как, оказывается, жить хорошо! Ну ее на фиг, эту войну!

Стокгольм

Граф Густав Мориц Армфельт пребывал в скверном расположении духа. Слухи о близящейся войне с Россией оказались не вздором, а самой доподлинной реальностью. Это ему подтвердил час назад вице-адмирал Вахтмейстер. Старая лиса явно что-то замыслила — моряк откровенно попытался прощупать настроение в прошлом любимчика преждевременно умершего короля Густава. И было отчего так поступить — судя по всему, воевать с Российской империей шведам явно не улыбалось.

Даже наоборот, не только третье сословие в лице фабрикантов, купцов и торговцев, но и значительная часть дворянства выступала за тесное сближение с восточным соседом, по примеру датского.

«Император Петер родной внук от сестры Карла XII и имеет прав на наш престол больше, чем нынешний король, женатый на его дочери», — слова адмирала громко прозвучали в мозгу Армфельта.

Граф хищно улыбнулся — да, это так, Петр Федорович весьма популярен среди шведов как громкими победами, так и той политикой умиротворения, что долгие годы вел. Недаром владельцы железных рудников и металлургических заводов неясные слухи о войне встретили не столько панически, сколько с нескрываемым озлоблением — перспектива потери большей части значительно возросших за последнее время доходов на торговле с восточным соседом привела их в невиданную доселе ярость.

— А ведь король с огнем играет, — задумчиво пробормотал Армфельт. — Против него и кошелек, и шпага. С купцами и дворянством воевать чревато, не посмотрят на сан.

Граф знал, что сейчас высказал. Сам он давно ненавидел короля, еще с тех пор, как тот был герцогом Зюдерманландским. И все началось еще 12 лет назад, в тот знаменательный день, когда Армфельт сочетался со знатной девицей Гедвигой из рода Делагарди.

Они с невестой сидели на балконе, любуясь на красочную процессию, что организовал для своего друга барона король Густав. Завершала ее группа наездниц на великолепных лошадях, фрейлин королевы. И вдруг одна молодая девушка, в костюме сказочной нимфы, погнала своего

коня галопом и вздыбила его прямо перед женихом.

Она с вызовом посмотрела на него так, что сердце Армфельта будто огненная стрела пронзила, он задохнулся от внезапно нахлынувшей страсти, позабыв про молодую жену. А ветер растрепал длинные волосы нимфы, обнажив великолепные плечи. То была Магдалина Руденшольд.

Он влюбился мгновенно, без памяти, и прямо от свадебного стола, не дожидаясь первой брачной ночи, отправился искать свою Магдалину, а найдя, они заключили друг друга в пылкие объятия.

Нравы при шведском дворе были еще те — оскорбленная невеста одна рыдала в широкой постели, а король с недоумением спрашивал придворных: «Куда же делся мой любимый Армфельт? Если он решил переиграть свадьбу, так можно было бы сделать это и завтра! Нельзя же так бесстыдно нарушать МОЕ торжество!»

Впрочем, никто не придавал значения случившемуся, кроме одного человека, что тоже воспылал животной страстью к раскованной молодой фрейлине. И пусть была бы его жена — Армфельт бы не так обиделся, но посягнули на его любовь. И не просто посягнули — через год герцог Зюдерманландский, этот стареющий ловелас и мистик, супруга которого была на двадцать лет моложе, стал королем...

Дарданеллы

Капитан второго ранга Семен Иванович Хорошкин с улыбкой посмотрел на маленького «хранцуза», как мысленно он окрестил молодого бригадира. Самоуверен юноша, но без нахальства, спокоен, дело военное знает добре, пушки удачно поставил. Но вот только как поведет себя, когда османские корабли в пролив войдут?

— Сдюжишь, Павел Александрович? — вполголоса поинтересовался старый моряк.

— Что значит «сдюжишь»? — на ломаном русском спросил Бонапарт.

В последние часы бригадир не знал ни минуты покоя: к узости пролива приближались десятки парусов — турецкий флот только сейчас смог отойти от шока, вызванного столь стремительным развитием событий.

— Их нельзя пустить в пролив, господин бригадир. Надеюсь, что нам это удастся сделать. Или помер здесь все!

Хорошкин сказал это без всякой рисовки — тридцать пять лет отдал он флотской службе да еще два года в гвардии отслужил. Семью и детей не завел, чинов больших не выслужил. Его подчиненные, с кем он турецкие корабли под Очаковым в первую войну взрывал, давно каперанги или командоры, а некоторые и орлов на погоны выслужили.

Старший брат самого Семена, Игнат, еще как десять лет назад контр-адмиралом стал, а сейчас уже двух орлов имеет да целым флотом командует в Америке, пусть и небольшим, без линейных кораблей. А ведь на три годочка всего и старше...

— Зачем нам умирать, Семен Иванович? — с улыбкой переспросил бригадир, потянулся и ущипнул его за мочку уха — Хорошкин впал в изумление.

Этот француз ему в сыны годился — Бонапарту только 28, а ему уже 53 года стукнуло. Но не обиделся старый моряк, а чуть похлопал молодого бригадира по плечу — не первый же субординацию нарушил, да и не подчиненный он армейскому бригадиру...

Молодого корсиканца чуть ли не скрючило от такого дружеского похлопывания — этот самоуверенный старик оказался слишком силен, как их знаменитые медведи. Гигантскую шкуру этого зверя он уже отправил родным в Аяччо — там она произвела неизгладимое впечатление.

— Я прикажу открыть огонь, как только их корабли станут против моих пушек. —

Бригадир указал на мощные жерла 68-фунтовых бомбических пушек, что с превеликими трудами и матерщиной были установлены взамен турецкого хлама. — Они не пройдут. Опоздали, — тщательно подбирая русские слова, продолжил говорить Наполеон. — Так воевать никак нельзя, не годно. Инфантерия атакует позиции вчера и утром, а флот идет к вечеру. Нападение должно быть дружно...

— Дружным.

— Да-да, все вместе, — охотно согласился с поправкой Бонапарт. Он всегда просил, чтоб его поправляли. — Как мы сейчас. Ты ставил там и там с лодок заграждение. Ведь так?

— Минные банки, по две штуки.

— У того берега они не пройдут, если твое заграждение взорвется? — Наполеон больше рассчитывал на свои пушки, чем на эти пузатые железные бочки, начиненные порохом, что притаились под водной гладью. Хотя взрыв одной произвел на него впечатление — из-за небрежности матросов или ненадежности взрывателя мина рванула сразу же, как ее поставили. Неизгладимое и устрашающее зрелище...

— Сработает, Павел Александрович.

— А там чем ты их встретишь, Семен Иванович? — Наполеон указал на скалы, что длинной полосой протянулись задолго до фортов. Матросы, как он знал по докладам, копошились там у самой воды долго и старательно, выставив крепкие караулы для сбережения.

— Найдется, — коротко ответил старик, и его глаза недобро полыхнули. Наполеон примиряющее поднял руки — он уже знал, что столкнулся с чем-то секретным, о чем знать не нужно. И смирил любопытство, хотя военное дело любил до самозабвенности.

Лицо Хорошкина разгладилось, он улыбнулся, и Наполеон понял, что гроза миновала. И сделал зарубку на памяти.

— Сам увидишь, Павел Александрович, чем я их там встречу! И вряд ли османы обрадуются от столь нелюбезного приема!

Константинополь

— Алексей Самуилович, смотрите!

— Вижу, — только и отозвался молодой капитан на восклицание своего старшего офицера Береснева, уже пожилого и издававшего всякие виды моряка, недавно перешагнувшего за сорокалетний рубеж. А сам Грейг был возмутительно юн как для своего чина, так и для своей отнюдь не малой должности командора — командира отдельного отряда ранговых кораблей.

И пусть их было всего два, но, как уже убедился и он, и экипажи, броненосцы стоили порядочной, не менее десяти вымпелов, эскадры. А в этом русские сейчас и убедятся — в Золотом Роге высился лес мачт, уже укатанных бело-серыми парусами.

Капитан-лейтенант был молод — едва перешагнул рубеж 22 лет, вот только отходил он уже восемь кампаний, начав службу с четырнадцати лет в мичманском чине вахтенным начальником на фрегате «Архангел Михаил». И свои чины самолюбивый шотландец получал не из-за заслуг знаменитого отца (хотя чего греха таить — маленькая толика славы старшего Грейга перепала и на него), а своей чудовищной энергией, трудоспособностью и знаниями. Ибо он с детства на палубе и вязать узлы стал раньше, чем говорить...

— Они без ветра стоят! Потому атакуем не мешкая. Поднять сигнал — таранить по возможности!

Грейг командовал, продолжая смотреть в прорезь амбразуры с чудовищно толстыми стенками — аршин мореного дуба и пять вершков доброго уральского железа. Великолепная и надежная защита — турки с береговых батарей угодили в «Секача» полтора десятка раз, звон в ушах у всех долго стоял, будто в звенящем колоколе пребывали, но ни одно из ядер не только не

пробило защиту, но даже не тронуло с места крепления.

— За такими кораблями будущее, — пробормотал Грейг, — лишь бы мореходности им поболее. А то как утюги ходят...

После лихого фрегата перевод на броненосцы показался молодому лейтенанту ссылкой, но, увидев, какое внимание уделяет государь этим уродцам (так он их мысленно окрестил, когда увидел в первый раз), Алексей проникся и стал добросовестно вникать в самые мельчайшие механизмы паровой машины, моментально поняв, что именно она стала заменителем парусов и ветра.

И не только — первые же плавания в мелководных Бугском и Днепровском лиманах и пробные стрельбы привели к твердой уверенности, что любой парусник, пусть даже знаменитые британские 120-пушечные линкоры, имеет шансы на спасение только в бегстве.

Но это только в том случае, если есть ветер, но при штиле боя не будет, только избиение. Проходя пролив этой ночью, Грейг еще больше преисполнился этой уверенностью — броня великолепно держала удар, а мощные русские бомбы разнесли в ошметки и пыль камни турецких крепостей. А корабельные борта османских кораблей — защита от 68-фунтовых пушек еще более ненадежная, что и надлежит сейчас продемонстрировать.

Приближающийся высокий борт трехпалубного турецкого флагманского корабля окутался густым белым дымом. Грохота пушек никто из русских не слышал — они и так были оглохшими от постоянного шума паровой машины. И лишь еле ощущаемый звон сказал морякам о том, что в «Секач» угодило несколько ядер.

— Скверно стреляют, — хищно улыбнулся Грейг и с мстительной улыбкой поднял руку, глядя на турецкий корабль прищуренными глазами — с двух сотен шагов он хорошо видел не только доски обшивки, но и шляпки штырей. И тут же, повинуясь отданной им команде, броненосец вздрогнул всем своим тяжелым корпусом — русские орудия послали туркам свой смертоносный ответ...

Адрианополь

Спасший его фельдфебель оказался таким, каким он его представлял. Лет сорока пяти, шрамы и морщины испещрили лицо, полевое обмундирование, надетое поверх мундира, ладно облегал поджарое тело — чувствовалась не показная лихость, которой отличаются все старые солдаты.

Константин оглянулся, и сердце чуть не замерло в груди. Отряда, которым он командовал, не осталось. Лишь груды убитых говорили о том, какую цену взяли русские за свою смерть. Страшную цену — янычар положили как бы не в пять раз больше, все огромное поле было застелено пестрым ковром убитых турок, а на валу возвышались страшные бугры из человеческих тел.

Именно здесь копошились апшеронцы в своих знаменитых красных сапогах, лихорадочно растаскивая тела в стороны, ища раненых. Да несколько сотен турок, попавших в плен, безучастно сидели под палящим солнцем, даже бритыми головами не вертели.

— Ты посиди пока, братец. Вижу, тяжело тебе. А я пойду своим солдатам помогать, — фельдфебель тяжело вздохнул и с надеждой во взгляде спросил: — Ты не видел, где царевич дрался? Беда-то какая случилась...

— Видел, — глухо произнес Константин и сглотнул. Как же так — все погибли, а он остался в живых?! Видно, спасло солдатское обмундирование, что он позаимствовал у маститого фельдфебеля батареи как раз за полчаса до последнего боя.

Ермолов настоял — в мундире царевич больно сильно выделялся, и офицер опасался, что турки набросятся на него первым. А так сержант и есть сержант, кто обратит на него

специально внимание. Прав оказался Алексей Петрович — переодевание и спасло великого князя, да вовремя еще на выручку пришел старый фельдфебель.

— Помоги снять «полевку», братец, — с таким нажимом на последнее слово произнес Константин Петрович, что служака в одно мгновение в лице изменился, каким-то шестым чувством сразу поняв, с кем он имеет дело. Изрезанное и окровавленное обмундирование было снято с царевича чуть ли не моментально.

— Виноват, ваше императорское высочество!

Старый служака всем своим видом демонстрировал допущенную им оплошность, и Константин улыбнулся — обидно, когда носом тычут, мол, лет много отслужил, а самого царевича от сержанта-кадета отличить не смог. Такая промашка больно по самолюбию бьет. Но говорить он ничего не стал, а просто сграбастал фельдфебеля в объятия. Прижал на секунду к груди и тут же оттолкнул от себя.

— Офицеры выжили? А солдаты?

— Нет, ваше высочество. Не нашли пока живых! А солдат семеро, все изранены. И вы...

— Ладно, хватит разговоры вести! — грубо прервал он фельдфебеля, краем глаза наблюдая за собравшимися кругом солдатами и видя, что к нему спешают офицеры. Теперь царевич понял, что ему требуется немедленно делать. И хоть он ослабел, а голова кружилась, но наклонился над телом истерзанного ятаганами казака и перевернул его на спину.

Хорунжего конвоя он узнал сразу — даже после смерти казак не выпустил из руки саблю. Он с тоскою посмотрел на него, сглотнул вставший в горле комок. И тут словно прорвало — вся боль и горечь потерь вылилась в громкие ругательства.

— Что смотрите, братцы, мать вас за ногу! Тут наши лежат, еще раненые, под этими грудями задыхаются! Искать их надо, искать! Да делайте же, не стойте столбами, кои собачки отметили!

И в ярости стал переворачивать трупы, движимый отчаянной надеждой найти хоть кого-то из выживших...

Стокгольм

— Ты за это заплатишь, скотина!

Армфельта затрясло от еле сдерживаемой ненависти, что уже долгие годы разъедала ему душу.

— Отправишься вслед за братом, коего ты и отравил!

Он знал, что говорил. Именно герцог Зюдерманландский, женившись на прекрасной и юной Елизавете Петровне, освободил для себя престол. Поначалу все грешили на русских, но такие слухи вскоре заглохли сами по себе — в Стокгольме насмотрелись, с каким циничным пренебрежением их король относится к собственной жене и к предложениям ее отца, довольно выгодным для страны.

Какие уж тут отравители?! Возвести на престол лютого ненавистника собственной державы?!

Сегодня-завтра все определится и для него, Армфельта, и для короля, и для будущего страны. Граф торопился, плетя сети заговора, но чувствовал, что не один он такой. Предчувствию нужно было верить — слухи о завтрашнем карнавале в королевском дворце тесно переплетались с глухими разговорами о последнем празднике нынешнего короля.

Страна нищала; неурожаи последних лет привели к толпам нищих, вымаливающих хлеба. Нет, золото у короля имелось, английское, но оно тратилось не на благополучие Швеции, а на подготовку совершенно ненужной войны, от которой никто не ждал ничего доброго.

Сегодня Армфельт стал свидетелем разговора среди молодых офицеров, один из которых с

горячностью сказал: «Наш король сошел с ума! Его, как Эрика Четырнадцатого, следует засадить в замок финского Або, откуда не выпускать, пока не помрет от черной желчи».

И это сказал швед, а финны что говорят? Армфельт был конфидиентом тайного общества «Орден Вальгаллы», возглавляемого финским патриотом Магнусом Спренгпортенем, мечтающим о независимости Финляндии. Тот в последнее время говорил Армфельту вполне откровенно: «Пусть Финляндия останется шведской, но только чтоб обе страны были под скипетром империи Российской».

Ну, что ж, — может быть, сейчас это время уже наступило?! Если король под несчастливым номером уйдет, то престол освободится для его маленького сына.

Династия Ваза останется на престоле, но в жилах юного короля течет кровь еще и Романовых, а дед является императором могущественной и невероятно богатой страны. С такой лучше быть в вечном союзе, чем пытаться воевать! Да и зачем, если русские и так охотно отдадут не только Ливонию, но и помогут вернуть то, что оттяпано Пруссией.

За королем английское золото, против него гораздо более могущественные силы — Армфельт перестал колебаться. Ехать в далекую Вену с ничемным поручением от короля граф не желал категорически. Еще бы — пока он доберется до Австрии, пока застрянет там на неопределенное время, что произойдет в Стокгольме?

Король Карл силой добьется его Магдалины, которая пока сопротивляется откровенным и грязным домогательствам. Да и вопрос — доедет ли он сам до Дуная, не прирежут ли по дороге — его величество такую штуку охотно может проделать, прихлебателей у него много.

— Карнавал?! — глухо, с неукротимой яростью произнес сквозь стиснутые зубы Армфельт и гордо тряхнул головой. — Ну что ж — пусть будет карнавал!

Дарданеллы

Из-за большого камня было удобно наблюдать за ползущими, другого слова и не подберешь, турецкими кораблями. Они проходили мимо, спокойные и величавые, несмотря на грязный вид и чрезвычайную запущенность.

Да за висящие концы боцман на любом русском линкоре давно бы зубы свои на палубу выплюнул, вернее, такого пентюха никто из капитанов, даже в припадке безумия, на эту должность не поставил. С такой командой воевать — только заклятому врагу помочь!

Хорошкин ухмыльнулся — позиции самодвижущихся мин были замаскированы великолепно, он сам с лодки трижды выходил в пролив и смотрел на них, пытаясь обнаружить. И если бы не знал, где стоят аппараты, то нипочем бы не нашел.

Потому старый моряк сейчас тешил себя обоснованной надеждой, что успеет произвести прицельный залп, и лишь потом турки обнаружат позицию. И все — достаточно он послужил России, можно будет за нее и смертушку принять, ибо уйти вверх по крутому склону и молодому матросу будет трудно, на что же рассчитывать пожилому капитану?!

— Аппараты, товсь!

Глухим голосом отдал Семен Иванович команду, хотя прекрасно знал, что обе трубы, заряженные длинными «рыбинами», кои государь приказал именовать торпедами, сиречь самодвижущими минами, давно готовы к бою.

Страшное оружие появилось на русском флоте, созданное многолетним трудом умельцев. В лимане у Николаевских верфей Хорошкин самолично два года натаскивал офицеров и матросов специальной команды, которым сейчас предстояло эти разрушительные снаряды применить.

Снаряженными торпедами еще не стреляли, слишком дорогостоящими оказались они, хотя учебных пусков проделали несколько десятков. Пройдя полверсты, неснаряженные аммоналом,

такие торпеды всплывали на поверхность, истратив закачанный в них паровиком воздух, а не тонули, как получилось бы с боевой.

— Первый готов!

— Второй готов!

Хорошкин выслушал приглушенные ответы и еще раз посмотрел на турецкие корабли. Там царило полное благодушие — османы даже не подозревали, что им уготована жаркая встреча...

— Пли!

Повинуясь команде, молоденький мичман с «вкусной» фамилией Колбасьев с усилием дернул рычаг. Раздался сильный хлопок воспламенившегося пороха, и торпеда медленно вылетела из аппарата, погружившись в голубую воду, блестящую от жарких лучей дневного солнца. И, выпуская сонм пузырьков, устремилась к трехпалубному кораблю, что лениво проплывал всего в какой-то сотне саженей.

Хорошкин посмотрел вправо — там тоже состоялся пуск, и торпеда, оставляя отчетливый след на воде, устремилась ко второму турецкому линкору. И счастливо вздохнул — он все сделал правильно. Батареи бригадира Бонапартова справятся с семью кораблями, еще два он взял на себя — промаха быть не должно. А отстающие турки, числом в добрую дюжину вымпелов, вряд ли сунутся в пролив, увидев незадачливую судьбу своих товарищей.

— Спасаться по способности!

Хорошкин отдал свою последнюю команду — они сделали свое дело, и теперь есть только пара минут, чтобы удрать с позиции, пока на нее не обрушился град ядер и пуль. Скомандовал и забыл, напряженно глядя за хищными, невиданными доселе «рыбинами».

На османских кораблях хлопкам и пуску с берега пока не придали значения, лишь несколько матросов возбужденно замахали руками. И только...

Чудовищный взрыв взметнул гигантский столб воды ровно посередине корабля, подбросив многотонную махину и на секунду скрыв ее из виду. А когда опал, то Семен крикнул от искреннего удивления. Нет, он хорошо знал, что семь пудов взрывчатки весьма разрушительны по своему действию, но чтоб разорвать корабль?!

Рядом раздался еще один взрыв, и тут же грянул второй, намного более мощный. Турецкий корабль, заполучив торпеду в борт из аппарата мичмана Власьева, взлетел на воздух от рванувшей кюйт-камеры.

Зачарованный взрывом, Семен смотрел на черно-алый клубок дыма, из которого летели во все стороны обломки, люди и пушки. И еще старый моряк заметил ядро, летящее прямо в него. Он его видел, хотя мозг прямо вопил, что такого быть не может. Видно, какая-то заряженная пушка непроизвольно выстрелила и послала в него убийственный гостинец.

Хорошкин все понимал, отстраненно следя за приближающимся ядром, но тело словно закаменело, и не было сил спрятаться за скалу. Он только молча ждал и смотрел...

Страшный удар снес офицера, отбросив его на несколько саженей, изломав тело. Глаза медленно стекленели, губы пытались что-то сказать сквозь пузырящуюся на них кровь. Жизнь стремительно уходила из тела любимого командира; матрос, сжав от боли зубы, склонился над ним, желая расслышать последние слова.

— Беги, сынок... Меня... как Миниха...

Константинополь

— Что творит! Ей-богу! Нет, что он творит!

Петр не смог сдержать переполняющую его ликующую радость. Сбылась мечта идиота — перед ним раскинулся огромный город, а на холме возвышался узнаваемый на фотографиях и картинках еще с той жизни величественный собор с круглым куполом — Святая София. Правда,

впечатление от христианской святости портили четыре вытянутых минарета, словно поставленные торчком карандаши рядом с небольшим кавуном.

Но не Ак София привлекла его внимание, да и глянул он на нее лишь мельком, мимоходом. Другая картина — батальная; все внимание императора было направлено сейчас туда.

В бухте Золотой Рог сейчас началось самое настоящее светопреставление, апокалипсис для турецкого флота. Скованные штилем турецкие корабли горели погребальными кострами, а мимо них проплывали небольшие и пузатые русские броненосцы, время от времени окутываясь белым пороховым дымом. Именно эти клубы, вкупе с висящими на мачтах белыми парусами, напомнили ему подзабытые с детства впечатления, когда они с отцом приехали на родину, в казачий хутор, стоящий на пологом берегу узкой синей ленты Тихого Дона-батюшки.

Толстая и наглая хавронья, подрыв рылом обмазанный глиной плетень, ворвалась в курятник. Может, от безделья, или просто пожрать свинья пожелала, но случайно вкусила куриной крови и обезумела.

Страшным болидом чушка носилась по курятнику, давя и пожирая пернатых. Белые и пестрые перья и пух летели во все стороны, сопровождаемые отчаянным и хриплым кудахтаньем. Словно обреченный горнист, подавший последний сигнал, захлебнулся своим «кукареку» красавец-петух, вдавленный в землю копытцами озверевшей от крови свиньи.

Безжалостную бойню остановил отец, выбежавший из дома с клинком в руках. Нарушительница тишины и непреложных правил «социалистического общежития» понесла заслуженную кару.

Юный Петя с ужасом и восторгом смотрел, что может сотворить казачья шашка. Правда, батя потом ее снова спрятал и взял с сына клятву, что тот никогда и никому не скажет, что в доме спрятан еще дедовский клинок.

Времена такие были, что срок «за хранение» получить было легче легкого. Даже носить алые лампасы и называть себя прилюдно казаком могло выйти боком — что же говорить про шашку, что холодным оружием являлась.

Боялась, видимо, родная власть, что могут станичники за старое взяться, с гражданской войны этот страх у нее остался. И ведь права была — в подзабытом девяносто первом году Петр испытал щемящее чувство гордости, когда снова увидел на улицах лампасы...

— Нет, что творит!

Петр невольно отвлекся от воспоминаний — «кабаны» молодого Грейга сейчас наводили в Золотом Роге то же самое, что хавронья в курятнике. И картина была похожа — белое и пестрое кругом, от порохового дыма, парусов и многочисленных пожаров.

Император оглянулся назад — русский флот, как обожравшийся дармовыми кроликами удав, медленно выбирался из Босфора, толкаемый течением. Паруса чуть колыхались, беспомощно обвиснув — штиль неожиданно спутал планы, но не опрокинул их. Возле линейных кораблей суетились многочисленные пароходы, выпуская из труб черные струи дыма.

Петр облегченно вздохнул — пока все шло, как было задумано, а пользу от пароходов все их затаенные недоброжелатели на русском флоте получили весьма наглядную. Без них вряд ли он и адмиралы рискнули бы провести столь рискованную операцию.

— Ваше величество, посмотрите! Это англичане!

Петр взглянул в сторону, куда указал Ушаков, и прижал бинокль к глазам. Эту сторону гавани броненосцы Грейга не тронули, молодой капитан намного раньше флагмана увидел на кораблях белые флаги с красным крестом Святого Георгия.

Британцев было всего четверо — два трехдечных линейных корабля и два фрегата, из портов которых пушки высывались в два яруса. Но то, что на них происходило, было похоже...

Не успел Петр додумать мысль, как британские корабли окутались пороховым дымом. Вокруг проходившего мимо броненосца словно горохом сыпанули в море — настолько много всплесков. И в бинокль было видно, как от чешуи брони отскакивают ядра.

— Что творят, суки! Они русский флаг не узрели?! — громко выругался Петр.

А вот Ушаков ответил ему совершенно спокойным голосом:

— Сигнал, что капитан-лейтенант Грейг поднял, они сбили. Смотрите, государь, вон «Секач» к ним идет, сигнал поднял о прекращении стрельбы.

Петр снова приложил бинокль к глазам — на мачте второго броненосца, вынырнувшего из клубов дыма, был поднят какой-то сигнал из разноцветных флажков. Однако на англичан это не подействовало — их корабли окутались дымом, словно кокетка роскошной, до пола, белоснежной пушистой шубой.

— Твою мать! Совсем оборзели! Бей их, Грейг, мы потом отпишемся! Адмирал, поднимите сигнал! — позабыв про все на свете, закричал Петр и тут же смущенно осекся, понимая, что такой выкрик ему не к лицу. Ляпнул сгоряча и в эту же секунду подумал, что младший Грейг не пойдет на дипломатические осложнения и не станет топить своих обнаглевших соотечественников.

— Нет нужды, государь, — Ушаков усмехнулся и горделиво выпрямился. — «Вепрь» уже идет на таран, ваше величество!

Петр посмотрел и воспрянул духом — Грейг не стал молчаливо утираться от нанесенного оскорбления. «А ведь он шотландец — а они на генном уровне, с молоком матери, неприязнь к англичанам испытывают».

Русские броненосцы медленно совершили поворот и дружно перешли в атаку. Подойдя к английским кораблям почти вплотную, оба «кабана» дали сокрушительный залп.

Фрегаты извечного врага получили сразу по шесть бомб — промах с полусотни метров, несмотря на некоторую примитивность пушек, был исключен. Этого хватило за глаза — не прошло и трех минут, как оба супостата превратились в костры.

Но Петру было не до того — он уже внимательно смотрел на британские линкоры, к которым величаво устремились русские броненосцы, постепенно набирая ход.

Таранные удары получились на заглядение, хотя оба «кабана» были осыпаны градом ядер, совершенно бесполезных; остановить грозные и неуязвимые корабли британцы не сумели — массивные тараны буквально вонзились в деревянные борта.

— Так их, мать их! — с нескрываемым удовлетворением прокричал Петр, будто его могли слышать экипажи броненосцев, и повернулся к адмиралу, не скрывая ликования: — Федор Федорович! Константинополь перед вами! Вам, адмирал, осталось его только взять!

Адрианополь

— Как вы себя чувствуете, ваше высочество?

— Ну, что же ты, Петр Иванович?! Мы же договорились...

— Прости меня великодушно, Константин Петрович, — князь Багратион улыбнулся, виновато пожав плечами. Для него было необычным, что царевич не только предложил его тет-а-тет называть по имени-отчеству, но и на «ты», что о многом говорило. — Ты должен немедленно скакать к Константинополю, фельдмаршал ожидает тебя. Отвезешь мое донесение ему, скажешь, что Адрианополь наш, Фархад-паша убит, а его разбитое воинство разбежалось.

— Ты теперь Георгия второго класса получишь за эту победу, — с затаенной завистью промолвил Константин и непроизвольно посмотрел на висящий на шее белый крест.

— О том только нашему государю-императору судить, — мягко отрезал Багратион чуть дрогнувшим голосом. Грузинский князь был честолубив и желал стать четвертым кавалером

этой высокой награды, но не признаваться же, в самом деле. — И еще представление увезешь...

— Какое? — чуть дрогнувшим голосом произнес Константин Петрович, хотя понял, о чем идет речь.

— Я час назад собрал георгиевских кавалеров. Наша дума единодушно решила представить тебя, находящихся под твоєю командой поручика Ермолова, капитана фон Краузе и хорунжего Андреева к Георгиевскому кресту четвертой степени. Последних двух офицеров посмертно, с производством, согласно статусу, в следующий чин. Ты молодец, Константин Петрович, — имея всего триста солдат и шесть пушек, не только отразил, но фактически уничтожил вдесятеро больший отряд турок.

— Если бы не апшеронцы, они бы нас перебили, князь!

— А если бы вы сутки не продержались, Фархад-паша окружил бы мою дивизию. А так мы разбили его по частям. Так что крест принадлежит тебе по праву. Я бы свой сейчас снял, но нельзя.

Константин положил ладонь на руку князя, молчаливо поблагодарил молодого генерала. Он знал, что Багратион мог передать ему свой крест, но только будучи командующим отдельным корпусом, а князь был лишь командиром дивизии, пусть и гвардейской. Но такое признание не могло не радовать — стать «крестником» отчаянно храброго генерала дорогого стоило. И Константин решил рискнуть.

— Меня с детства готовили к греческому престолу. Няньки, слуги и офицеры — сыны Эллады постоянно были вокруг. И вот я здесь, на этой земле. Завтра увижу Константинополь. И если отец не передумает...

— Вряд ли, — усмехнулся Багратион. — Его императорское величество приказал не спускать с тебя глаз ни на минуту, а я обмишулился, насколько была неожиданной атака янычар...

— Дело не в том, князь. Я желаю видеть тебя своим искренним другом. И не только...

Константин сделал небольшую, но выразительную паузу, со скрываемым напряжением ожидая ответа. Главным в его предложении князю было «и не только», и он надеялся, что генерал сделает столь нужный ему выбор. Одно дело иметь под рукою отцовских генералов, пусть проверенных, и совсем другое — своих. Таких, как Багратион...

Князь ничего не ответил, только внимательно посмотрел своими темными глазами. Но протянутую ладонь пожал, и это рукопожатие было очень красноречивым...

Стокгольм

— Как так можно... Ну как так можно...

Королева всхлипнула, в блестящих голубых глазах яркими бриллиантами засверкали слезы. Получить такое оскорбление от супруга: «Мне известно, что вы плохо себя чувствуете, сударыня, а потому ваше присутствие завтра на карнавале будет тягостно для вашего здоровья. Поберегите его и не выходите из ваших покоев».

Посол Семен Романович чувствовал себя не лучше, но хорошо владел собою, стянув лицо в маску. Он тоже получил оскорбление, хотя отказ был выражен его королевским величеством совсем другими словами. Но то, что его специально для этого пригласили в апартаменты Елизаветы Петровны и оставили здесь переваривать услышанное, говорило о многом.

— Война с нашей страной, ваше императорское высочество, королем Карлом решена...

Посол специально сделал долгую паузу и торопливо добавил, как бы извиняясь за допущенную якобы ОПЛОШНОСТЬ:

— Простите, ваше величество. Просто я вспомнил те далекие уже от нас времена, когда играл с вами в Петергофе. Вы помните качели, ваше величество? Как замирает дух, когда они

идут вверх, и как падает в груди сердце, когда рушатся вниз...

Елизавета Петровна внимательно посмотрела на посла, что сохранял нарочито безмятежный вид, будто не он, и совсем недавно, не услышал сказанных оскорбительных слов не только в свой адрес, но и в адрес той великой страны, которую он здесь представлял.

Аллегория была для нее не загадкой — высоко вознесся король шведский, как бы ему не рухнуть вниз. Такие слухи бродили по дворцу, перешептывание велось чуть ли не открыто — большинство придворных крайне неодобрительно встречали как королевские затеи, так и вызывающее поведение монарха.

Тут пахивало скверно — кровью и порохом...

— Надеюсь, что слова моего супруга не станут откровением для моего почитаемого отца? Война всегда несет несчастья народам, и мне не хотелось бы, чтобы и русские, и шведы испытали новые превратности судьбы. Я хоть и дочь хранимого Богом императора, но я и жена короля Швеции.

— Конечно, ваше величество, — посол поклонился, — я тоже искренне надеюсь, что ваш мудрый отец, его императорское величество, примет единственно верное и правильное решение, как он всегда поступал, и не допустит этой войны, не нужной ни ему, ни России, ни королеве Швеции и ее народу. Надеюсь, так и произойдет, к вящей пользе между нашими народами. А засим позвольте мне откланяться, ваше величество, в посольстве меня ждут архиважные дела.

Посол поцеловал протянутую ему руку, чуть прикоснувшись губами к пальцам, и вышел с гордо поднятой головой. Елизавета Петровна прикрыла глаза, как бы от усталости, лихорадочно размышляя над сказанным. А услышала она очень много.

И то, что Семен Романович сказал «к вящей славе», намекало на девиз иезуитов, кои прославились крайне нещепетильным подходом к устранению, то есть убийству, если говорить прямо, неугодных им деятелей. Она сразу вспомнила судьбу французских королей Генрихов, ставших жертвами цареубийственных кинжалов, что держали в руках фанатики Жак Клеман и Равальяк.

Намек?!

Еще какой! Про королеву и ее народ старый пройдоха Семен Романович не зря вернул. Ведь если...

Елизавета Петровна чуть не задохнулась от догадки. И сразу решила на карнавал не ходить, даже если король передумает. Нет, туда ей хода нет, там и без нее все решится.

Такие слова зря не говорят!

Дарданеллы

Наполеон, внимательно разглядывая кипящую в проливе баталию, спокойно стоял, не обращая внимания на пролетающие мимо него ядра. Стрельба с турецких кораблей стала хаотичной, потому молодой бригадир пренебрег такой опасностью.

Зато две дюжины мощных русских пушек, самолично расставленные им в наиболее нужных местах, наносили туркам ощутимые потери. Нет, рангоут остался на месте, паруса продолжали ловить ветер. Вроде все цело. Но это только на первый взгляд — внутренние разрушения межпалубного пространства, вызванные взрывами бомб, пока были не видны. Но то, что они более чем серьезные, бригадир не сомневался.

— Одна пушка на берегу стоит трех на корабле, — задумчиво пробормотал Бонапарт старую аксиому (хотя его математический ум сделал все расчеты с учетом мощности орудий и поднял соотношение один к десяти), окидывая взглядом поле боя. Хотя назвать так море было бы не вполне корректным — он мысленно поправил себя.

Из семи турецких кораблей один, красиво взорвавшись, исчез в огненном смерче, другой, изломанный попаданиями бомб, успел выброситься на берег. Еще три горело, и хорошо — черный дым поднимался к небу, а перепуганные до смерти османы уже лихорадочно прыгали за борт, покидая свои обреченные лоханки.

Два корабля потопили моряки того старика, но это произошло за несколько минут до баталии. Наполеон и сейчас, пусть и несколько отстраненно, продолжал ломать голову над вопросом — чем же так быстро уничтожили эти большие корабли.

Каким оружием? Что это были за большие, отнюдь не тяжелые трубы, что он увидел мельком? Вряд ли это были пушки, не похоже! Тогда что? Секретные ракетные станки, аналоги тем, что были применены еще при Кагуле? Не то, совсем не то!

Пуски ракет он уже видел. Устрашающее зрелище для темных магометан, но на него они не произвели должного впечатления. Слишком мала точность, намного уступающая обычному полевому орудью.

Нет, моряки применили что-то иное, более эффективное и снаряженное большим количеством взрывчатки или втрое большим зарядом пороха — не менее сорока пудов, раз один турецкий корабль просто разорвало на два куска, а второй взорвался от собственных погребов.

— Теперь в пролив они сегодня не пойдут, — бригадир усмехнулся, глядя, как многочисленные мачты турецких кораблей удаляются обратно в далекое синее море.

Османы были потрясены учиненным им избиением и не горели желанием разделить судьбу несчастных. Даже те два корабля, что еще были на ходу, в ответ почти не стреляли и пытались удрать, отойти к другому берегу, подальше от разрушающей мощи русских орудий.

— Ух!

Отстающий корабль неожиданно превратился в кратер вулкана — огромный столб пламени и дыма вырвался выше мачт.

— Крюйт-камера рванула! — крикнул кто-то из канониров, и все разом закричали «Ура», подбрасывая в воздух шапки.

Наполеон, глядя на такое искреннее проявление чувств, поморщился — нужно было добить последнего подранка, а орудия прекратили стрелять. Он открыл было рот, чтобы скомандовать, но неожиданный взрыв, прогремевший за его спиной, заставил бригадира живо повернуться.

У борта удиравшего турецкого корабля вздыбился в небо гигантский столб воды, а когда он упал, то стало видно, что османы обречены — нос исчез, мачты рухнули, а весь корпус изломан.

— Страшное оружие эти мины. Теперь в пролив даже безумец не пойдет, — задумчиво пробормотал молодой офицер, рассматривая плавающие по воде обломки...

День третий

29 июня 1797 года

Константинополь

— Вперед, чудо-богатыри! Добьем супостата!

Звонким, чуть ли не юношеским голосом командовал старый фельдмаршал, и хохолок на его седой голове задорно подрагивал. Однако Суворов пребывал отнюдь не в лучшем расположении духа, и было от чего негодовать и злиться.

Далеко впереди колыхалось зарево большого пожара, и почти отчетливо доносилась орудийная канонада — в Константинополе шел бой, и, судя по всему, ожесточенный, с применением большого количества пушек. А как они туда попали, и в таком числе, тут и ежу понятно.

— Опередили меня, каракатицы морские!

Александр Васильевич облегчил душу исконным русским способом и стал вслушиваться в ночь, не обращая на торопливые шаги марширующих мимо него солдат ни малейшего внимания.

— Нет, не опередили! Кус в рот не пролез!

Старый вояка прекрасно разбирался в музыке войны, потому, сделав вывод, повеселел. Он вел с собою две вышколенные дивизии, передав гвардию князю Багратиону.

С такой силою он в нескольких боях начисто уничтожил турецкие скопища, что пытались преградить ему путь к своей столице. Еще бы не разбить ополчение — разница между солдатом регулярной армии, шесть лет занимающимся воинским ремеслом, и обычным мужиком, что турецким, что русским, без разницы, только что взявшим в руки оружие, настолько велика, что не идет ни в какое сравнение.

«Всякий солдат должен знать свой маневр» — это изречение было любимым у фельдмаршала Суворова, кропотливо взращивающего у офицеров и солдат инициативу.

Оттого и били врага всегда, ибо каждый знал, что надлежит ему делать. И не дожидаться запоздавшего приказа. И хоть ходила шутка, что «всякая инициатива наказуема», но с неизменным дополнением, как застегнутый на все пуговицы мундир на офицере, — «если она не проявлена».

— Давай вперед, ребята!

Суворов подбадривал проходивших мимо него солдат, которые и без того убыстряли шаги, торопясь на звуки далекого боя. Ибо одна священная заповедь была в русской армии: «Сам погибай, но товарища выручай!»

Да и главная цель манила к себе, завораживала — славный Царьград каждому хотелось узреть хоть одним глазком, припасть к древним камням собора Святой Софии, вымыть уставшие ноги в теплой воде Босфора.

Потому и торопились служивые, все больше и больше убыстряя шаги. Там их ждет победоносный конец войны, будут награды и производства, все то, что дает заслуженная слава.

Ведь что бы ни говорили, но солдат есть человек, и жить ему тоже очень хочется, а на войне убивают. Не совсем приятная перспектива для молодых парней.

— Вперед, братцы, вперед!

Старый фельдмаршал кричал солдатам подбадривающие слова, но они в них не нуждались. Армия неумолимо накатывалась на Константинополь грозной, все сметающей на своем пути лавиной. И остановить ее было уже невозможно. Ибо каждый солдат торопился вперед, к

полыхавшему зареву, к заветному и желанному Царьграду.

Стокгольм

Бал был в самом разгаре — в ярком свечном свете, что разливался с высоких люстр, пестрые карнавальные маски мелькали перед графом Армфельтом с калейдоскопической быстротой. То там, то тут вспыхивали смешки веселящихся — шведская столица отчаянно любила развлекаться в последние годы, будто отмечала пир во время чумы. И знала в праздниках толк еще со времен предшествующего короля, брата нынешнего.

Умел Густав III проводить торжества — это граф очень хорошо знал, благо был в те времена фаворитом и сам принимал в их организации самое деятельное участие. И сейчас Густав Мориц Армфельт чувствовал себя здесь как рыба в воде. Особенно радовало, что он часто слышал нежные женские голоса, обращенные к нему.

— Маска, поцелуй меня...

Он с охотой прикоснулся к горячим женским губам, испытывая неподдельное влечение, забывая о своей жене и прекрасной любовнице. Все же сорок лет — это далеко не старость, самый расцвет сил у мужчины, а покров тайны, лежащий на лице женщины, еще более возбуждал — было интересно самому знать, кто его с такой страстью одаривает поцелуем.

Но узнать невозможно, лишь прекрасные руки и нежные губы говорили о возрасте таинственной незнакомки, что одаривала его счастьем. Пусть так, но он чувствовал себя молодым и желанным.

И такая круговерть царила крутом, и милые поцелуи были самым безвинным занятием — хватало и темных закоулков, и ниш, чтобы стремительно отведать другой, более лакомый плод.

С самим Армфельтом это происходило всегда, но он хорошо знал, что еще рано, и следует подождать до ночной поры, того желанного часа, когда безудержное веселье обрушится своею безумною волной на всех собравшихся в большом зале.

— Вот потому-то старый мистик и не отпускает свою жену на карнавалы! А то рогоносцем давно бы стал!

Армфельт усмехнулся — даже шепча себе под нос, он никогда не произносил имен королевской четы. Но сейчас для него было забавным представить, что можно поцеловать эту прекрасную русскую принцессу, давно ставшую шведской королевой.

Он присматривался к ней с тех времен, когда Елизавета еще не расцвела. И помнил тот первый день, когда еще угловатая девушка стала женой кронпринца, как сверкали ее глаза от радости.

Потом прекрасные очи потускнели — через два года молодую королеву уже было не узнать — Карл, в глазах всей столицы, полностью оправдал свой несчастливый номер и будто злобный упырь вытянул все соки из своей молодой супруги...

Армфельт силою отогнал от себя воспоминания — не за этим он пришел на карнавал. И продолжал кружить по залу, лихорадочно обшаривая взглядом маски и карнавальные костюмы, от которых уже пестрило в глазах. И с прорвавшейся безнадежностью в голосе прошептал:

— Но где же ты, маска...

Константинополь

— Гум-м!!!

Звон стоял такой, что капитан-лейтенанту Грейгу показалось, что у него лопнули барабанные перепонки, и теперь глухота на всю жизнь обеспечена. По железному каземату «Вепря» словно какие-то великаны со всей силы барабанили чудовищными кувалдами.

— Бум-м!

Грохот собственных пушек окончательно оглушил молодого офицера — он полностью потерял слух, но приобрел стойкую головную боль. Но на такие пустяки, уже пустяки, Алексей Самуилович не обращал внимания — провести двадцать часов в железной коробке многого стоит, все обычные чувства здесь сильно притупляются.

В каземате было дымно, глаза слезились от пороховой вони, и благодарить нужно трубы вентиляции, установленные наверху, иначе даже один час в этой стреляющей душегубке провести было бы невозможно. А так вроде и ничего — экипаж пока на ногах стоит и еще с пушек стреляет, но половина машинной команды и кочегаров внизу пластами лежит, а двое умерли от чудовищного перенапряжения.

— Амба!

Звучное слово само вырвалось у Грейга и лучше всего описывало то, что случилось с противником — сорокапушечным английским фрегатом, что в течение часа безуспешно пытался отразить нападение неуязвимого для его ядер русского «кабана».

Грейг сильно уважал британцев, как может это делать любой морской офицер, учившийся в этой стране. Превосходные моряки и прекрасные воины, они были страшны на Нептуновом поприще. И сейчас он в этом еще раз убедился — даже в безвыходной ситуации англичане сражались, а такое поведение не могло не вызвать уважения.

— Амба!

Грейг посмотрел в амбразуру — тяжелые бомбы русского броненосца сделали свое дело. Полыхающие пожары на многих кораблях хорошо освещали полночную бухту, и в свете пламени капитан-лейтенант видел проломленный во многих местах корпус фрегата. Но не это было главной бедою — из открытых орудийных портов наружу вырывались длинные языки пламени.

— Амба!

Грейг усмехнулся — с последним «англичанином» было покончено. Но победа над британцами досталась дорогой ценою. Пороховой погреб пуст — фрегат был добит последним залпом с пушечной дистанции, с которой промахнуться невозможно. Больше воевать было нечем — таран свернут, будто клюв попугая, да и экипаж еле держится на ногах.

Грейг взял листок бумаги и написал карандашом: «Идти в бухту чиниться, команде отдыхать. Мы свое дело сделали, надо и другим оставить потрудиться». И закрыл глаза — даже его молодое тело очень устало за эти долгие, очень долгие двадцать часов, пролетевших каким-то коротким кошмарным, но сладостным при этом сном...

Ново-Архангельск

— Подожди немного, Мария Алексеевна, — сказал молодой поручик, с еле выбивающимися пшеничными усиками, в темно-зеленом ладном мундире американских стрелков, — мой батюшка обязательно даст нам благословение. Нужно только подождать немного...

— Сколько же еще нам ждать, моя любовь? — с тоскою произнесла миловидная девушка лет семнадцати, смуглая, с выразительными глазами.

— Он уже получил мое письмо, не мог не получить. И брат Александр в Иркутске давно извещен...

— Что же его величество не отписал тебе, Коленька? Брезгует? У меня ведь только отцовский титул, а ты царевич! Неужели думаешь, что они пойдут на мезальянс? Не верится мне...

— Маша, — офицер шагнул вперед и крепко взял девушку за руку. — Мне не будет престола, да и не нужен он. Ты — мое счастье, ты и только ты. Я тобою дышу, тобою живу, моя

любовь!

— Горячи твои слова, — девушка говорила с такой печальной улыбкой на губах, что царевича передернуло. Кровь бросилась ему в лицо.

— Я никогда не откажусь от тебя, радость моя. Никогда в жизни! Верь мне. Я пойду против воли отца, брата, но женюсь на тебе. Пусть я перестану быть великим князем, но я останусь русским офицером. И главное — твоим мужем. Никто не отнимет меня у тебя!

— Я верю тебе, мой милый!

Они одновременно сделали шаг навстречу друг другу и порывисто обнялись, как может сделать это только молодость. Прижались, их губы встретились, и долог был первый поцелуй.

— Маша, давай обвенчаемся...

— Что ты, — девушка вскрикнула в испуге, — ни один батюшка не станет нас венчать. Не станет! Тебя в лицо знают все, а потому даже втайне мы не сможем обвенчаться.

— Но ведь граф Алексей Григорьевич...

— Что ты, милый. Мой батюшка строг и без согласия твоего отца не разрешит венчания.

— Я попрошу его! Сегодня же...

— Я не знаю...

Впервые в голосе девушки, несмотря на печальный тон, просквозила глубоко спрятанная радость, но Николай ее не заметил. Слишком велико сейчас было его счастье, перемешанное с горем. Он любил и был любим в ответ. Но что делать, если ты не можешь распорядиться собственной судьбою без воли самодержавных родителей.

Он служил в Русской Америке уже три года, год добирался сюда, совершив долгое плавание. И здесь служил, именно служил — наместник Америки граф Орлов синекуры ему не делал, — дрался в стычках с индейцами, получил стрелу в плечо, хорошо, что хирург спас, нес охранную службу с казаками на линии, сам зарубил бандита в схватке — и получил первый орден, заслуженный кровью. Что же еще бояться?!

— Я сегодня же пойду к твоему отцу!

Царевич упрямо наклонил голову, а Мария вздохнула с затаенным облегчением. Она была единственной дочерью всемогущего наместника и знала, что отец выдаст замуж только за любимого ею самой. И не иначе!

— И если он мне не откажет...

— Папа не скажет тебе «да», мой милый...

— Мне достаточно будет не услышать его «нет»! — Николай поднял голову. — Тогда ближайшей ночью мы повенчаемся! Я думаю, отец Василий нам не откажет, даже под угрозой наказания от Синода. Ты согласна стать моею женою, любовь моя?

— Да, — просто ответила Мария, и ее нежные смуглые руки сомкнулись на шее возлюбленного...

Константинополь

— Это адмирал Грейг, государь!

Петр еле-еле сдержал неуместную усмешку, разглядывая выступивший на горизонте лес мачт с белоснежными парусами, освещенный первыми лучами восходящего солнца.

Адмирал Ушаков, судя по убитому голосу, явно не горел делить славу освободителя Константинополя на двоих. Потому Федор Федорович и торопился высадить десант, вот только сил одной морской пехоты оказалось недостаточно — слишком велик оказался Царьград, и османов в нем проживало чересчур много.

— И как всегда к обеду. — Петр искренне обрадовался появлению Архипелагской эскадры, которая несколько дней наводила на османов ужас в Мраморном море. Потому-то и

прорывались они через Босфор с трудом, и если бы не «кабаны», то форсирование могло обернуться большой кровью. И в Золотом Роге турки с англичанами подготовили русским горячую встречу, рассчитывая встретить именно старого адмирала.

— Это очень хорошо, что наши споро подошли, не промешкали. У Грейга на кораблях целая бригада инфантерии, как раз хватит!

Петр был доволен донельзя. Кровопролитные уличные бои не входили в его планы, терять понапрасну вышколенные кадры морской пехоты он не желал категорически. А так есть возможность бросить в бой два свежих полка.

— Отправьте все наличные пароходы, адмирал. А то наш Самуил Карлович долго проваландается с высадкой своих четырех тысяч штыков. Корабельными баркасами и шлюпками быстро на берег войска не переправишь.

— Есть, ваше величество!

Ушаков тут же стал отдавать распоряжения, и вскоре на мачтах «Киева» затрепетали цветные флаги, а сигнальная вахта споро заработала своими флажками.

— Жаль, что радио нет. И не будет. Нынешняя сигнализация — сплошной примитив, — вздохнул Петр. Несмотря на все его старания и немалые финансовые возможности, преобразования шли со скрипом, как крестьянская телега на разбухшем от грязи тракте. И ничего тут поделатъ было нельзя — прогресс обусловлен напрямую социально-экономическим развитием страны, тут марксисты полностью правы.

Потребовалось треть века, чтобы стали видны первые ощутимые результаты. И то только те, что были достигнуты за последние десять лет. А ведь масса времени, сил и средств ушло на создание нынешнего положения — отмена крепостного права, введение во всей стране бесплатного начального образования, пусть в основном церковно-приходского, налаживание системы самого элементарного здравоохранения, строительство новых заводов и фабрик, наконец.

И самым благим моментом было то, что жесточайший кадровый голод преодолели. Теперь государственный аппарат и само общество состояли из людей грамотных, многие из которых окончили университеты, предприимчивых и энергичных.

А сам Петр вовремя осознал всю пагубность нарождающейся бюрократии, что неизбежно при таком развитии. И то, какую гангрену нес в себе «Табель о рангах», введенный Петром Великим. Ведь получив на гражданской службе классный чин, чиновник автоматически превращался в дворянина, оставаясь, по своей сути, стряпчим и подьячим.

Хорошо, что сейчас «породного» дворянства больше, чем «табельного», а потому решение Петра прекратить даровать за службу потомственное дворянство вызвало у аристократии ликование.

Исключение оставили одно — только для кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца или кавалеров трех солдатских знаков отличия этого ордена, становящихся автоматически офицерами.

Впрочем, полного банта еще никто из солдат не имел, да и второй степенью могли похвастаться немногие, пальцев на одной руке хватит, чтобы пересчитать таких счастливцев.

И реакция дворянского сообщества оказалась неожиданной, совсем не такой, какую можно было бы ожидать, исходя из «Манифеста о вольности дворянской».

Военная служба стала своеобразным фетишем — потомственные дворяне стали сами считать ее главным занятием своей жизни, отнюдь не тягостным, как при царе Петре Алексеевиче, и нескрываемым позором, если одна из знатных фамилий не имела кавалеров самой почетной боевой награды. Такими искренне гордились, ставили в пример детям и внукам — так же как в его *той* жизни хвастались богатством и драгоценностями новоявленные

нувориши.

Вот только последствия были иные — здесь служили самые достойные, в охотку и с радостью, от трусов и приспособленцев избавлялись сразу. И на гражданской службе взяточники и волокитчики исчезли как класс, как говаривали когда-то товарищи большевики, или вымерли, как мохнатые мамонты, если взять утверждение зоологов...

Стокгольм

Мужчина, закутанный в черное «домино», сделал шаг назад, выпустив из своих объятий смеющуюся женщину в белом платье. Именно такое разительное несоответствие цветов и привлекло внимание Армфельта, хотя лиц он не мог узнать — они были прикрыты масками, как у всех присутствующих на этом карнавале.

«Домино» сделал еще один шаг и со смешком поклонился. И тут граф вздрогнул — этот жест показался ему не натуральным, свойственным хорошему воспитанию. Армфельт непроизвольно задумался на несколько секунд, размышляя, где он мог такое видеть.

И вздрогнул:

— Какой же я глупец...

Граф обернулся, пытаясь поймать взглядом знакомые одеяния, но не нашел их. Тогда он поднес руку к груди, сжав пальцы в кулак и оттопырив мизинец. Теперь он знал, что скоро рядом появится тот, кому и надлежит этот знак знать.

— Но какой же я глупец... — сквозь зубы снова прошептал Армфельт. Король Карл любил мистику до самозабвения, но дураком никогда не был. А потому надевать черное одеяние на бал он никогда бы не стал. Не делал подобного раньше, будучи кронпринцем — весь Стокгольм хорошо знал о привычках своего монарха.

Армфельт на этом сам попался — высматривал в зале любое одеяние, кроме «домино». А король — вот он, прямо на глазах спокойно расхаживает по веселящемуся залу, охотно целуется с дамами. И никто из гостей не узнал его до сих пор.

И только выразительный поклон перед прекрасной незнакомкой выдал монарха с головою — не очень любил кланяться женщинам бывший герцог Зюдерманландский, как все воспитанные и блестящие кавалеры, ему нужен был свой, особый поклон, несколько небрежный.

— Да где же вы ходите? — еле слышно прошептал Армфельт, сделав пару шагов чуть в сторону от черного «домино», лихорадочно обшаривал взглядом зал, отыскивая конфидентов.

И тут он увидел одного — скользящей походкой голубой плащ приближался к нему, засунув руку под одеяние и устремив горящий взор на короля. Граф понял, что Карл опознан по поданному им знаку, и сейчас участь тирана будет предрешена, и сделал шаг назад, чтобы самому не быть обнаруженным стражею, что, несомненно, сразу ворвется в зал.

— Поцелуй меня страстно, незнакомая маска!

Чуть хриловатый голос, с какими-то знакомыми нотками, с едва сдерживаемым возбуждением, обратился к нему со спины, и Армфельт живо повернулся. Молодая женщина, в восточном костюме переливающейся парчи, с блестящими в прорезях маски глазами, потянулась к его лицу.

Граф радостно вздохнул, но совсем по иному поводу, мужская гордость тут ни при чем — теперь никто из присутствующих не станет его подозревать в покушении на собственного короля.

Константинополь

— О, Аллах милосердный! За что ты так караешь правоверных?!

Султан Селим III, владыка Блистательной Порты, как последний беглец, в запыленном одеянии, пробирался по горящим улицам Стамбула под охраной всего лишь сотни янычар.

Кошмар обрушился настолько внезапно, что разум этого отнюдь не старого человека чуть не помутился. Он хорошо помнил то солнечное утро, когда посол северных гяуров с неподобающей улыбкой вручил ему грамоту своего императора с объявлением войны.

Это известие ошарашило не только самого султана и великого визиря, но и весь Высокий Диван. Оттоманская Порта начинала войну с Россией первой, так было всегда, уж больно нагло московиты начали притеснять верных крымских татар.

И за что, спрашивается?!

Испокон века ханы Гирей водили свои орды на север, добывая для Крыма пропитание, ибо без рабов татары померли бы с голода, да и на рынках Стамбула стало бы тихо.

И не толпились бы богатые покупатели вдоль верениц крепких мужчин и прелестных девушек, выбирая, кому какой устроить путь — или гребцом на галеру, чтоб сдохнуть от побоев через год, или евнухом в гарем, что иногда приводило к высшим должностям в Порте.

Девушкам тоже новая судьба уготовлена — самых прекрасных брали наложницами в султанский гарем, чуть поплоче разбирали состоятельные османы, ну а порченный товар ждала только тяжелая работа и безысходная жизнь. И так было всегда! Зачем портить предначертанный Аллахом путь?!

Однако русский император, пришедший на трон после долгого бабьего царствования, повел себя совсем не так. Как бешеная собака, все эти долгие годы он осмелился кусать Турцию, и иной раз очень больно. Благородные крымчане истерзаны этим злобным коронованным гяуром, турок, убитых на Кагуле и Пруте, нельзя и сосчитать.

Вторая война должна была покончить с наглыми русскими, но получилось совершенно не то, что ожидалось.

Армия доблестных османов рассеялась, как дым, после двух сражений — лишь немногим счастливцам удалось сбежать с поля боя.

Но это полбеда — все христианские подданные султана, эти лживые собаки, позабыв благодеяния, им оказанные, массово возмутились и стали истреблять турок везде, где только можно.

Спасение совершенно неожиданно пришло от рыжеволосых гяуров — завидев английские эскадры, русский царь, как трусливый шакал, поджал хвост. Правда, вырвать из его пасти кровавые куски мяса, оторванные раньше от Блистательной Порты, не удалось. Даже высокомерные британцы здесь помочь не смогли.

Став повелителем правоверных, султан Селим решил хорошо подготовиться к новой войне с русскими. В Англии закупались штуцера, пусть заряжаемые с дула, но такие же дальнобойные, как и русские ружья, строились мощные корабли — уже в сто и более пушек.

Новая война должна была закончиться блистательной победой. И тогда время его правления запомнили все мусульмане, возможно, даже присвоив к его имени победную приставку...

Селим хорошо запомнил, уже на всю жизнь, то солнечное утро, совсем недалекое, всего три недели назад, когда свершился самый страшный, самый кошмарный день и кровавая волна обрушилась на благородных османов, не ожидавших такого коварства от русских.

Гонцы на взмыленных лошадях мчались по стамбульским улицам каждый вечер — «черные вестники», приносящие одни несчастья.

Война началась совсем не так, как думал Селим, ему не дали шести месяцев, как прежде. Да какие месяцы, даже дня не дали, часа лишнего.

И повод к войне нашли смехотворный — год назад янычары удавили главного стамбульского попа. Так ведь он — подданный султана, какие тут могут быть обиды за старого

безумца, что вздумал противиться воле самого султана?!

Русские корабли заняли порты на побережье Болгарии и Румелии, высадив десант. И не просто заняли важнейшие крепости Варну и Бургас — их Топал-паша тут же ринулся на незащищенный Стамбул, сминая все на своем пути. И Дарданелльские форты захватили гяуры подлым ночным нападением, и их флот вошел в пролив, топя все попадающие навстречу турецкие корабли. И вел его тот паша, что спалил Стамбул 27 лет тому назад.

Против благодетелей чуть ли не в этот же день поголовно восстало греческое и болгарское население. Они быстро собирались в большие, несколько тысяч, шайки, вооруженные новыми ружьями и с русскими же офицерами, и вырезали все турецкие гарнизоны, которые просто проспали коварное нападение, не зная о начале войны.

— О, Аллах милосердный! За что ты меня так караешь?!

Ново-Архангельск

Граф Орлов-Калифорнийский отдыхал в кресле — прожитые годы начали брать свое. Но старость не наступила, хотя Алехан уже перевалил за шестидесятилетний рубеж. Еще сильный, очень сильный и крепкий мужчина, отнюдь не старик, с широченными плечами, большими ладонями, пронзительным взглядом и белыми, словно кипенными, зубами. Первая седина только поползла по его волосам. Старый сизый шрам, распоровший ему всю щеку и кончик носа, нанесенный в свое время, в полузабытом уже Петербурге, шпагой неугомонного Шванвича, с годами становился не меньше, а больше, но величественное лицо отнюдь не уродовало...

— Какие годы...

Алехан вздохнул — нет больше на свете родных братьев Григория и Ивана — сложили свои головы в бесконечных стычках с индейцами. Погиб и неугомонный Шванвич, пропал в море и племянш Иван Григорьевич, сын Като, сгинул вместе с бригам, что отправился на далекие Гавайские острова. Но что делать? И жалеть нечего — то долг мужчины и офицера, а смерть — лишь одна составляющая на этом трудном пути...

Почти не вспоминал он и свою жену Анну, дочь вице-короля Испании, — слишком мало он прожил с ней, потеряв при первых же родах. Не вспоминал, и все, только заходил иногда в ограду величественного собора провести близких и родных, нашедших здесь свое последнее пристанище.

Хоть не был Алехан ревностен в православии, но его трудами был построен величественный каменный храм, высившийся над городом. Именно городом, а не захудалым острогом, каким был Ново-Архангельск ровно двадцать лет тому назад.

Именно город — без малого семь тысяч жителей, больше пяти сотен домов, казенные учреждения и воинские казармы, пушечные форты, что защищали гавань и рейд, адмиралтейские верфи, на которых уже начали строить первые фрегаты. Да что там — сейчас уже собирали паровые машины и начали строительство первого парохода.

Много воды утекло за эти два десятилетия...

— Ваше сиятельство!

Тихий голос секретаря вывел Орлова из полудремы. Алехан открыл правый глаз и внимательно уставился на молодого и крепкого офицера — дохляков в своем окружении граф не терпел, так как сам был крепким воином и человеком. А потому, хочешь не хочешь, все его окружение старалось соответствовать, блистая не богатством, а здоровьем и силою.

— Три брига, один фрегат под адмиральским флагом с пятью транспортами в пролив зашли. Из Петербурга, у нас таких нет. Через час-другой в гавани будут.

— Почему?

— Ветер спал, — секретарь моментально понял вопрос, еще бы — тугодумов граф при себе не держал, а от дураков избавлялся сразу и без жалости.

— Точно из Петербурга?

— Так точно, ваше сиятельство. В Петропавловске другие, тем паче фрегатов в здешних водах мало, все наперечет. Этот не наш, но под флагом вице-адмирала Хорошкина идет.

— Это отлично, — граф нарочито тяжело поднялся с кресла. — Вели одеваться, встречать сам буду.

— Есть, ваше сиятельство, — офицер склонился в учтивом поклоне, отнюдь не лакейском, а с достоинством. Алехан холуйства и лизоблюдства не терпел, такие в Русской Америке надолго не задерживались — краток был их путь земной...

Константинополь

Константин Петрович уже два добрых часа томился на солнцепеке, хотя забрался под полотняный навес. Но в жару суконный мундир — не самая лучшая одежда, и царевич, изнывая, терпеливо ждал фельдмаршала Суворова, с завистью разглядывая огромный город.

Бои в Царьграде уже заканчивались, все реже и реже доносился оттуда орудийный гул, хотя черные дымы многочисленных пожарищ продолжали растекаться по голубому небу. Да в гавани Золотого Рога дымились разбитые останки десятков судов, а в море густым лесом стояли мачты русского флота.

Глядя на них, царевич только сейчас понял, какую кропотливую работу провел его отец — построить не одну сотню боевых парусников и подготовить их к войне есть великая задача. Так ведь кроме флота есть еще и армия, и государство, и множество губерний, и строительство заводов — всего много, труды неподъемные.

От такой мысли он загрустил, остро ощутив непосильность ноши для него самого. Это ж сколько ума и работоспособности нужно, чтоб такую махину провернуть? Часов в сутках не хватит! А ведь и спать нужно, и отдыхать, а батюшка еще театр посещает да каждый день молится, а по воскресеньям и праздникам службу в церкви стоит. И возраст преклонный его не давит, как и матушку, — всегда бодр и весел...

— Ваше императорское высочество! Фельдмаршал!

Константин живо вскочил с раскладного стульчика, и сердце его сжалось от дурного предчувствия.

Суворов, в белой полотняной рубаше с пятнами пота, соскочил с лошади и, мельком взглянув на него, потребовал мыться, быстро содрал с себя одеяние.

Полоскался в тазу долго, с чувством — солдат лил с кувшина на спину нагретую солнцем воду. Помывшись, переоделся и лишь потом с хмурым лицом пошел к царевичу.

— Ваше императорское высочество! Покорнейше прошу вас простить меня за сие мытье, но жара и меня, старика, доконала. Не соблаговолите зайти в мой шатер, не погнушайтесь, ваше императорское высочество, батюшка-царевич, не погнушайтесь!

Старик раз семь поклонился, никак не меньше, за время своего короткого монолога, а у царевича сердце чуть не ушло в пятки — если старый фельдмаршал так самоуничижался, то жди беды.

Ох и попадет ему сейчас — и на негнущихся ногах Константин Петрович зашел в шатер первым, всей спиной ощущая, как идущий за ним следом Суворов продолжает кланяться.

— Ой!

Константин вскрикнул от неожиданной боли, его ухо закрутили крепкие, отнюдь не стариковские пальцы. Но больше не пикнул — фельдмаршал был зол, и это еще самое мягкое слово.

— Я тебя зачем посылал?! — с шипением произнес старик. — Чтоб ты нового царя Леонида с тремя сотнями спартанцев изображал?!

— Я не мог иначе, — только и выдавил из себя Константин, ошарашенный таким приемом.

— Батюшке твоему я обещал тебя сохранить, а ты в драку зачем полез?! — фельдмаршал говорил зло, но ухо отпустил — будто клещи разжались.

— А как иначе?! — Константин обиделся и только сейчас почувствовал злость. — Там батарея и рота гренадер только была, а янычар больше орты!

— Так оставил бы командовать Алешку Ермолова. Он — шалопай изрядный, потому капитанского чина лишен, но дело знает.

— А сам в бега?! — Вот тут Константина проняло окончательно. — Они воюют, а царевич труса празднует. Я на драку не напрашивался, но от нее бежать нельзя, раз долг русского офицера велит!

Слова прозвучали несколько пафосно, и Константин устыдился их. Однако старого фельдмаршала они чем-то зацепили, и тот смущенно закрихтел, отошел к столу и сел на стул. Сказал негромко, через силу:

— Ты уж меня прости, старика, но только испугался я. Первый раз в жизни страх одолел, когда послание князя Петра Ивановича получил...

Стокгольм

Он страстно поцеловал пахнувшие мятой податливые губы, неожиданно оказавшиеся знакомыми ему до удивления. Но краем глаза Армфельт следил за приближающимся к королю заговорщиком. И непроизвольно вздрогнул, когда того оттеснил в сторону красный плащ.

— Что с вами, мой друг? — рядом тихо прошептала державшая его руку женщина, заметившая эту непроизвольную дрожь.

— Я сгораю от охватившего меня желания, моя дорогая! Я с нетерпением жду, когда снова прикоснусь к вам!

Армфельт почти не лгал, описывая охватившие его чувства. Но не женщина была тому причиной, а совсем, совсем другое. Он страстно желал, чтобы король был зарезан прямо на его глазах, но вряд ли это теперь удастся — «красный плащ» явно был кем-то из королевской охраны и, что-то заподозрив, оттеснял конфидиента графа в сторону, толкая локтем, и сам приблизился к королю со спины.

Неужели все сорвется?!

Граф оглянулся и быстро нашел другого заговорщика, что, опознав его жест, медленно приближался к королю с другой стороны. А Карл, не подозревая о находящихся почти рядом с ним убийцах, буквально на расстоянии вытянутых рук двух человек, продолжал мило раскланиваться с женщиной в белом, которая что-то щебетала ему в ответ.

Армфельт чуть не заскрипел зубами — несмотря на всю напряженность, он ревновал короля к этой незнакомке, которая ему самому понравилась. Или все дело было в той ненависти, что накопилась к монарху?! Он жаждал, чтобы этот поцелуй, что был дарован «домино», оказался последним в жизни заклятого врага.

— Я вам нравлюсь, мой друг?

— Конечно, моя любовь, — машинально ответил Армфельт на женский голос, показавшийся ему знакомым до боли. Но нет, такого просто быть не может — его нелюбимая жена Гедвига никогда не появится на этом балу, это просто невероятно. Она ему сразу сказала, что на маскарады никогда не пойдет, что раньше, что сейчас.

И граф выкинул эту мысль из головы, продолжая напряженно смотреть за королем краем глаза — слишком прямой и пристальный взгляд может насторожить монарха, и он обратит

внимание.

— О...

— Что с вами?

— Ничего, — резко ответил Армфельт на вопрос женщины — сердце лихорадочно забилося и тут же чуть не замерло в груди. Он понял, что покушения не выйдет. Трое мужчин, одетых в почти похожие синие маскарадные костюмы, оттерли в сторону его второго конфидиента, надежно преградив тому дорогу к королю.

Неужели все сорвется?!

Константинополь

Султан Селим корил себя за то, что не покинул Стамбул раньше. Он должен был выехать в Анатолию неделю назад, когда русские полчища были еще далеко от столицы. Но не уехал, понимая, что отъезд вызовет паническое бегство всех жителей-турок, к великому злорадству греков.

Теперь приходилось расплачиваться за свою чудовищную недалекость, за то, что понадеялся на защиту английской эскадры. Ну и где сейчас эти надменные гяуры? Их сожгли, в дым обратили и на дно отправили. Повелители морей называются?!

Владыка правоверных устал, как никогда в жизни. Халат порван, на бороду попали пылающие угли, и он обжег себе ладонь, когда сдавил волосы. Глаза покраснели от дыма, а лицо было черно от копоти и стало похожим на лицо арапа, что служили во дворце.

Но его вывели из города, хотя несколько раз верные янычары натыкались на русских солдат, и их ятаганы прокладывали дорогу. Мало, слишком мало осталось преданных воинов, едва два десятка!

А еще султан уверился в том, что его хранит Аллах — пули гяуров миновали его, как замороженного, хотя выкосили почти всех его охранников. Но небо хранило султана — ни один из свинцовых комочков не то что не ранил, даже полы халата не пробил. Разве это не чудо?!

Сейчас владыка правоверных лежал на топчане в убогой хижине рыбака. Ноги сводило от усталости, от голода мутило.

Да, тяжка участь беглеца, но еще хуже, если тот был вчера еще всемогущим повелителем. Сейчас султан надеялся на маленькую фелюку, спрятанную в тени обрывистого берега, что переправит его ночью на восточную сторону.

Опасно — но днем на море он видел только белые паруса да флаги с косым синим крестом. То русские вели блокаду не только пролива, но и моря до самой Анатолии. И только ночь могла стать его спасительницей.

Султан смежил веки — и сон укутал его своим мягким и благодатным покрывалом...

— Ну, борода многогрешная! Долго мы за тобой гонялись, твое султанское величество!

Сиплый голос, выплевывавший ненавистную и непонятную русскую речь, пробудил Селима, которому поначалу показалось, что он попал в кошмарный сон. Но боль в руках, которые схватил этот гяур в смешной одежде, похожей на окраску дворцового леопарда, только желто-зеленых цветов, убедила его, что это не сон. А гораздо хуже...

Ново-Архангельск

— Наши идут, наши!

Собравшийся в гавани принаряженный народ ликовал, многие подбрасывали в воздух шапки. Настоящий праздник пришел в затерянный на Тихом океане русский город — раз в год, редко когда два, приходили из Петербурга целые эскадры по пять-шесть кораблей.

В трюмах привозили сюда много полезного, без чего Русская Америка не только

процветать, жить не могла. И главное богатство — люди, без которых сей далекий край просто существовать не смог бы.

— Мозгля сухопутная. — Алехан остался недоволен собственным секретарем, но не так, чтобы вышибить его с должности. Да и рад был всемогущий наместник, что тот перепутал с бригами два новехоньких корвета. И фрегат отличный, не менее полусотни пушек из двух палуб торчат. А посему наместник решил великодушно простить секретаря, но немедленно загнать его на прибывшие в Ново-Архангельск корабли, пусть того за недельку-другую жизни корабельной научат.

Но сейчас Алехана занимало другое. Он лихорадочно думал, какой же ответ сейчас получит на свое послание императору. Нет, Орлов был достаточно умен и хитер, чтоб напрямую не то чтобы написать, даже намекнуть. На то люди в столице есть, связи обширные, а на подарки Орловы никогда не скупились, благо богатствами владели огромными. И золото отправляли, украшения всякие, редкостные, а про меха и говорить не приходится.

Вот только кому такое наследство оставлять прикажете?

У единственного брата Федора два сына, Миша и Саша, но малые совсем еще, десяти лет нет. У Алехана только дочь-красавица. Мало ли что с ними случится — по ветру же ведь весь край пойдет. Пришлют наместника-временщика, что не об отечестве радеть будет, а о себе, грешном, и вместо процветания запустение грядет.

Пока сие невозможно — император всячески заботу о своих восточных землях проявляет, от холодной Сибири до жаркой Калифорнии. Ежегодно по десять-пятнадцать кораблей сюда идут и в здешних водах навечно остаются, вместе с экипажами.

И Орлову даровал нешуточную власть — Алехан, а не Петербург здесь губернаторов ставит и сам определяет, как краю жить. Недовольных таким положением в столице много, найдется немало желающих ручонки свои погреть на богатстве американских земель.

Вот только хрен им в рыло, вместе с горчицей в задницу — пока жив император и он, ни одна тварь сюда не пролезет!

Однако годы идут, уже пять лет назад Орлов стал задумываться над будущим. И как он ни прикидывал, все равно будущий разор вырисовывался. Не удержат край их потомки, слишком много в Петербурге найдется завистников. Тут нужна крепкая и сильная рука, а иначе...

Русская Америка медленно зачахнет, лишенная притока свежей крови, ибо она еще, как ребенок в материнской утробе и без живительной пуповины, что питательными соками человеческий плод питает, не проживет. Либо рано или поздно произойдет то же самое, что у соседей-испанцев, где власть королевская одним только чудом держится, ибо многих местных кабальеро она сильно тяготит.

Потому прибытие юного великого князя Николая Петровича, воспитанием и обучением которого император попросил заняться лично самого Алехана, тот воспринял как дар небес. Как единственный предоставленный милостивой судьбой шанс, упускать который нельзя по определению. А братья Орловы никогда клювом своим не щелкали, как, громко смеясь, говорили еще сорок лет назад в гвардии...

Константинополь

Петр сильно устал за последние сутки. Почти не спал, а ведь не молодой уже, здоровье не то. Хотя тот же Суворов отнюдь не мальчишка, а вон какой шустрый. И распорядок дня у фельдмаршала таков, что любой молодой полковник через неделю язык на плечо положит.

Александр Васильевич перед рассветом встает, после заката ложится, урвет днем часок сна, и хорошо, а нет, так сутки целые на ногах проводит.

И ест только раз, в обед, но плотно — пища простая, с солдатского котла. Ну, после баньки

чарочку пропустит обязательно, недаром все в армии его заповедь с одобрением восприняли: «После бани рубаху исподнюю продай, но чарку водки выпей!» Вот каков фельдмаршал!

— Ваше императорское величество! С парохода «Изяславль» сигнальщики передали — с берега приняли ценный груз верблюжьей шерсти. Спрашивают, куда доставить?

Капитан винтового корвета «Архангел Гавриил» спросил удивленным голосом, но внешне сохранял приличное достоинству спокойствие.

Молодой капитан-лейтенант Бахметьев 2-й был ошарашен внезапно свалившейся на него небывалой честью — принять на борт императора со свитой, а потому, еще не свыкнувшись с положением, изрядно нервничал.

— Хорошая новость, добрая, — улыбнулся Петр.

Он был доволен, что султан Селим оказался в Стамбуле, но в ночной суматохе успел скрыться из дворца в сопровождении отборных янычар. В погоню за державным беглецом бросили лейб-егерей и лучших морских пехотинцев адмирала Ушакова со строжайшим приказом — ни один волос не должен упасть с головы пленника, брать только живьем.

Фортуна улыбнулась полковнику Рейстеру, иначе бы моряки передали про овечью шерсть. А в самом худом случае, окажись янычары преданными настолько, что сами зарезали султана, то сигнальщики передали бы про сандаловое дерево. Вот такой черный юмор!

— Передайте: «Шерсть доставить на прежнее место жительства!» — Петр усмехнулся, видя искреннее недоумение капитана. — И добавьте: «Охрану обеспечить, к вечеру приедет за покупкой купец!» Все понятно?

— Так точно, ваше императорское величество!

— Да не тянитесь вы. И хватит титуловать, сам знаю, что император. Говорите просто — «государь». Понятно?

— Так точно, государь.

— Повторите приказ!

— «Шерсть доставить на прежнее место жительства. Обеспечить охрану, вечером за покупкой приедет купец!»

— Хм. Верно, хотя некоторые слова местами переставили. Идите, командуйте. Да, вот еще. Что там за пароход к нам чапает?

— Капитан-лейтенант Грейг 2-й, по вашему приказу, государь!

— Ах да, я чуть не забыл, — Петр смущенно крикнул — действительно, он приказал явиться после баталии в Золотом Роге сыну известного флотоводца, но как-то запамятовал в суматошном калейдоскопе дня. Ведь еще с «Киева» распоряжение дал, но потом съехал с флагмана Черноморского флота, дабы адмиралу Ушакову не мешать...

— Ваше императорское величество! Капитан-лейтенант...

— Отставить! Неправильно докладываете! — рявкнул Петр и чуть не рассмеялся, глядя на ошарашенное лицо младшего Грейга.

Хоть и помылся офицер, и мундир сменил, но усталость куда денешь — глаза красные, как у кролика, на лице порошинки намертво в кожу впились. И одернул себя, в который раз, за свои неуместные шутки.

— Поздравляю капитаном второго ранга, Алексей Самуилович. Вы заслужили этот чин нынешним делом.

— Рад стараться, ваше императорское величество! — после небольшой паузы прокричал сын знаменитого флотоводца — лицо порозовело от радости. Еще бы — на 23-м году жизни такой высокий чин получить.

— Первый бой был? — Петр прекрасно знал ответ, с улыбкой окинув новенький мундир с одиноким крестом Святой Анны на колодке. Без мечей орден, за отличную службу дарован, а не

воинский подвиг.

— Так точно!

— Я не могу вас наградить Георгиевским крестом, то только кавалерственная дума вольна. Но думаю, что сегодня вопрос решится благополучно для вас. От себя жалуя вам мечи к ордену Святой Анны, за прорыв Босфора! — Петр усмехнулся, слушая горячий ответ молодого офицера, а сам подумал, что тот, не зная планов, здорово подгадил собственному отцу.

Атака Константинополя двумя эскадрами назначена была с рассветом. Старший Грейг явился вовремя. Вот только опоздал бесповоротно — отчаянный ночной бросок Черноморской эскадры, путь которой проломили «кабаны», позволил ей первой быть на месте. Победителям достается мясо, то есть слава, а опоздавшим?

Только обглоданные кости. А потому адмирал Ушаков, как председатель кавалерственной Георгиевской думы, подсластит пилюлю старому флотоводцу, наградив его сына.

Политика, однако...

Стокгольм

Женщина в белом со смешком отошла в сторону от раскланявшегося с ней монарха. Армфельт удивился — все произошло настолько быстро, словно незнакомка что-то почувствовала. И пошла к нему навстречу, загадочно улыбаясь — глаза горели в прорезях маски.

Какая знакомая походка?! Этот упрямый наклон головы?!

Граф понял, что не только знает эту женщину, но и готов ради нее на многое. И он сделал шаг навстречу, не обращая внимания на вцепившуюся в руку давешнюю спутницу. Но та пошла вместе с ним...

— Здравствуй, прекрасная маска!

Громкий голос привлек внимание Армфельта, он оторвал свой взор от прелестницы. Рядом с королем стояли трое «синих», оттеснив «красного» и двух конфидентов. Один из приблизившихся к замершему на месте королю мужчин положил руку на плечо монарху и громко, с каким-то яростным нетерпением повторил:

— Здравствуй, прекрасная маска!

И тут же все трое сомкнулись, дружно дернувшись телами и взмахнув руками. Из-за плащей послышался негромкий вскрик, заменившийся хрипом. У Армфельта чуть ли не волосы встали дыбом — предсмертные стоны он сам не раз и не два слышал в своей жизни.

«Синие» дружно отпрянули в стороны и растворились в толпе веселящихся, которые еще ничего не заподозрили. Следом за ними, словно джинны из арабских сказок, исчезли в пестрой массе карнавала двое конфидентов и «алый плащ». Скрылись настолько быстро, что Армфельт заморгал глазами, прозревая свою ошибку.

Какая охрана?

Все эти люди, незнакомые друг с другом, были заговорщиками. И хотя мешали друг другу, отталкивая локтями, но своего добились. На полу, в луже собственной крови, неподвижно лежал «домино» со сдернутой с лица маской. Пронзенный тремя кинжалами — в сердце, с груди и со спины, — король Карл умер почти мгновенно, не успев позвать собственную охрану.

Армфельт сделал шаг назад, уводя вцепившихся в него клещами женщин. Они дрожали и прижимались к нему, не в силах вымолвить и слова, парализованные страшной картиной.

— Короля убили!

— Король Карл мертв!

Звонкие заполошные крики накрыли карнавал, и все мгновенно застыли, будто увидели легендарную голову горгоны Медузы. Моментально стало не до веселья — кое-кто уже бросился к выходу, другие столпились вокруг короля — но ни один не склонился над убитым

монархом. Время, казалось, застыло, будто лед...

— Всем оставаться на месте!

— Снять маски!

Только сейчас в притихший зал ворвались охранники, прорвали сгрудившуюся толпу и встали рядом с монархом, ожидая прибытия уже бесполезного врача — гвардейцы, люди бывалые, это поняли сразу.

Армфельт снял маску, рядом с ним развязали ленточки обе женщины. Одновременно повернулись к нему побледневшими, знакомыми до малейшей черточки лицами.

— Прах подери!

Восклицание было искренним, а изумление полным. Какой тут король — за руки его держали жена и любовница. Действительно — Карл добился своего и поцеловал его Магдалину, вот только этот поцелуй был последним в жизни монарха.

Армфельта заколотило от еле сдерживаемого смеха, и тут все слилось — и встреча с женщинами, и убийство короля, и бегство всех шести заговорщиков, которых он уже не отыскал взглядом в зале. И это хорошо — теперь никто из судей не докопается до правды. Граф непроизвольно хрюкнул — гостей уже отогнали к стенкам, а на полу светлыми стальными полосками блестела добрая дюжина смертоносных кинжалов и стилетов.

Это же сколько было сегодня желающих добраться до одного несчастного шведского короля?!

Константинополь

— Ваше императорское величество! Прошу вас снять мое представление о награждении Георгиевским орденом!

— Почему? — Петр удивился — отказаться от такой награды?!

— У меня не было воинского подвига, ибо броня свела почти на нет риск для жизни!

— Но вы снесли береговые батареи и перетопили чуть ли не десяток кораблей! Разве это не достойное командование?

— Избиение заведомо слабейшего противника не есть флотоводческое искусство, ваше императорское величество! Отец мой получил Георгия за бой с сильным врагом, корабль взорвался. А эта честь не по мне, я ее сейчас не достоин! Прошу уважить мое ходатайство!

— Но почему вы обращаетесь ко мне?! Кавалерственную думу на Черноморском флоте возглавляет ваш командующий.

— Государь, прошу простить меня. Но вы, еще раз простите, запомнили, что во время прорыва и боя на флагмане был поднят ваш штандарт, а значит, и командование было ваше. А так как вы георгиевский кавалер, то вам и решать! Ибо вы обязаны состоять во флотской думе для назначения наград отличившихся в этом походе!

Петр непроизвольно кашлянул, впав в понятное смущение. Никогда его так не «отвозили», как это сделал молодой моряк «Уел», еще как «уел». А тот горделиво вскинул голову и горячо продолжил:

— Тем более, государь, у меня есть с кого пример брать!

— Это с кого же, Алексей Самуилович? — Петр растерялся.

— С вас, ваше императорское величество!

— ...?!

— Да-да, государь! После Кагульской победы Сенат наградил вас орденом Святого Георгия 1-го класса. А вы отказались принять эту награду, отметив, что тогда только находились при армии, но ею командовал генерал-аншеф Румянцев. А сами вы лишь повели в атаку лейб-гренадер и выручили Апшеронский полк.

— Но так оно и было. Я тогда ранение получил и контузию... — У Петра заныла голова, по которой тогда пришелся удар янычарского ятагана. Хорошо, что каска жизнь спасла.

— Вот-вот, государь. Вы отказались от первой степени, но когда кавалерская дума постановила наградить вас четвертой за ту отчаянную атаку, вы приняли этот крест.

— По статуту я не имел права отказаться, ибо не Сенат награждал, а дума. Даже я, император, не волен здесь!

— Вы обязаны принять, — Грейг словно выдавливал каждую букву, лицо стало отрешенным — перечить в лицо императору могли немногие, — мое желание, ваше императорское величество. Как георгиевский кавалер и глава думы на этот поход, раз ваш штандарт был поднят на флагмане.

— Хорошо, — под таким напором Петр отступил — горячность офицера ему пришлась по душе. И тут же повеселел, кое-что припомнив. — Скажите мне, господин капитан второго ранга, что мне прикажете делать дальше? Согласно статуту ордена?

— Отправить на усмотрение вашего императорского величества для награждения подобающей по случаю наградой! — отчеканил моряк вызубренный всеми офицерами текст и осекся — до него только сейчас дошло, в какое пикантное положение он поставил собственного монарха.

— Награждаю вас и ваших офицеров следующими по порядку орденами. Алексей Андреевич!

Аракчеев тут же выдвинулся со спины и открыл шкатулку. Петр хмыкнул, в который раз удивившись чрезвычайной предусмотрительности графа. И уму! А тот, как всегда в таких случаях, тихо и почтительно произнес:

— Ровно восемьдесят шесть, я заранее узнал численность экипажей.

Петр достал единственный орден Святого Владимира 4-й степени с мечами, лежащий на груди бронзовых медалей, и прицепил его к кителю моряка. И тут же добавил к нему одну из медалей.

— Жалую вам сей крест за удивительную доблесть. А также вы, Алексей Самуилович, офицеры, старшины и матросы экипажей броненосцев, под вашим командованием находящиеся, первыми среди армии и флота награждаетесь медалями за освобождение Константинополя! Вручите их немедленно от моего имени!

Сунув в руки растерянного донельзя моряка шкатулку с медалями, на рисунок которых тот смотрел с великим изумлением, Петр искренне рассмеялся — теперь он молодца уел так уел!

Ново-Архангельск

— Ваша светлость, могу я говорить с тобой откровенно?

Алехан сразу обратил внимание, что голос Николая чуточку дрожал. И оделся царевич в полную парадную форму, с новенькими густыми эполетами майора — приказ о производстве в этот чин был оглашен еще на пристани. Так же, как императорский указ о даровании самому Алексею Григорьевичу с будущим потомством княжеского достоинства. И не простого, а как брата Григория в свое время пожаловали — «светлейшего».

— Конечно, друг мой, — с отцовскими нотками ответил Орлов. Старый лис заранее знал, о чем пойдет речь, а потому мундир генерал-аншефа скинул с плеч сразу, как только с праздника ушел, и встретил царевича в домашнем платье — даже хотел халат поначалу надеть, но то моветон, разговор ведь крайне важный будет.

— Я люблю вашу дочь Машу, жить без нее не могу...

— Кхм, — притворно закашлялся Алехан и спросил, хотя великолепно знал ответ: — А ты с ней говорил?

— Да, ваша светлость. Мы хотели вместе упасть к вашим ногам...

— Это перебор, — чуть смущенно кашлянул Алехан, и его голос неожиданно помягчел. — Как отцу, твои слова мне греют душу. Я хоть завтра бы повенчал вас, но...

Орлов сознательно сделал долгую паузу, с мысленной усмешкой глядя, как вся гамма чувств отразилась на лице царевича — от радости до беспокойства. И голос князя тут же стал строгим:

— Но ты себе не принадлежишь, Коля. Разрешение на брак с моей дочерью ты должен спросить не у меня. Я как отец люблю ее, полюбил и тебя, но ты носишь титул его императорского высочества, а потому прошу тебя оставить этот разговор. Пойми, я сейчас говорю с тобой как отец твоей Маши, а не как наместник. На мне, как видишь, сейчас даже мундира нет.

— Ваша светлость...

— Оставь. Княжеский титул оставь, я имею в виду. Давай лучше о деле поговорим. Позволь мне тебя с майорским чином поздравить. Хороший чин, штаб-офицерский. Не на парадах и в петербургских гостиных выслуженный. А потому, сын мой, назначаю вас комендантом Ново-Архангельска. Вам все понятно, господин майор!

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

Алехан сдержал улыбку, стягивая лицо в строгую маску. Выразительным на растерянном лице царевича оказался переход от отеческой теплоты к экзерции и субординации.

— Через три дня я отбываю в Форт Росс. Там найдено золото, неподалеку, как ты знаешь. В огромном количестве, не меньше, чем на Юконе. Добыча уже налажена. Вот, плыву проверить, как там и что. На пару месяцев. Так что останешься здесь за главного...

— А граф Федор Григорьевич...

— Мой брат послезавтра отплывает на свои острова. Сейчас оставлять Гавайи без присмотра нам нельзя. Вот когда там постоянная база будет построена, поселенцы доставлены — тогда другое дело. А пока нельзя.

— Так ведь полковник Багговут...

— Он уже генерал-майор, к твоему сведению. Полученный приказ я завтра оглашу.

— Виноват!

— Генерал с адмиралом со мною отплывут. Мне еще с испанцами переговоры вести долгие. А владыко Сергей на Аляску отплывает, всю паству окормить хочет. К октябрю обратно к нам отправится. Так что военным губернатором будешь два месяца, даже не комендантом. Все в твоей власти — и порт, и форт, и церкви с приходами. Все ясно, майор?!

— Так точно, ваше высокопревосходительство! — отчеканил Николай и тут же спокойно спросил, но дрожь нетерпения слегка прорвалась: — А губернатором кого вы думаете назначить, Алексей Григорьевич?

— Петербург камергера Ремезова утвердил в сей должности. Молод, но дело знает. Так что вместе останетесь. Иди, Коленька, мне работать нужно, иди.

Алехан встал с кресла, обнял задумавшегося Николая за плечи и выпроводил из кабинета, притворив за ним дверь, усмехнулся.

— А мальчик умен. Это хорошо, что соображать быстро умеет. Теперь посмотрим, как насчет решительности и предприимчивости...

Константинополь

— Не ты, а только я сужу, достоин ли сей офицер награды! Мы отклонили все другие кандидатуры, все! Это наше единодушное решение!

Петр затравленно осмотрелся, лихорадочно подыскивая удобный повод утихомирить

разбушевавшегося фельдмаршала. А тот, гневно встряхивая хохолком, чуть ли не совал под нос крепенький кулачок.

— Мне нет различия, кто передо мною — твой сын или выслужившийся солдат! Вся армия говорит о подвиге этих четырех офицеров, называя бой новым Фермопильским...

— Александр Васильевич, мой милый. — Петр решился, шагнул вперед и сграбастал Суворова в объятия, прижал к груди. — Я знаю твою щепетильность, просто посчитал, что не надо Константина крестом награждать. Все же он царский сын...

— А вот тебе, Петр Федорович, — Суворов ужом вывернулся из хватки, в который раз удивив, откуда в тщедушном теле такая сила и ловкость. Хорошо, что кукиша не показал, хотя, видно, хотел, но поправился, — мое слово! Я много служил, и тетушке твоей, государыне Елизавете Петровне, и тебе, государь-батюшка. Я хорошо знаю, что такое доблесть и храбрость! Мне судить о том надлежит! А раз так...

— Хорошо, хорошо. Я согласен! Виноват, прости. — Петр снова обнял фельдмаршала, и преуспел — тот не успел наговорить резкостей и остыл, оттаял, успокоился. Император облегченно вздохнул — фельдмаршал воин прямой, не без колкостей, и отношение у него к георгиевским наградам, как к святыне. Просто так никого не представит, даже царского сына.

«Заслужил, значит, Костик. И за дело! Молоток! Хотя я сам перепугался, да и Суворов вроде как разозлился — недаром в шатре с ним наедине говорил! О чем? И почему у Кости ухо стало багровым?! Но парень заслужил, такой же, как и я, в драке безбашенный и решительный... дурак!»

— Ты уж прости меня, но я подумал, что не дело царскому сыну в бою шпагой махать...

— Не дело, государь, — покладисто согласился Суворов, и такая уступчивость сразу насторожила Петра, — только напомни мне, старому дурню, кто это под Кагулом в драку с янычарами ввязался, да каску на нем надвое развалили! И на Гостилицком поле что-то подобное было, если я не запамятовал.

— Все, все, хватит. Меня сегодня все эти орденские истории вымотали в сто раз больше, чем военные хлопоты за месяц. Хватит! Адмиралы из-за крестов волками друг на друга смотрят.

— Так никому не давай, обид тогда не будет. И мне не обидно, раз опоздал, — и такая тоска прозвучала в голосе фельдмаршала, что Петра передернуло — Суворов жаждал получить первую степень, а взятие Константинополя такое награждение сулило. А тут афронт!

— Не опоздал еще! Слушай меня. — Петр склонился над картою и повел по ней карандашом. — Примешь командование всей армией у Кутузова. До ноября нужно дойти тебе до Белграда и дальше — все православные земли под покровительство наше возьмешь.

— В Боснии цезарцы могут вмешаться, они добивать поверженных любят, — Суворов переменялся за секунду, глаза цепко держали карту будущих походов и боев.

— Набей им сопатку да вышвырни падальщиков пинками. Потом извинись за ошибку. Православные наши, и нечего им на них зариться. До ноября управишься, а зима там поздно наступает, то откроешь эту шкатулку. Там для тебя подарок, и даже больше!

Петр поставил перед Суворовым маленькую резную шкатулку. Протянул от нее ключ. Фельдмаршал его принял, мотнул головою.

— Управлюсь, царь-батюшка, потому взад не верну, не надейся. Разреши идти, дела воинские вершить!

— Сына только оставь, у тебя он воевать научился, пусть другому делу теперь поучится. Иди, мой друг! Только дай я тебя обниму!

Петр прижал к груди фельдмаршала на секунду и тут же оттолкнул. Тот в нетерпении, прихрамывая, стремительно вырвался из большого зала, где раньше заседал великий визирь. А император прошептал вслед:

— Хорошо иметь под рукою такого фельдмаршала...

Стокгольм

— Но кто это сделал?! Кто же?! — посол Семен Романович вот уже несколько часов не находил себе места, сидя за письменным столом.

Все эти годы, он, как ткёт трудолюбивый паук свою паутину, создавал не только в Стокгольме, но и по всей Швеции серьёзную сеть агентуры. И чего греха таить — она здорово помогла в эти суматошные дни, когда стало ясно, что король намерен объявить войну России.

Воронцов сразу стал готовить покушение на сумасбродного монарха — не столь безнадежное предприятие, как может показаться. Слишком многие в столице были недовольны решением Карла, и этим было не грех воспользоваться. Что он и сделал!

Но вся штука в том, что все его усилия оказались пропавшими втуне — Армфельт со своими людьми даже не приблизился к монарху. Не трусили или отказались — просто не успели. И финнам с «Вальгаллы» не удалось — их оттерли в сторону.

Час назад баронесса (он называл женщину только по титулу, даже находясь наедине с собою) сообщила, что заговорщики из гвардии также не добились успеха, чем ее любовник, подполковник Якоб Анкарстрем, вызвавшийся нанести смертельный удар, был очень недоволен!

— Так что написать императору?

Воронцов потер лоб — приписывать себе чужие успехи он не желал категорически, прекрасно понимая, что при первом же разговоре Петр Федорович выведет его на чистую воду. И вздохнул, приняв решение написать правду — ведь так и так государь-батюшка оценит его старания, тем паче что победителей не судят.

И награда будет желанной, хотя граф никогда не жаловался на полученную от монарха ласку. Помня о его сестре, что была возлюбленной, и об отце, Петр Федорович всегда выделял Воронцова. А полномочный посол не посланник какой-нибудь, генеральского ранга чин. И лент кавалерских у него две — не всякий «сапог» таким похвастаться может.

Семен Романович вздохнул, но уже с облегчением. Ее величество Елизавета Петровна, узнав о гибели мужа, впала в истерику, а сейчас горько рыдает, как обычная баба. Но, как показалось послу, в слезах этих немалое облегчение — супруг ей постыл.

А в самом Стокгольме новость восприняли на удивление равнодушно. Наоборот, третье сословие обрадовалось, недаром сегодня он уже несколько раз говорил с влиятельными людьми о перспективах увеличения торговли с Россией и о привилегиях, кои могут получить шведы от восточного соседа. Его поняли правильно, и уже к вечеру Воронцову донесли требования, что выдвинули банкиры, промышленники и купцы, — королем будет маленький Густав, а регентом при нем мать-королева Елизавета.

Вот только еще один слух получил еще большее распространение — попросить стать регентом деда короля, императора Петера, что принадлежит сразу к двум царствующим домам по крови. Причем он швед по отцу из династии Ваза, что намного важнее русской матери, Анны, дочери императора Петра Первого из династии Романовых.

Да и идея «вечного мира» с Россией уже не воспринималась с недоверием, наоборот, многие стали находить ее привлекательной. Признать императорскую власть, не поступаясь независимостью королевства, а взамен получить и силу, способную защитить, и мир с Данией, и Ливонию в пользование, потерянную три четверти века тому назад. О том и заговорили, а Воронцов торопился отписать Петру Федоровичу о позитивных достижениях.

— Процесс пошел, — пробормотал Семен Романович слышимую не раз от императора непонятную фразу и задумчиво потер переносицу, возвращаясь к мысли, что крутилась у него в голове целый день: — Но, кто это сделал?! Кто же?!

Константинополь

— Много лет тому назад, в день Кагульской победы, я говорил с великим визирем Халиль-пашой! И дал ему слово, что если Оттоманская Порта примет мои условия, то я буду свято блюсти мир с ней и своим детям накажу. Если же нет, то буду воевать до тех пор, чтобы взять сторицей, намного больше предложенного! Вы об этом должны знать, как повелитель османов, хотя те времена от вас далеки.

Петр, скрестив руки на груди, стоял напротив султана Селима. Тот понурил голову, полный безучастности к происходящему. Офицер в мундире Генерального штаба переводил почти синхронно. Больше никого в зале, где султан ранее принимал послов, не было.

— Я требовал прекратить набеги крымчан? Вы отказались. Ну и где сейчас Крым?! Я предлагал разрешить свободный проход русским судам через Проливы — вы много раз соглашались, подписывая очередной договор, и не проходило даже одного года, как вы тут же перекрывали для нас Проливы! Как же, разве будет Блистательная Порта соблюдать соглашения с северными гяурами, — с нехорошей усмешкой произнес Петр, и в его голосе лязгнул металл. — А ведь вам теперь придется соблюдать ранее заключенные соглашения, и русские корабли будут спокойно ходить через Проливы. Поскольку ни Босфор, ни Дарданеллы я вам обратно не отдам!

— На все воля Аллаха, — медленно произнес султан, но его глаза сверкнули гневом.

— На все воля Божья, — согласился Петр и усмехнулся, — но Господь на стороне больших батальонов, как говаривал один полководец. Они у меня есть, а у вас, султан?! Три раза я с вами воевал, и все три войны вы были безжалостно биты! Сколько еще вам нужно уроков?! Вы желаете окончательно потерять создаваемую султанами империю?! Если желаете, тогда нам нет нужды больше говорить! Пусть за нас говорят пушки! У меня их много, а у вас, уважаемый?!

— На все воля Аллаха, — после долгой и мучительной паузы произнес султан, его лицо смертельно побледнело.

— И все закончится крушением вашей страны. Нет, я не буду идти походом в Анатолию — то ваша турецкая земля, зачем мне она! А вот вооружить арабов, от Алжира до Египта, да бедуинов Аравии я смогу, дам им золота, у меня его много, и они сами с превеликой охотой начнут войну с османами за свою независимость! Да и европейцы не отстанут в сим увлекательном занятии — Австрия проглотит Боснию и Эпир, найдут что откусить от вас французы, англичане и прочие охотники до чужого добра. В этом они великие мастера. И вы это собственными глазами увидите! И скоро, очень скоро...

Петр рассмеялся, глядя на расширившиеся от удивления глаза султана. По-доброму прозвучал смех, первый раз за долгие годы постоянной вражды с южной империей.

— Я вас отпущу в Анатолию, брат мой. По моему приказу собрали тысячу ваших воинов, одели и вооружили — они станут вашей охраной. Корабли ждут, и завтра утром вас со свитой переправят на восточный берег моря. Так что вы свободны, брат мой! Да пребудет над вами милость Аллаха. Мне искренне жаль, что придется снова лить кровь ваших храбрых солдат.

— Что вы хотите, почтеннейший брат мой? — после некоторого молчания тихо спросил султан.

Петр напрягся — обращение было многозначительным. Так обращаются к старшим по возрасту, но тут иное признание. И одно неосторожное слово, и хрупкий мостик первых слов будет раздавлен.

— Мне нужны только православные земли на западном берегу, включая Константинополь. Османов там и десятой доли не будет. Всех ваших подданных единоверцев я переселю через Проливы в Анатолию, или куда они захотят, и щедро награжу за утерянное. Исключение только

округа Смирны, вы именуете его Измиром, и понтийских греков у Трапезунда или Трабзона. Там православных большинство, а потому они мои. Это касается и грузин с армянами. И Кипра, куда уже отправлен флот Ушак-паши.

Петр говорил тихо и медленно, видя, как вытягивается лицо султана. И стал подслащивать «пилюлю», ибо пить только «горькое лекарство» султан откажется.

— Сегодня я отправил на запад Топал-пашу с армией. Там и войска Кутуз-паши. Они до осени займут все ваши земли. Они это могут, вы их хорошо знаете.

От таких слов лицо султана чуточку скривилось — с обоими полководцами он уже встречался в столице. В мирное время, конечно.

— Как только австрийцы попытаются занять Боснию и Эпир, где большую часть населения составляют мусульмане, то мои войска их вышибут. Эти провинции на вечные времена останутся за Оттоманской Портой, и любую попытку их завоевания кем-нибудь я и мои потомки будут рассматривать как войну. И Россия окажет немедленную помощь — от солдат и кораблей до золота. Это большие территории, никак не меньше двух греческих округов в Анатолии и совсем небольшого куска османской Армении. Кроме того, я обещаю, что если на остальные владения Оттоманской Порты покусится какая-нибудь держава, то Россия будет хранить либо дружественный нейтралитет, либо, если мы с вами, брат мой, заключим «вечный мир и союз», то военную поддержку.

— Что подразумевается под «вечным миром и союзом», почтеннейший брат мой?

— То и подразумевается, и своим сыновьям с внуками и потомками закажу накрепко. Перед вступлением на престол они присягу в том давать будут. Но и ваши потомки тоже. Тут взаимосвязано. Зачем нам теперь воевать? Мне уже ничего не нужно, вы ничего вернуть не сможете. Да и не османские это земли, лишь три века назад вы смогли назвать Константинополь своим, хотя две тысячи лет он был греческим. Давайте жить мирно, торговать беспошлинно. Проход вашим кораблям через проливы будет открыт, торговать мне есть чем, от древесины и хлеба до оружия. И ваши товары известны и ценны. Езжайте и подумайте, у вас есть месяц. Неволить не буду — все в ваших руках. Война так война, мир так мир.

— Воевать с вами, почтеннейший брат мой, очень трудно. Хотел бы я иметь таких полководцев, как Топал-паша и Кутуз-паша...

Ново-Архангельск

— Что задумался, брат, порой ночной!

Насмешливый голос Федора разбудил задремавшего в кресле Алехана. Он сразу же пришел в себя ото сна и требовательно посмотрел на младшего брата, такого же кряжистого и сильного.

Орловская порода! Недаром, когда дед нынешнего императора их прадеду голову рубить вознамерился за бунт, то удивился храбрости стрельца, что заявил с улыбкой: «Отойди, государь, от плахи, тут мое место, не твое». Петр Алексеевич пощадил храбреца, помиловал — хотя в тот день немало голов стрелецких было срублено...

— И как?

— Воркуют наши голубки в саду зимнем, не оторвешь их друг от друга. Целуются...

— Я не про то.

— Николай Петрович уже со своим дружкой Ремезовым сговорился. Тот венчание обещался устроить. У отца Василия. — Федор усмехнулся и, предвосхищая вопрос, уточнил: — Я с батюшкой уже переговаривал, а владыко извещен. Вот только, мыслю, в столице и Синоде недовольны будут.

— Наплевать. — Алехан потянулся, как сытый и довольный кот, обожравшийся чужой сметаны. — Меня не было, тебя тоже, как и коменданта с адмиралом, владыка на Аляске.

Взятки гладки.

— Отец Василий крайним будет. Синод за это венчание его по голове не погладит...

— Плевать. Архиепископ на него епитимью наложит, как вернется. И я накажу своею властью. В Форт Росс отправлю, в ссылку — пусть тамошние приходы создает. И управление над ними берет.

— Суров ты с ним, — усмехнулся младший брат, — прям как с капитаном, которого чином полковника наказали.

Братья раскатисто рассмеялись, искренне, но негромко. Третью века они были истинными властителями Русской Америки, знали тут чуть ли не каждого как облупленного, так просто их все министры, вместе взятые, скovyрнуть не могли. Кроме одного человека, и Федор сразу коснулся этого.

— А как отнесется Петр Федорович?

— Приличия соблюдены, мы тут ни при чем. А вот Николай в своем титуле «императорской» приставки лишится. И это самое большее. Мыслью я, брат, что зять мой так и так на престоле никогда бы не утвердился, у Александра все права. Вот потому-то он сюда и отправлен. Меня сменить со временем...

— Даже так? И ты...

— А я ему всю власть с удовольствием передам — потому что своим в нашей семье будет. Или мы в его, что ничего не меняет. И государь мне о том намекнул, прислав княжескую грамоту. Теперь никакого неравенства в браке не будет. Вот так-то!

— Все равно в уши напеть могут!

— И что?! Пусть поют, а мы свою песню затянем, более звонкую. Отдадим Петру Федоровичу все золотишко, что трудами нашей семьи нажито, за Машенькой в приданое. Вот и перепоем!

— А много там у нас?

Федор спросил ради интереса, алчностью братья не отличались, хотя деньгами не сорили, в дела употребляли с полезностью немалой, ибо с Петербурга золото не возили ни разу, только наоборот. Та же золотая и серебряная монета здесь же, в Ново-Архангельске, чеканилась.

— Тысячи полторы пудов, что за четверть века скопили.

— Ни хрена себе! Пятнадцать миллионов рублей. Это же весь флот удвоить можно, да еще останется. Да и за треть этих денег батюшка-император наши хитрости не заметит, будто ослеп.

— Не будем мелочиться! Деньжищами нужно ошарашить, на это и надежду держу, Федька, и не только. Золотишко в Калифорнии добывать начнем, вдвое больше в казну пойдет. Да и мы не внакладе останемся, свое года за три-четыре вернем. Да с лишком, — Алехан хищно улыбнулся, сизый шрам сделал лицо свирепым от этого оскала.

— Тут политика государственная, брат, а потому наказаний не последует. Хотя на словах нам попеняют. Вот только поздно будет — хочу я уже в следующем году своего внука пестовать, чтоб роду перевода не было.

— Ну, это пока напрасно. Это мы с тобой в Петербурге всех этуалей прошли, перепробовали. А Машенька строга, да и Николай, даром что двадцать лет, монашком при ней состоит, влюблен по уши... Так что до свадьбы никак не получится. Если только не поучить...

— Ты мне тут разврат не устраивай. Пусть у них жизнь чистая пойдет, не как у нас, с грязи. Тайно обвенчаются, и ладно. А свадьбу... Да бог с ней, со свадьбой. Осенью отпишем в Петербург, весной там получают письмо наше. Ответ только осенью следующей будет, а я, надеюсь, к этому времени и внуком обзаведусь. Будет кому наследство наше оставить, да и дело жизни нашей. Если здесь наместником лицо императорской семьи станет, то в Петербурге министры считаться будут. А то — только на благо России пойдет, не о себе только пекусь и

СВОИХ ПОТОМКАХ...

День четвертый

30 июня 1797 года

Константинополь

— Ты проявил послушание отцу. — Петр постучал пальцами по столу, с некоторым удивлением разглядывая среднего сына. Тот вскинул голову — выволочкой Константин был недоволен, но скрывал. — Но с честью исполнил присягу, как настоящему воину надлежит. А потому я тебя накажу как сына, но награжу как офицера!

Голос отца был сух, хотя на самом деле он гордился поступком Константина. И еще тем, что ходатайствовал за него сам Суворов, весьма щепетильно относившийся к раздаче Георгиевских крестов. Да и сам Петр был очень осторожен с выдачей белых крестиков — награда действительно являлась редкостной и вызывала у офицеров и генералов нешуточное влечение к службе.

— А посему крест Святого Георгия четвертой степени, к которому тебя представил фельдмаршал, носи. Заслужил, чего говорить. Но с армии я тебя убираю немедленно...

— Государь! — Лицо царевича залила багряная краска стыда. — Не нужно награды, оставь служить...

— Нет, — отрезал Петр лязгнувшим голосом. — Не для войны тебя готовили! Греческий язык ты не зря учил. И станешь ты у меня наместником древней Византии, куда войдут греки, болгары и сербы. Войдут по отдельности, как полностью автономные единицы.

Константин слушал отца молча, с предельным вниманием — чего-то подобного он от отца и ожидал.

— Ты будешь и властвовать, и уговаривать, постоянно сглаживая противоречия, ведь между греками и славянами они будут неизбежны. А императором пока буду я. Вот так-то, сын мой.

— Ты мне недоговариваешь, батюшка?

— Конечно, сын мой. Много еще в прожектах, многое только на словах. А делать будешь ты, сын, — с тебя и спрос будет. И еще — армию начнем создавать немедленно, все греческие батальоны переведем в полки. Пару дивизий получим. Да, хочу тебя спросить — кого поставить на командование?

— Князя Багратиона!

Петр хмыкнул — чего-то подобного он и ожидал от сына. Но выбор никуда не годный.

— Князь — воин, а не администратор. Он тебе все дела завалит — тут не очередной подвиг нужен, а долгая и кропотливая работа. А потому твою кандидатуру я отклоняю и в ближайшее время сам подберу тебе нужное командование. Согласен?

— Да, ваше величество. — Сын склонился в почтительном поклоне. Он тоже хорошо знал отца, а потому возражать и настаивать на своем не стал. Прислушался к доводам отца — князь Багратион незаменим на войне, но к мирной жизни не приспособлен.

— Иди, спроси Аракчеева, у него для тебя дело. Иди давай, мне работать надо. — И удивленно вскинул брови, глядя на неподвижного сына. — Что еще у тебя?

— О милости тебя прошу, государь!

Такого заявления от сына Петр не ожидал и сильно удивился. Снова постучал пальцами по столешнице и тихо спросил:

— Давай излагай просьбу, знаю, что понапрасну ты меня никогда беспокоить не станешь.

Берлин

Король Пруссии Фридрих-Вильгельм отдыхал, удобно расположившись в кресле. В последнее время он чувствовал себя больным, давно страдая одышкой от чрезмерной тучности.

Но тут ничего не поделаешь — любил монарх радости жизни, начиная от вкусной еды и кончая женщинами. Вернее, наоборот — загулял еще принцем, да так, что супруга ответных развесистых рогов наставила в отместку, и дело кончилось разводом.

Старый король «дядюшка Фриц» был сильно недоволен разгулявшимся племянником и только сетовал на то, что тот мало палок отведал от суровых воспитателей. Ох и драли его тогда за прегрешения, прививая привычку к настоящему немецкому орднунгу.

И сейчас, углубившись в воспоминания, король мечтательно улыбался — может быть, то, что не удалось совершить дядюшке, удастся ему?! Добиться мечты, которая терзала его с тех пор, когда он только надел свой первый офицерский мундир, — отобрать у этих петербургских наглецов, настоящих византийцев по лживости и коварству, Восточную Пруссию.

Он уже десять лет всеми правдами и неправдами, уговорами и лестью упрашивал «любезных сердцу дядюшку Петера и тетушку Като» вернуть захваченное бог знает сколько лет назад. И все его чаяния разбились на железное «нет», обряженное в бархатное покрывало ответов.

Оставалось только утереться, ибо старые генералы, оставшиеся командовать армией (зачем плодить новых, если все прежние с тщанием дядюшкой подобраны — сплошная экономия, а что постарели, так не беда — не в супе с гренками их же варить), наотрез отказывались взять реванш у русских.

Новое оружие, скорострельные винтовки и казнозарядные пушки, напрочь отбили охоту у прусских генералов искать военное счастье на восточных рубежах. Тем более «добрый дядюшка Петер» продавать пруссакам свой «гремучий камень» для капсулей категорически отказался.

Лишь шесть лет назад невероятными трудами удалось раздобыть за большую сумму рецептуру, и то благодаря предательству — смесь кислот с серебром — король не вдавался в химическую заумь. Взрывчатый состав с невероятными трудами изготовили, он оказался настоящим. Вот только заплатили за него десятком жизней прусских ученых мужей, ибо проклятая смесь постоянно взрывалась.

Король скривил губы, вспомнив, как кричал на химиков, что не могут никак сделать нормальную «гремучку». Одно немного утешало и радовало — англичане отличались от немцев еще большим упрямством, прямо ослиным, и извели немало кислот, серебра и своих ученых умников, окончивших Оксфорд с Кембриджем.

Тут даже до упертых островитян дошло, что лучше иметь природный материал, чем пытаться изготовить искусственный. Да и пример был многовековой бесплодных трудов — это сколько трудов и денег алхимики извели, пытаясь сотворить «философский камень».

И хорошо, что от войны с Россией удержался — вот уже пять лет победоносная прусская армия терпела постоянные поражения от взбунтовавшихся французов. Одно Вальми чего стоит. Впрочем, и тут не было худа без добра — цезарцы, шлюхины дети, тоже нещадно биты лягушатниками.

Потом вспыхнул мятеж в Польше — и Фридрих-Вильгельм тогда испытал пронзительное чувство страха и счастья. Однако вмешательства русских на стороне поляков не произошло — «дядя Петер» сам отдал горделивых панов на расправу, но потребовал не предъявлять более претензий на Восточную Пруссию. Пришлось согласиться, скрипя зубами — недаром у русских есть поговорка к месту по поводу паршивой собаки и клочков ее шкуры...

Иркутск

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова молча смотрела в распахнутое окно. Теплый

летний ветерок приятно охлаждал лицо, ведь рядом синела широкая лента Ангары.

— Красиво как, — прошептала женщина и прикрыла глаза.

Тридцать с лишним лет она прожила в Иркутске, почти не покидая город, если не считать короткие поездки на Енисей и на ту сторону Байкала и с мужем, что был губернатором, и с учеными профессорами.

Именно с университетом, уже получившим название Дашковского, она связала свою жизнь. Самый большой не только в Сибири, где еще были открыты такие же заведения в Томске и Омске, но и в России, за исключением, пожалуй, Московского.

Даже столичный университет уступал, пусть и ненамного, в числе студентов. Семь факультетов, от привычных, медицинского и гуманитарного, до непривычных, но очень нужных, механического и горного. И полторы тысячи студентов, что приехали из городов на громадной, на многие тысячи верст территории — от Красноярска до Ново-Архангельска.

— Ваша светлость, — осторожный голос старого слуги вывел княгиню из приятных воспоминаний. — Светлейший князь Потемкин-Амурский принять просит!

— Так что же ты докладываешь?! Я же тебе велела...

— Не гневайтесь, Екатерина Романовна, — в раскрытую дверь с улыбкой зашел высокий мужчина — княгине показалось, что он разом заполонил отнюдь не маленький кабинет.

— Я за ним следом зашел, старик только дверь успел открыть. — Потемкин улыбнулся и склонился в поклоне. Ровесник, а выглядит юношей, сила так и прет из него, и гибкость тела тут же продемонстрировал, почтительно склонившись над протянутой ладонью.

— Я рада вас видеть, Григорий Григорьевич, — княгиня заулыбалась, разглядывая гостя. — Совсем не изменились, мне кажется, что вы такой же, как тридцать лет назад, когда мы встретились. Здесь, я имею в виду, в Иркутске. Тогда было лето...

— Ваша светлость решили проверить мою память? — Потемкин улыбнулся и, повинувшись знаку, уселся в соседнее кресло. — Это было зимой тридцать пять лет тому назад. Вы тогда только приехали, а я вам был не представлен в тот день. О чем и сейчас отчаянно порой жалею... Вы до сих пор прекрасны...

— Вы мне льстите, Григорий Григорьевич, — улыбнулась княгиня блеклыми губами, но комплимент пришелся ей по сердцу. — Я же смотрю на себя в зеркало каждый день.

— А смотря, дражайшая Екатерина Романовна, глазами, а они могут обманывать. Поверьте... Но... Можно смотреть на вас и сердцем.

Дашкова от таких слов зарделась, как девчонка; слова эти прозвучали отнюдь не комплиментом. Тут было другое. И княгиня постаралась перевести разговор в более спокойное русло.

— Что-то случилось, любезный князь? Я не ожидала столь раннего визита, как видите.

— Я только что имел разговор с его величеством о будущем врученного мне края. И думаю, что мне стоит уведомить о нем его императорское величество, — единственный глаз Потемкина гневно сверкнул, и княгиня сразу поняла, что разговор предстоит более чем серьезный...

Остров Кадьяк

— Теперь я богат, очень богат...

Шкипер небольшого брига «Морской орел» Джеймс Онли, уроженец Норфолка, бородатый кряжистый мужик лет сорока, с продубленным солеными ветрами лицом, даже потряс головой, стараясь прогнать наваждение груды золотых гиней.

Да, теперь он богат, несметно богат, главное, вырваться из этого проклятого тумана и определиться наконец, куда его загнал шторм, два дня носивший его маленькое судно по волнам.

— Не напороться бы нам на какой-нибудь остров или скалу, сэр, — за спиной шкипера встал боцман Эндрюс, бывший капрал морской пехоты Его Величества, властно державший в своих крепких руках команду. Таких отчаянных головорезов нужно было еще поискать. Так что лучше спиной к ним не поворачиваться, иначе нож могут живо воткнуть. Себе дорожке выйдет подобная доверчивость. — В таком тумане напороться легче легкого.

— Мы идем малым ходом, друг мой, — пробормотал шкипер и чуть дрогнувшим голосом добавил: — Главное, убережь наше добро, а то эти варвары-московиты сочтут его своим.

— Убережем, сэр, — уверенно ответил ему Эндрюс, скривившись в пренебрежительной гримасе, — или перебьем их, так будет даже лучше.

— Ты прав. У них очень хорошие ружья, я думаю, они очень пригодятся нашему королю!

Онли покосился на корму, на которой трепыхался в тумане небольшой британский флаг. «Юнион Джек» вызывал у всех в мире должное и нешуточное уважение, ибо был подкреплен мощью сотни линкоров страны, настоящей «владычицы морей». А потому шкипер не опасался нарваться в этих суровых водах на какой-нибудь русский дозорный кораблик — если у этих варваров-московитов хватит ума, то они убегут от него, трусливо поджав грязный хвост. Если же нет, то будут кормить рыбу.

— Не впервой, — пробормотал Онли и жестко улыбнулся. У него был не обычный «торговец», нет — дюжина умело замаскированных небольших пушек могла обрушить град ядер и картечи на любой корабль, что попытается встать на пути.

Не военный, конечно, здесь шкипер отнюдь не заблуждался по поводу своей мощи, или немоги, что будет вернее. Не то что с фрегатом или корветом, даже с меньшими кораблями, такими как бриг, шлюп или бригантина, им не совладать — потопят к такой-то матери.

Зато если подпустят близко, то даже военный корабль, но небольшой, ждет неприятный сюрприз — на галиоте было восемь десятков сорвиголов, помахавших саблями в Карибском море и в других веселых местах.

Хотя сейчас осталось вдвое меньше...

Но что было делать английским «джентльменам удачи», когда их собственный король стал приобщать к болезненной процедуре — развешивать на мачтах, предварительно крепко затянув на шее пеньковую петлю. Пришлось прислушаться к настоятельной рекомендации поработать на благо короны в другой точке Америки, в суровых водах Аляски.

Онли не заблуждался по поводу сделанного ему так настойчиво предложения — там, где настоящие джентльмены не желают замарать свои белые перчатки, всегда найдутся другие, что грязи и крови совершенно не боятся. Он рискнул...

И не прогадал!

Константинополь

— Государь! Фельдмаршал не смог наградить моего спасителя и передал это дело на твое, монаршьё, рассмотрение!

— Как так?

Петр искренне изумился. Он знал, что фельдмаршал всегда отмечает солдат заслуженными наградами, используя для этого любую возможность и щедро расходуя свои личные средства.

— Разве у Александра Васильевича нет своей власти для награждения? Подвиг совершен, солдат спас офицера! По артикулу надлежит награждение Георгиевским крестом третьей степени...

— Государь! Мой спаситель имеет два креста, а третьим наградить токмо вы один и можете...

— Первой степенью? — удивился Петр. Эта награда еще не выдавалась ни разу, и менять

это положение император не желал. Потому предложил: — Так наградим его любимым знаком отличия с мечами! Или следующим чином...

— Ваше величество, мой спаситель — фельдфебель и имеет все возможные награды, для нижних чинов положенные! Произвести в офицерский чин не во власти фельдмаршала, а только вашим монаршим соизволением!

Петр хмыкнул, ситуация показалась забавной — фельдмаршал, имеющий неограниченную власть над солдатами, не может отметить героя.

— Я хочу немедленно поговорить с этим фельдфебелем! — произнес, помедлив, Петр.

Сын ему тут же ответил:

— Он здесь!

Царевич выглянул из комнаты, и через минуту в нее браво вошел матерый вояка, грудь которого серебрилась от носимых наград. Но первое, на что обратил внимание Петр, были красные сапоги.

Апшеронец! С этим полком императора связывали и боевые походы, и та отчаянная атака при Кагуле, когда русские кинжальные штыки опрокинули янычар.

— Как звать?

— Фельдфебель второй роты лейб-гвардии Апшеронского полка Дмитрий, сын Иванов, Тихомиров!

— Тихомиров? — с удивлением спросил император. — Что-то знакомое! Да! Сержант Иван Тихомиров, погибший при Кагуле, кем вам приходится?

— Отцом! — глухо ответил солдат. — Усыновил меня тятя, отчество свое дал и фамилию! Я — сирота!

Петр только заскрежетал зубами. Он вспомнил все, и то, что был обязан старику-солдату еще во время своих первых дней в этом мире.

— Твой отец погиб героем! Я это видел! Он не успел получить свой заслуженный крест! Что ж! Настала пора мне вернуть этот долг, ибо нет худшей вины для командира, чем не отметить подвиги своих солдат! Завтра вы перед строем получите крест первой степени! Да-да! Согласно статуту креста вы производитесь в подпоручики! И теперь все обязаны обращаться к вам именно так!

— Рад стараться, ваше императорское величество!

Петр крепко обнял солдата, сжав руки: только так он мог выразить свои отцовские чувства и искреннюю благодарность за спасение сына, и с улыбкой спросил:

— А что, господин подпоручик, фельдмаршал Суворов ничем не смог отметить ваш подвиг?

— Батюшка наш меня перстнем с собственной ручки пожаловали, а князь Багратион табакерку золотую подарили! И капитан Ермолов на радости медальон мне в руки сунули ценный!

— Ну что ж! — произнес Петр, взяв золотую коробочку. — Папиросницей тебя никто не жаловал! Благодарю тебя, как отец благодарю! И сегодня же справь обмундирование! А звездочки на эполеты эти нацепи...

Берлин

— Проклятый византиец!

От возмущения король дернулся в кресле. Его и тут обвели вокруг пальца. Русские оттяпали все восточные земли, населенные православными, а Берлину с Веной отдали мятежных панов.

И это еще не все — польский Данциг, что всегда был населен немцами, «дядюшка Петер»,

этот мерзавец в короне, нагло увел из-под носа. Теперь, даже если удастся подавить польское восстание, то попробуй торговать без наклада — русские поставят в устье Вислы таможенную и введут свои пошлины. Не телегами же до Берлина везти?! И попробуй заведи обратно!

На Висле уже стоят и нагло бряцают штыками восточные пруссаки, эти подлые предатели, а с Кенигсберга, где засел старый ворон Румянцев, еще и погрозили, да не пальцем, а кулаком из двух дивизий. И датчане русских поддержат, тут гадать не нужно — у них в Шлезвиг-Гольштейне еще три дивизии союзной армии. Зажмут с двух сторон и на Берлин пойдут, как в ту войну. И ведь могут и столицу занять, с них станется!

Как можно, скажите на милость, с таким ушлым родственником дела общие иметь?!

Король вздохнул — ему расхотелось идти к своей Вильгельмине, только с ней находил утешение от тяжелых государственных забот. И, опять же, тем самым монарх вызывал серьезное недовольство знати. Еще бы, даровать любовнице титул графини — они бы поняли и охотно приняли королевское решение, но дело в том, что фаворитка являлась простолюдинкой, а найдена была чуть ли не на портомойне.

— Ну, что ж, может, мой брат Карл чего-нибудь добьется, — тихо пробормотал Фридрих-Вильгельм, хотя надежды на шведского короля возлагались меньшие, чем на османов. Но они имелись — война на два фронта вряд ли понравилась бы русским, и потерпи они неудачу... — Вот тогда я с тобой и говорить стану, «любезный брат Петер», — с угрозой в голосе и с нехорошей улыбкой пробормотал король. — Ты мне добром отдашь Пруссию, или...

Тут он осекся и тяжело вздохнул — даже в союзе со шведами его пруссаки вряд ли бы добились победы. Вот если бы еще кто-нибудь присоединился к ним, продлилась война с Турцией подольше.

Надежда только на австрийцев, недаром этот сукин сын, цезарь, любит повторять, что лучше видеть на Босфоре чалму, чем шляпы.

Вот тогда вряд ли Петер устоит — ведь к этому времени Берлин с Веною окончательно утихомиряют Варшаву, и их объединенная армия станет страшной угрозой для чванливого Петербурга. Да если еще поможет Лондон, то совсем будет хорошо.

— Питт поможет, ему еще больше венцев не хочется видеть русских в Проливах, — король с удовольствием припомнил, как в прошлую войну англичане решительно вмешались. И русские только утерлись и отступили, хотя ничего из завоеванного раньше не вернули.

Как знать, может быть, на этот раз они получают удар по своему ненасытному брюху доброй немецкой и английской сталью?! Лишь повоевали с турками хотя бы годик, как прежде, а там кто знает. Главное, успеть бы за это время поляков утихомирить...

— Ваше величество. — Дверь в кабинет открылась, и на пороге застыл секретарь с окаменевшим лицом. — Скверные новости...

Иркутск

— Смотрите, Екатерина Романовна, — Потемкин с кривой ухмылкой подошел к карте восточной российской окраины, что висела на стене в кабинете Дашковой с незапамятных времен.

Княгиня только меняла иной раз карту, по мере открытия новых земель и присоединения их к империи. И тут же давала очередное поручение университетской типографии отпечатывать новые карты, хотя это было весьма накладно.

Но, как говорят в народе, мир не без добрых людей — большинство нецелевых расходов, включая целые статьи на содержание университета, оплачивались отнюдь не казной. Щедрые вклады шли от купцов с промышленниками, но главными попечителями были наместники — Алексей Орлов и Григорий Потемкин. Особенно последний...

— В позапрошлом году два моих брига обосновали здесь гавань. — Палец мужчины ткнул в большой остров, что расходился двумя лучами. Восточный соприкасался с тонкой цепочкой Курил, а западный касался большого острова Чоки — Сахалина.

— Он именуется Хоккайдо, — чуть наморщила лоб княгиня, припоминая название острова.

— У вас превосходная память, Екатерина Романовна. И вам ли жаловаться на нее, — Потемкин широко улыбнулся и не отказал себе в желании чуть поддеть женщину, с которой он дружил уже долгие годы. Но тут же сделался серьезным. — На острове живет народец, именуемый айнами. Плохо живет — с острова, что южнее, Хонсю, вот уже который год идет сильная экспансия японцев. Их воины-самураи просто режут этих айнов. Мы с ними столкнулись уже в прошлом году — дали, конечно, по зубам изрядно. Они все же с мечами и луками, а у нас винтовки. Но большую войну вести не можем — и народа, и войск с казаками у меня ничтожное число.

— Так договоритесь с японским...

Дашкова на секунду задумалась, мучительно вспоминая. На японских островах правил тэнно, царь, власти реальной не имеющий. За него управлял один из знатнейших князей, именуемых дайме, и как его там?

— Сегуном, — наконец припомнила она название, отдаленно похожее на канцлера.

— Я бы и рад был. Два посольства отправил, а они им от ворот поворот сделали. Страна, дескать, для всех иностранцев, гэдзинами именуемыми, то бишь бесами в их языке, у них полностью закрыта. И северный остров их исконная вотчина...

— Да какая вотчина?! — неожиданно взорвалась княгиня. — Они этих айнов умерщвляют, как им заблагорассудится, а мы на это спокойно смотреть должны?! Нате выкуси!

— И я так считаю.

Потемкин любовался горячностью женщины, кровь в которой не охладела с прожитыми годами. За малым кукиш не показала, а сие о многом говорит — дела государственные за свои почитает.

— Но не в этом дело, Екатерина Романовна. Владивосток мой зимою замерзает, корабли в лед вмораживает. Гавань нам нужна, незамерзающая. И лучше, чем на Хоккайдо, нам их не найти. Не с японцами же большую войну начинать? А в Корею нельзя — я с китайцами договор подписывал, а потому по Амуру и Уссури спокойствие нарушать нельзя, слишком накладно для нас война с таким соседом обойдется. А с японцами совсем другое дело — они на остров претендуют, где наши корабли уже стоят. Надо им просто урок дать, чтоб отвадились.

— Так дайте же! Что вы, в самом деле, князь? Раньше сами вершили, а теперь в Иркутск приехали...

— Я потому здесь, что его величество, — Потемкин сверкнул единственным глазом, произнося последнее слово с иронией, — не только запрет на войну положил, но приказал корабли наши с гаваней оборудованных обратно увести! Вот так-то!

Остров Кадьяк

— Теперь я богат, — Онли снова пробормотал заветные слова, и перед его глазами предстал трюм «Морского орла», под завязку забитый «мягким золотом» — тысячами шкурок морских бобров и прочей живности, что в изобилии водились в здешних водах.

И все благодаря тому задохлику с бегающими глазами, москвиту, что сбежал с северных русских островов. Задрыга привел его корабль в этот суровый край. Жаль только, что обратно не выведет, но ничего, шкипер и сам уже это сможет сделать.

Карта, что ему вручили на английском фрегате, оказалась правильной, как и места, на ней обозначенные. Так что помощь этого русского предателя была уже не нужна. Он сам найдет

обратную дорогу и привезет в Кингстоун столь ценный груз — половина уйдет королю, а половина достанется ему, ну и команде, конечно.

Потом он снова вернется в эти воды, уже с большей силою. Найдется немало опытных капитанов, что рискнут покинуть благословенные теплые моря, где стало так неуютно от королевских фрегатов. Так что желающие продолжить свое вольное существование найдутся, и в достаточном числе. Тем более русские не англичане и в здешних водах имеют утлые суденышки, полукруглые, со странным именем «кочи». Их ли бояться людям, прошедшим огонь и воду?!

— А может, не возвращаться?

Онли задумался на минуту. Уйти в португальское Макао, китайцы охотно покупают шкуры, как он слышал. И вернуться на родину богатым джентльменом, купить дом и долгими сырыми вечерами сидеть у пылающего камина, курить трубку и вспоминать былые подвиги и приключения.

— Нет! Пока рано...

Шкипер криво улыбнулся, принимая решение. Опасно — у королевской службы длинные руки, зачем их понапрасну злить. Да и глупо отказаться от нового похода.

Глупо!

Ибо нельзя оставлять такое богатство в руках грязных русских варваров, этих азиатов, что давно потеряли европейский вид.

Негостеприимные северные воды, как сказал ему про них сэр Джордж и в чем он убедился на своем «Морском орле», оказались сказочно богаты. Ему удалось взять меха, но ведь русские возят отсюда и сверкающие груды золота, что добывают где-то далеко на полночь в невероятном количестве. Вот бы туда прогуляться...

— А может, там и есть сказочная страна Эльдorado? — задумчиво пробормотал шкипер, укутанный непроницаемой дымкой тумана.

Константинополь

— Эту депешу, Алексей Андреевич, отправь самым быстрым кораблем! Какой корвет у нас там под парами стоит?

— «Архангел Михаил», ваше величество!

— Вот им и отправь! А вот эту тайную депешу сам зашифруй, и пусть искровиком в Севастополь немедленно передадут! Надеюсь, послезавтра Като ее получит!

— Да, государь! Корвету нужны сутки ходу, а искровая линия в порядке содержится!

Аракчеев взял в руки запечатанный конверт и небольшую бумажку с рукописным текстом для телеграфного сообщения.

— Ваше величество, осмелюсь спросить — вы поставили здесь гриф «ГСД», «Государево слово и дело», но ведь раньше, как я помню, он не употреблялся для таких сообщений?

— Зато в Петербурге все иностранные послы на уши встанут, — усмехнулся император, — да и Като моя допинг хороший получит! А то избаловал я вас всех...

Аракчеев на такое разъяснение только молча поклонился и вышел из кабинета, держа осторожно в руке бумаги.

Петр подошел к столику, на котором стоял кувшин местного греческого вина. Жуткая кислятина! Но именно такое он себе и потребовал.

Он отпил полглотка и посмотрел в окно, озирая захваченный русскими войсками огромный город, жизнь в котором уже нормализовалась, будто не было кровавого штурма и безжалостной резни янычар.

Победа стоила дорого, хотя раньше, еще до Кагульской баталии, Петр счел бы такие потери

если не смехотворными, то ничтожными. Слишком неожиданным оказался для турок русский десант, тем более подошедшая армия Суворова.

На эту победу сразу же нашлось много творцов: и Суворов, и Ушаков, и пришедший с Дарданелл с эскадрой матерый адмирал Грейг — пришлось всех утихомирить высказыванием: «Это моя победа, господа! И вам нет нужды ее оспаривать!»

Данное заявление монарха разом погасило вспыхнувшие было страсти, а щедрое награждение деньгами и царскими портретами в бриллиантах не оставило места для мелких взаимных обид...

Сейчас Петр просто смотрел на город, на величественный купол Святой Софии. Заветная цель всех русских правителей, начиная от Ивана Грозного, была достигнута!

Теперь главным стало то, что завоеванное требовалось еще и удержать в своих руках. Новый турецкий султан, а император не сомневался, что такой появится взамен плененного Селима, вряд ли смирится с утратой турецкого Стамбула. Вот только вернуть завоеванное в прошлом теперь уже не удастся: слишком одряхлела Оттоманская Порта, времена ее былой славы уже прошли, а из ослабевших рук выпадали захваченные прежде страны.

Однако «делить» Турцию со своими соседями Петр не собирался! Цель достигнута: теперь через Проливы не пройдет ни один враждебный России корабль. «Южная подушка» обустроена, да и «Западная» тоже — союз с Данией полностью закрывал Балтийские проливы, а любого врага лучше встречать на подступах...

— Ваше величество, — в комнату вошел Аракчеев, — мальтийские рыцари просят аудиенции!

— Просят? Ну, хорошо! Значит, примем! Зовите их ко мне...

Варшава

— Пшекленты псы!

«Начальник Польского государства» Тадеуш Костюшко не смог сдержать своего искреннего негодования. Пруссаки стоят под стенами Варшавы, и их лающая, как у голодных собак, речь доносилась с аванпостов.

Австрияки уже завладели древней столицей Краковом, и горнист уже никогда не сможет подать с башни последний обрывистый сигнал, ставший гордостью Польши со времен татарского нашествия.

Костюшко тяжело вздохнул — он прекрасно понимал, что польское сопротивление было бы давно сломлено, а Варшава взята штурмом, если бы не те же русские.

Он ненавидел московитов, но в глубине души даже испытывал к ним затаенную благодарность. Встав на Буге, отделявшем коронные польские земли от Волыни и Полесья, что в Петербурге называли Червонной и Черной Русью, русские не пошли за реку.

Сопротивление шляхты, что осмелилась противостоять подлому разделу родины с оружием в руках, было подавлено. Быстро и сурово, как продемонстрировали царские генералы, но странным, очень странным было отношение к побежденным.

Захваченных в плен поляков не казнили и не ссылали в холодную Сибирь, а, конфисковав имения и освободив их крестьян от крепостного состояния с наделением землею, отправляли с семьями за Буг, на запад, в боровшуюся с тевтонскими захватчиками Польшу.

Правда, предварительно истребовали письменного обязательства, что шляхтичи никогда не будут переходить за реку. Возвращаться было страшно и бесполезно — православные холопы с превеликой радостью вязали своих господ-католиков и сдавали их русским для казней. Те, однако, вешать не торопились, а томили в узилищах благородных героев, сражавшихся за великое прошлое страны. И постоянно натравливали на все еще сидящих в имениях панов этих

голодранцев-малороссов и свирепых казаков.

Хорошо, что эти собаки уже не мучили и не истребляли шляхту, как во время прежних казацких восстаний. Но изгнание католической шляхты было повсеместным — или переходи в православие, или убирайся за Буг. Третьего было не дано, не принимать же за него смерть или пожизненную ссылку в Сибирь.

Озлобленная русскими гонениями шляхта предпочла возвращаться на Вислу. Именно эти несколько тысяч поляков, изгнанных русскими из Подолии и Волыни, помогли отстоять Варшаву месяц назад, отразив первый яростный штурм подступивших к городу пруссаков.

Теперь помощи ждать неоткуда и столицу вряд ли удастся удержать. Такого яростного в течение трех дней обстрела Костюшко прежде не видывал, казалось, что прусские пушки будут вечно. Но сегодня они неожиданно смолкли, и раздался слитный немецкий лай — тевтоны решились пойти на новый штурм и взять, наконец, последнюю твердыню польского сопротивления. Все решится в самые ближайшие часы...

— Польша не погибла!

«Начальник государства» с натянутой на лицо улыбкой смотрел на воодушевленных благородной яростью варшавян. Он был военным и прекрасно понимал, что полякам, пусть и сохраняющим свой неукротимый дух, придется принять последний бой. Косы, насаженные на древки, отлитые давно пушки, дедовские сабли, старинные фузеи и пистолы не смогут остановить пруссаков, вооруженных нарезными штуцерами со свинцовыми русскими пулями, выдуманными злым гением их императора.

— Все кончено, — тихо прошептал Костюшко и тяжело вздохнул. Беда в другом — порох закончился. Генерал прекрасно понимал, что даже несколько сотен русских фузей, что были в руках самых опытных и умелых стрелков, теперь не помогут отразить приступ.

Иркутск

— Так, — княгиня напряглась, — а теперь, Григорий Григорьевич, расскажите подробнее, это какие гавани и острова вам приказали оставить? И чем мотивировал его величество такое свое решение?

— С Хоккайдо и с Тсусимы, — жестким голосом ответил Потемкин. — Но я этот приказ выполнять не буду!

— Почему, князь?

— На первом острове у нас незамерзающие гавани, как я вам говорил. А второй остров, он между Кореей и Японией, запирает наше море крепко, и пока он у нас, ни один враг на наши восточные окраины не покусится. Не отдам я его, пусть меня режут. Но не отдам!

— Не горячись, мой милый друг. — Дашкова пристально посмотрела на карту. Действительно, маленький остров находился точно в центре пролива и, как она знала, был занят в ходе небольшой военной кампании два года назад. И весьма предусмотрительно — теперь британским кораблям путь плотно закрыт.

А ведь именно Англия, эта «владычица морей», норовившая залезть в любую дырку на земном шаре, оценивалась княгиней самым зловредным врагом России, пусть последние годы и пребывающим под лицемерной маской мнимой дружбы.

— Остров Тсусима отдавать нельзя, — резко произнесла княгиня и, еще раз посмотрев на карту, добавила тем же тоном: — И большой остров Хоккайдо тоже бросать нельзя. Это двери, отнюдь не ключи, к нашим восточным морям, и если мы их запрем хорошенько, то ни один враг на рубежи наши не покусится!

— Вы думаете, Екатерина Романовна, я это его величеству не объяснял?! — Потемкин возмущенно пожал плечами и встал во весь свой большой рост. — Два часа талдычил ему про

Ерему, а он мне про Фому. Я понимаю, что денег в сибирской казне мало, что войск — кот наплакал, а кораблей нехватка жуткая. Но если мы сейчас экономить станем, то потом втридорога платить за ошибки придется. Врага нужно на дальних подступах встречать, поздно будет, если он наши прибрежные земли зорить начнет да пиратствовать в наших водах. Вот чем мелочная экономия обернется!

— Я вас поняла, Григорий Григорьевич. — Княгиня решительно сжала губы. — И не думаю, что вам стоит о том Петру Федоровичу писать. Вы наместник и сами можете должные меры принимать. А что касается денег, кораблей и казаков...

Дашкова задумалась и посмотрела в окно — Ангара величаво катила свои ледяные воды, а солнце играло золотом своих лучей на пронзительно-синей глади. На той стороне, чуть дальше, в Глазково, высились купола церкви да разбросанные по берегу дома казачьего поселка Кузьмиха, прямо напротив ее резиденции, знаменитого «Белого Дома», построенного по проекту самого императора пять лет тому назад.

Тут княгиня себя одернула, испугавшись утонуть в омуте воспоминаний. Да и наместник на нее смотрел напряженно, ожидая ответа. И Екатерина Романовна решительно поднялась с кресла.

— Ждите меня здесь, Григорий Григорьевич. Я немедленно встречусь с его величеством, переговорю с ним по возникшим вопросам. Я думаю, государь Александр Петрович примет нашу точку зрения!

Потемкин с нескрываемым облегчением вздохнул — на Дашкову он и надеялся, благо княгиня имела какую-то затаенную власть над старшим сыном императора...

Остров Кадьяк

— Жестокие дикари!

На первом же острове, с совершенно непроизносимым названием на нормальном человеческом языке, на котором говорят в этом мире только англичане, оказалось хранилище, полное ценнейших шкур морского зверя, которые охотно покупаются и в Англии за полновесные золотые гиней. Там было еще на охране всего трое аборигенов с косыми глазами, совершенно не понимающих речь, но с ружьями в руках.

И какими ружьями! Теперь лорды простят все его грехи, ибо он даст им страшное оружие, которое смогут изготовить на английских заводах. А это многого стоит!

— Может, меня произведут в рыцари?

У шкипера от такой мечты в зобу сперло дыхание. А почему нет? Такое возможно! И он тут же помрачнел, вспомнив, как тогда обрадовался — ожидал встретить русских, а тут нелюди, которых сам бог велел приучить к цивилизации.

Тех, кто хочет!

Эти туземцы не пожелали, и шкипер приказал их убить. Вот только вышло совсем не так, как он рассчитывал.

— Грязные варвары!

Онли выругался, припоминая перипетии кровавой стычки. У туземцев оказались многозарядные ружья, и десяток матросов был убит еще в шлюпках, прежде чем он разобрался, что происходит. Застрелен был также и этот русский предатель, который с ужасом прокричал только одно непонятное слово — «казаки».

Аборигены, эти хладнокровные и коварные убийцы, заперлись в крепком доме, похожем на маленький форт, и стреляли оттуда через узкие бойницы, убив и крепко переранив еще десяток моряков.

Пришлось сгрузить на берег пушку и под покровом ночной темноты подползть к

укреплению. Днем было невозможно — моряки категорически не желали подставляться под пули. Обстрел принес желанный результат — сопротивление прекратилось.

Но кто ж знал, что азиаты так коварны — кто-то из русских вырвался из дома и продолжал стрелять.

Озверевшие матросы гонялись за ним долго, наконец убили, но потеряли еще десяток человек. Парни долго кричали от ярости и сдерживаемого страха — ведь против них сражалось только трое этих нелюдей, убивших по десятку крепких английских флибустьеров каждый.

Все были одержимы лишь одним желанием — поскорее убраться с острова, неслыханно богатого, но по-дикарски жестокого.

Нет, следующий раз нужно будет убивать сразу, чтоб туземцы боялись белого человека. И убивать жестоко, чтобы ничего подобного не повторилось. Эти грязные москвиты должны падать ниц и быть покорными, тогда их можно будет приобщить к богатствам цивилизации.

Сам Онли испытал нешуточное облегчение, тут же убравшись с острова. Пусть у него нет почти половины экипажа — с ранеными собратьями моряки не возились, предпочитая добивать беспомощных. И милость оказывали, и свою долю за счет погибших увеличивали...

Мраморное море

Влажный соленый ветер охлаждал лицо. Петр с жадностью вдыхал морской воздух, который ему казался волшебным. Палуба корвета ощутимо подрагивала под ногами. Паровая машина вращала винты, и корвет с поднятыми парусами давно оставил позади грозные парусные линкоры Грейга и Ушакова.

Русский флот шел к Дарданеллам, ибо ковать железо нужно всегда, пока оно горячо: окончательно довершить разгром турецкого флота и высадить десант на Кипр, очень важную стратегическую точку в Восточном Средиземноморье. Да и на Запад сходить русским кораблям не помешало бы! Разговор с мальтийскими рыцарями оказался весьма интересным: как оказалось, два брата-госпитальера отплыли с Мальты две недели назад и задержались в Стамбуле, так как с начавшейся войной турки закрыли Босфор.

Рыцари предложили ни много ни мало: русский император может стать Великим Магистром одного из самых почитаемых и старейших орденов — «Святого Иоанна Иерусалимского», причем проблема разницы вероисповедания, судя по всему, мальтийцев не затрагивала.

Петру даже показалось, что они отнеслись прямо-таки наплевательски к этому серьезнейшему с точки зрения официальной церкви вопросу, а старший из «братьев» Анри де Велюн вообще отметил, что все они христиане, что православные, что католики, и пусть в этих вопросах священники разбираются. Их же дело — воевать, чем они постоянно и занимаются.

Петр охотно согласился со столь резким заявлением госпитальеров. Еще в первую его войну с Турцией мальтийские рыцари, эти превосходные мореходы, добровольцами поступали на палубы русских кораблей.

Около полусотни братьев и орденских служителей были назначены на командные должности, в основном на каперах и вспомогательных кораблях. Служили хорошо, истово, со всем тщанием относясь к воинскому делу, что, по сути, и являлось их профессией.

Сейчас Мальтийский орден стал разменной монетой в политической игре между Англией и Францией. И те и другие жаждали овладеть мощной цитаделью и гаванью Ла-Валетты. Однако перспектива стать британскими подданными или гражданами французской республики рыцарей не привлекла, и они приняли нетривиальный ход — предложить цепь Великого Магистра русскому императору.

— Да уж, завертелись дела! — хмыкнул Петр. — Я прям как Павел... Хорошо бы его судьбу

не разделить...

Он уже решил взять орден под свое покровительство. Еще бы! Иметь отлично укрепленный остров в самой середине Средиземного моря и при этом заполучить несколько сотен опытных воинов — невероятная улыбка Фортуны, а это дорогого стоит! За этой капризной дамой следует ухаживать настойчиво и никогда не упускать ее из рук!

Берлин

Король Пруссии добрую треть часа оторопело разглядывал карту — новость оказалась не просто скверной, а из разряда таких, что в пору вернуть древний обычай и отрубить гонцу голову за черную весть.

— Нет, но надо же! Война еще и месяца не идет, а русские уже недалеко от ворот Константинополя... Да нет же, они уже пинком вышибли дверь и заняли город — их Суворов никогда не любит медлить! Мне бы такого фельдмаршала, а то...

Фридрих-Вильгельм выругался. Известие потрясло до глубины души, ведь начавшаяся война между турками и русскими, к его ужасу, была уже, по своей сути, закончена. Такого раньше он бы не смог представить даже в самом кошмарном сне.

— Проклятые византийцы!

Королю было ясно, что император Петр тщательно подготовил этот свой новый поход на Босфор, ибо от объявления войны до захвата приморских крепостей в Болгарии прошли не месяцы или недели — в лучшем для русских случае, а считанные часы. Ведь агент сообщил, что с торговых кораблей, зашедших в Варну, был высажен десант, и тут же на море появился флот адмирала Ушакова.

Нет, «любезный друг Петер» не нарушил ни одного закона, только начинать вот так войну никому раньше не приходило в голову. И только подумав об этом, Фридрих-Вильгельм непроизвольно вздрогнул, накатила липкий страх, который был тут же смыт волной ледяного ужаса.

— Это Като... Только женское коварство может такое измыслить. И в один прекрасный для них день я тоже окажусь в подобной ситуации, как эти несчастные османы.

Король возбужденно дернулся с кресла и чуть ли не мгновенно, словно не было нездоровой тучности, вскочил. Быстро прошелся по кабинету — мысли перестали лихорадочно скакать, а плавно потекли, как речная вода, преодолевшая крутые пороги.

— Ничего тут не поделаешь! Османов придется списать, свои проливы они потеряли, а вырвать их из когтей русского орла — занятие бесперспективное и затратное. Да и не нужны они мне! Это пусть Вена убивается...

Фридрих-Вильгельм неожиданно успокоился. Мысль, пришедшая ему в голову, оказалась ослепительной — зачем тягаться с Петром, не лучше ли воспользоваться плодами его победы?!

— А ведь дело может выгореть к нашей пользе, — пробормотал король, уже тщательно прикидывая возможные варианты такого сотрудничества.

Что нужно объединить все германские земли именно под эгидой Пруссии, но никак не Австрии, об этом ему уши прожужжал еще венценосный дядюшка.

Теперь пора настала! Вена не смирится с переходом Проливов к русским. И с тем, что те пытаются подгрести под себя Балканы с их православным населением, находящимся под турецким владычеством, — сербами, болгарам и прочими народами.

— Подбить брата Франца на драку и ударить его в спину, — король прищурил глаза от удовольствия.

Впервые за столь неприятный день он испытал ласкающее душу наслаждение. О дружбе с русским ему говорил дядя, хотя и сквозь зубы. Что ж, настала пора выполнить его завет. Это

даст возможность занять два самых значимых германских королевства — Саксонское и Баварское, и вряд ли «друг Петер» будет возражать.

— Может, вступить с ним союз, подобно датскому?

Фридрих-Вильгельм задумался. Мысль показалась ему здоровой. В таком альянсе, даже занимая второе место, Пруссия может немало занять. Еще как немало. И главный противник, стоящий тут преградой, не Россия, а венцы.

— Надо только все хорошо обдумать, — решил король и, повеселевший, с удовольствием уселся в кресло. — А еще завтра нужно пригласить русского посла и поздравить его императора со взятием Константинополя...

Фридрих-Вильгельм принялся загибать пальцы, высчитывая дни, что должны быть потребны русским для выхода на берега Босфора. Так и так выходило, что их Суворов уже моет свои грязные сапоги в проливе, этот вояка всегда торопится, так же как и генерал Блюхер, только тот намного моложе. Да и веса он не имеет в прусской армии — молод еще, только за пятидесятилетний рубеж перешагнул, в Семилетнюю войну офицером не дрался, ибо тогда еще мальчишкой был, юнкером...

Дробный смех вырвался из груди, заколыхав обширное чрево. Король смеялся заразительно, вытирая выступившие слезы платком. И тихо, давясь смехом, произнес:

— Представляю лицо своего братца, когда ему донесут о поздравлении со взятием Константинополя. Вот он удивится... Нет, ошибки быть не должно — русские уже там, слишком лакомая для них эта добыча.

Король перестал смеяться, хотя настроение его не просто улучшилось, а стало замечательным — сейчас он захотел попасть в объятия своей любимой Вильгельмины. Ну, что ж, решение принято, и надо добиваться его выполнения. И тут он вспомнил про еще одно нужное дело, выполнить которое было очень важно.

— Хватит возни с мятежными поляками. Нужно немедленно брать Варшаву, а не топтаться под ее стенами. А то у моих стариков хватит ума отойти — вот тогда эту заматню еще несколько лет тушить придется.

Король вздохнул — экономный, как и все немцы, он мучился от тех расходов, что поглощала из казны война с поляками. И затянься она еще на пару лет, а такое более чем вероятно, если Костюшко отстоит Варшаву, и тогда паны воспрянут с новою силою, то впору с протянутой рукой просить «брата Петера» и о деньгах, и о помощи.

Тот деньги даст, в этом король не сомневался, и с панами справиться поможет, но вот о цене думать было страшно. Подручным императора стать придется, никак иначе. Так что лучше сейчас поторопиться с взятием польской столицы...

Иркутск

— Это мой город, мой, — княгиня еле слышно шептала, оглядывая из окна кареты дома, что вытянулись вдоль широкой Амурской улицы. Ехать было недалеко — резиденция его величества царя Сибирского располагалась почти рядом, не доезжая до огромной Тихвинской площади, в уютном небольшом дворце в два этажа, с небольшим парком.

Дашкова улыбнулась, вспомнив непонятные слова императора, когда тот двадцать лет тому назад на целых полгода приехал в Иркутск. Тогда Петр Федорович сказал: «Пусть будет «Художественный музей», как же без него». Станные слова, но они с мужем построили это здание, пользуясь эскизом, что начертала для них рука монарха.

Впрочем, как и многие другие здания в Иркутске — государь буквально объездил весь город и прямо на улицах, смотря на деревянные дома с усмешкой, отводил место для будущих каменных строений. Архитекторы только успевали зарисовывать эскизы да тщательно

записывать все пожелания венценосного гостя.

И ведь построили все, за каких-то двадцать лет построили. За исключением Казанского собора, резиденции митрополита Сибирского, уже возвысившего свои стены на Тихвинской площади. Слишком велик оказался, еще добрых лет двадцать достраивать — но княгиня яростно желала прожить еще столько же, ведь ей еще и восьмидесяти не будет к этому сроку.

Карета проехала в открытые настежь ворота царского дворца, а мигом подскочившие лакеи открыли дверцу и склонились в поклоне. Вот только ни один из них даже не шелохнулся, чтобы помочь выйти.

— Я рад видеть вас во дворце, ваша светлость, — у раскрытой двери поклонился Александр Петрович, протянув руку.

Княгиня с улыбкой оперлась и выпорхнула из кареты, вспомнив молодость. Цесаревич удивительно походил на своего отца в молодости — Дашкова вспомнила счастливые дни своего детства. Вот и характером он походил на своего державного отца. Такой же волевой, упорный и, главное, умный. Вот только один недостаток был ему присущ, как и многим монархам, — «закусывал иногда удила», как говаривал о своем первенце император в часы досуга здесь же, в Иркутске.

— Уделите мне полчаса для разговора, ваше величество. Нет, нет, не во дворце. Лучше в нашей беседке, на диво чудное утро. Прохлада от реки даже у вас чувствуется.

— Конечно, Екатерина Романовна, я к вашим услугам, — монарх предложил ей руку, и они отправились в парк по дорожке, отсыпанной желтым речным песком. Вот только путь оказался до огорчения недолгим — сделав всего полсотни шагов, они оказались в беседке, усевшись в мягкие кресла. Дашкова полюбовалась виноградной лозой, что росла в кадках и укутывала внутренние столбы.

Хотя называли этот дивный «Зимний сад» беседкой только потому, что тут она любила разговаривать с совсем юным Сашей, когда двадцать лет назад царевич приехал в Иркутск. И здесь остался, лишь раз покинув Сибирь на полгода — жениться на испанской инфанте. Были еще и поездки к отцу, две всего, очень короткие...

— Вы говорили с князем Амурским, ваша светлость? — цесаревич взял быка за рога. Дашкова любила его за эту целеустремленность, что не любил он напрасно тратить время на пустопорожние разговоры.

— Да, ваше величество, — Екатерина Романовна улыбнулась. — И нахожу дело в том, что вы оба в корне не правы! Боюсь, вам это выйдет боком, мой милый царевич, еще как. Потому я здесь, чтоб уберечь вас от опрометчивых решений. Прошу меня выслушать внимательно...

Остров Кадьяк

— Земля, сэр! Раздери меня надвое, но это остров. И какой большой! Наверное, здесь русские черпают золото ковшами? — Эндрюс мечтательно сощурил глаза, как сытый хорек, обожравшийся коровьих кишок. И помотал головой, будто не веря увиденному на горизонте.

— Хм...

Онли задумчиво обвел взглядом высокие горы, далеко тянувшиеся в стороны. Очень большой остров, никак не меньше Ямайки. А если это побережье этой, как ее там, — Аляски?

Шкипер быстро посмотрел на компас — стрелка указывала на север, а побережье шло восточнее. Онли быстро раскрыл сундучок и посмотрел на тайную карту. И радостно перевел дух.

— Мы пришли туда, куда хотели, Эндрюс! Это остров Кадьяк! Ну и варварское название, впору лимон съесть...

— Так оно и есть, сэр, — угодливо поддакнул боцман, что за ним ранее не наблюдалось. Но

слишком удачлив оказался шкипер, приведший их к неслыханному богатству. Теперь и он сам, и вся команда были готовы идти за ним куда угодно, лишь бы впереди их ждал не меньший куш.

— Вот тут в бухте у русских единственный порт. — Онли по слогам прочитал незнакомое название: — Петровская Гавань!

— Большой? — с вожделением, но с тщательно скрываемой опаской спросил Эндрюс, и тут шкипер его правильно понял, заметив прорвавшийся страх. Еще бы — мало приятного попасть под залпы этих русских ружей, что бьют и точно, и далеко. И он поспешил успокоить своего верного напарника по морскому разбою.

— Тут написано про сотню домов. Форт на берегу небольшой, срублен из дерева, пушек в нем нет. Жителей почти восемь сотен, охраны и двух десятков нет...

— Это хорошо, — облегченно выдохнул боцман.

— Имеется резиденция их губернатора, — вкрадчиво произнес Онли и хищно улыбнулся, сощурив глаза. — Сюда свозят всю пушнину и добытое золото, много больше сорока тысяч фунтов...

— Сколько?! Сколько?!!

— Я думаю, тысяч пятьдесят фунтов золота у русских там есть! Не будем рассчитывать на большее, — улыбнулся Онли, с улыбкой глядя на ошарашенного суммой боцмана.

— Столько на всех Карибах не найти, даже если все море с островами обшаришь, — только и сказал ему в ответ Эндрюс, до сих пор пребывающий в некотором шоке от услышанного, сжимая свои крепкие кулаки так, что костяшки захрустели.

— На берег мы не будем торопиться высаживаться, боцман. Не хватало снова пуль нахвататься. Мы вначале погромим городок из пушек, сожжем его полностью. Аборигенов расстреляем картечью...

— Но ведь шкурки-то сгорят! — изумленно взывал Эндрюс.

— Зато сами убережемся. Нам теперь лишние потери ни к чему, хватит этого проклятого острова с его казаками!

— Но шкурки, меха...

— Не скули, Эндрюс. Если сгорят, ну и шут с ними. Если нет, то нам повезло. А золото не горит, боцман! Мы его спокойно соберем на пепелище и забьем им не один рундук на нашем корабле! Вот так-то! А потому иди и расскажи команде, какое богатство их ждет в городе! Да и повеселиться бы матросам не помешало — там есть бабы и русская водка, крепче нашего бренди! Так что и разбогатеем, и всласть погуляем!

Дарданеллы

— Я теперь знаю, как сломать трезубец Нептуна в английской руке! И я это сделаю!

Бонапарт удивился некоторой высокопарности сказанных им же слов. Но теперь он действительно знал, чем можно победить многочисленный, наводящий страх на соседей британский линейный флот. И понимание этого появилось именно здесь, на высоком берегу пролива.

Мощные бомбические пушки буквально разнесли турецкие корабли. Тяжелые ядра пробивали толстые деревянные борта, а взрыв, происходивший внутри, разносил внутреннее межпалубное пространство в щепки.

Три десятка бомб гарантированно отправляли на дно любой линкор, даже крупный. А то и меньше попаданий — беспощадный огонь быстро добирался до корабельных крюйт-камер.

Но пушки могут стать лишь одним из слагаемых — большое впечатление на молодого бригадира произвели мины. Кто бы знал, что бочки с порохом после переделки и подвешенного на якорю груза могут превратиться в смертоубийственное оружие?!

А почему бы и нет — если мина, заложенная под крепостной стеной, разносит камень вдребезги, то и ее морская «сестрица» с неменьшим успехом творит то же самое с вражеским кораблем. А самодвижущийся образец (интересно бы знать механику) еще более эффективен — не ждет неприятеля, а сам атакует его на расстоянии, пусть и коротком.

— Теперь ни один корабль не пройдет через мои батареи!

Наполеон знал, что говорил. Два дня русские моряки ставили в проливе свои убийственные бочки, стягивая их канатами в банки. Два раза перегородили пролив повдоль, один раз поперек, оставив только узкий фарватер в трех сотнях шагов от его пушек, уже укрытых высокими брустверами.

Еще месяц, и тут построят две крепости, разбить которые с моря будет невозможно. Да и как это англичане или турки сделают?! Ползти на малом ходу, по одному в кильватере, прямо под дулами нескольких десятков мощных пушек, равносильно самоубийству. А с суши береговые укрепления также не взять с наскока — в окопах и редутах засели две тысячи солдат, вооруженных скорострельными винтовками.

Бригадир с нескрываемым удовольствием выпрямился во весь свой маленький рост, стараясь показаться выше, чем был на самом деле. Его сильно удивляла та приязнь, с которой стали относиться к нему солдаты и матросы после баталии.

Особенно когда он приказал выдать всем по две чарки водки — отметить победу. Его поражала особенность русских пить эту жидкость, совершенно не сравнимую с вином.

И более того — ее можно было воспламенить! А смешивание с маслом и смолой превращало в жуткую смесь, потушить которую водой было невозможно. Что за люди — это же настоящий героизм, пусть и безумный, — пить такое! Но русские были рады и стали называть его своим «маленьким капралом», что льстило самолюбию. Такое доверие многого стоит.

Сейчас бригадир перебирал в уме возможные награды, которые выльются на него за эту победу. Орден Святого Георгия был самым вожделенным, ибо награждение им даровало немедленное производство в следующий чин — а получить генеральские эполеты в 28 лет весьма престижно. Но мысли шли спокойно, так же, как смотрел бригадир на маленький бриг под Андреевским флагом, пришедший с моря, что осторожно следовал за лоцманским баркасом по узкому фарватеру.

— Павел Александрович! — рядом с Бонапартом встал молодой флотский офицер. — С корабля передали флажками — турки ушли, но сюда идет английская эскадра в семь вымпелов. Пять линейных кораблей в сопровождении двух фрегатов. Завтра утром они войдут в пролив. Какие будут приказания?

— У нас найдется чем их встретить. Надеюсь, вы будете достойными вашего командира. — Наполеон мысленно пожалел себя и героически погибшего старика — на него он полностью надеялся. — Алярм пока не объявляйте — пусть солдаты и матросы отдохнут. Но с рассветом все должны быть на своих местах согласно диспозиции. А там посмотрим — смогут ли островитяне уйти обратно!

Варшава

Варшава давненько не знала такого веселья — в последний раз на улицах ликовали в день провозглашения королем Стасем конституции три года назад, в которой тот практически согласился на обрезание своих прав польского монарха.

Тогда вся власть перешла в руки сейма, ставшего всемогущим в силу ликвидации пресловутого права шляхтича всего одним голосом отменить любое принятое решение.

До поляков, наконец, дошло, что Пруссия, Австрия и Россия не прочь разделить их территорию между собой. Как раньше они вмешивались сами в дела соседей и кое-чего

достигали, даже на какое-то время владели Москвой. Но не все коту масленица, когда-то наступит и великий пост.

Все же паны, завидев австрийские и прусские войска на своей земле и на собственной шкуре прочувствовав знаменитый орднунг, смогли договориться между собой и организовать сопротивление. И даже избрали на сейме пана Тадеуша Костюшко «начальником государства», диктатором по сути, что только одно говорит о том, что горделивых шляхтичей окончательно заклевал жареный петух.

— Радуйтесь! Мы их победили!

— Так сгинут наши враги швабы и пруссы!

— Хвала пану Тадеушу!

— С нашим начальником мы их всех победим!

Последние возгласы радовали сердце Костюшко, вот только заглушали их другие, от которых начальник государства за малым не морщился, стянув на лице улыбку.

— Хвала нашим освободителям!

— Слава князю Понятовскому!

— Нашему спасителю век жизни!

Варшавяне, сгрудившиеся на мостовых, балконах и окнах, осыпали цветами марширующих солдат в ненавистной многим полякам зеленой русской форме. Но то были не пшеклентные москали, а brave жолнежи князя Понятовского, ставшего сегодня первым маршалом Польши — сей высокий чин был дарован пану Юзефу, как его любовно называли в столице, королем Стасем и сеймом в полном единодушии.

Именно эти девять тысяч поляков нанесли страшный удар по пруссакам сегодня днем, когда польское мужество стало иссякать и судьба столицы повисла на волоске. Но помощь пришла словно с неба, и пруссаки позорно отошли от Варшавы, не выдержав стремительного нападения...

— Москали нас отпустили, пан Тадеуш, — маршал отвел глаза — ему до сих пор было неприятно, что год назад его воинство было наголову разгромлено под Вильно, а он сам, переодевшись крестьянином, был захвачен в плен казаками, отведав, к своему стыду, плетей. Хорошо, что свидетелей позора не оказалось рядом.

— Но оружие, где вы взяли оружие? — Костюшко наигранно изумился — он уже понял, каким образом Понятовскому удалось вырваться из Вильно.

— Мы его обменяли на нашу свободу, — маршал усмехнулся. — Москали всех отпустили, выслав с семьями, конфисковав имения, как у мятежников. Теперь в Вильно не осталось поляков и литвинов, за исключением тех, кто вернулись в схизматики. Вот так-то...

— Но оружие, пан маршал?!

— Русские заплатили за конфискованное имущество... Золотом. — Маршал сморщился, ему были неприятны расспросы «начальника государства». — А виленские жидаы смогли договориться и где-то раздобыли старое обмундирование и гладкоствольные русские фузеи. Продали нам и три тысячи старых штуцеров — русские вооружились винтовками, и те им оказались не нужны.

— Сколько можно вооружить людей?

— Кроме моей дивизии, еще пять тысяч. У меня есть три десятка пушек, в обозе порох и пули. И еще одно...

— Что, господин маршал?

— Москали могут дать нам через жидов еще оружия, обмундирование и порох. Но требуют, чтобы мы обратились ко всем полякам на захваченной ими территории немедленно уехать за Буг.

Костюшко с яростью вздохнул, глаза его гневно сверкали. Да и маршал еле сдерживал злобу. Князь заговорил снова, поняв, почему молчит его собеседник. Не к лицу «начальнику государства», как последней шлюхе, уступать таким домогательствам.

— Мы должны принять их условия, пан Тадеуш. Иначе нас раздавят, а оказать помощь могут только русские. Лучше лишиться части территории...

— Но — спасти Польшу...

Иркутск

— Я отправлю князю десять стрелковых рот для гарнизонов. Больше не дам, у нас здесь и так воинской силы нехватка.

Дашкова с улыбкой смотрела на цесаревича — как она и предполагала, проблема носила личный характер. Недолгобывал великий князь наместника, вот и отразилась эта давняя неприязнь на делах государственных. И если бы она не вмешалась, то быть беде — император враз сыну и Потемкину устроил бы головомойку. А так разрешили вопрос.

— Екатерина Романовна, я действительно почти треть своих войск отдаю, — Александр Петрович воспринял улыбку женщины на свой лад. — Если больше отправлю, то все гарнизоны оголю, а ведь сами знаете, как трудно в Семиречье — одним казакам там не справиться.

— Я понимаю, Саша, — отозвалась Дашкова — иногда в личных беседах она так называла цесаревича, словно видела его таким же чуть испуганным мальчишкой, как в день их той первой встречи. И тот, оторванный от матери, платил ей взаимной любовью.

— Но деньги, где взять деньги? Золото все идет к отцу, нам здесь крохи остаются. И что делать? Гавани на Хоккайдо да крепость в проливе на миллион потянут. А у меня его нет.

— И у Потемкина лишних денег нет, иначе бы не приехал просить.

— И что делать?

Вопрос был чисто риторическим — царь Сибирский действительно не знал, где взять этот миллион, а потому и отказал Потемкину в его выделении. Тот обиделся — и пошло-поехало...

— Вам надо съездить к младшему брату, — мягко произнесла Дашкова, а у Александра Петровича от удивления расширились глаза.

— У Алехана просить?! — Всесильного наместника Русской Америки цесаревич недолюбливал, как и Потемкина.

— Зачем просить? — наигранно удивилась Дашкова. — Он сам вам даст миллиона три, никак не меньше. Столько, по моим подсчетам, в «орловской кубышке» имеется. И это по самым скромным оценкам...

— И как это сделать? — Александр еще переваривал услышанное.

— Просто. Две недели на сборы, и с женой и сыном плывите до Николаевска. И с Григорием Григорьевичем все вопросы заодно решите, он с вас пылинки сдуть будет в ходе этого путешествия. Это нужно в интересах государственных, Саша, — князь Амурский много сделал для России и еще больше сотворит, он еще в больших силах. А вам не грех таким исполином и воспользоваться — отца вспомните, ведь ему было столько же лет, сколько и вам, когда он гвардейский мятеж подавил.

Дашкова вздохнула — пример для царевича она подобрала очень удачный, прямо перед глазами сама, собственной персоной сидит. Тот смутился, покраснел немного, видно, корил за допущенную утром ошибку.

«Далеко пойдешь, мальчик мой, раз умеешь на горло собственной песне наступить», — княгиня протянула руку и чисто по-матерински потрепала цесаревича по волосам.

— За младшего сына не беспокойся, присмотрю. Да и край без опеки не оставляешь, у князя Амурского рука зело твердая, такой не грех воспользоваться, чтоб нерадивых

приструнить.

«Глаза как заблестели. Соображает, поди, какие дела погрязнее на Гришеньку взвалить, благо тот ни одной крови не убоится. То к добру — им надо давно в две силы край держать», — княгиня думала с улыбкой, но заговорила совсем о другом:

— К октябрю в Америке будете, женушка твоя радехонька будет с соотечественниками пообщаться. Да и зиму там проведете, в тепле, без снега. А следующим летом вернетесь. И приветят вас там хорошо, — Дашкова еще раз улыбнулась и только сейчас произнесла разящие слова: — И еще свадьбу брата устроишь!

— Без разрешения отца?! Да ты что говоришь, Екатерина Романовна?! — цесаревич чуть ли не взвился с кресла.

— Так и не будет его, — мягко произнесла Дашкова, — раз оно уже дадено. Ты меня послушай, Саша. Письмо от Николая ты две недели назад получил. До отца оно еще месяц с лишним добираться будет. А там еще полгода на ответ, если не больше. Так вот тебе загадка. Твой отец всегда действует, исходя из державных интересов. Сестры твои обеспечили Балтику, по крайней мере, Екатерина Петровна. Твой брак с инфантой защитил Русскую Америку, ибо от твоего тестя только это и зависело. Да от братьев Орловых, что этот богатый край под империю подвели. Но сейчас вопрос в другом — как теперь «орлов петровских» полностью ручными сделать? Не потому ли твой брат там, а у Алехана единственная дочь-красавица. И что важнее всего — они любят друг друга. А государь должен уметь все выгоды извлекать, и от любви тоже. Теперь ты подумай, и хорошо.

Александр надолго задумался, а Дашкова смотрела на цветущую виноградную лозу и вспоминала прошлое. Очнулась княгиня только тогда, когда цесаревич глухо заговорил:

— У меня ощущение возникло, что сие письмо чуть ли не под диктовку Алехана написано. Разрешение на брак? Я так думаю — брат мой уже женился, тайно обвенчали их. Запреты Синода для Алехана не писаны, да и прямого указания на то не было от патриарха. И за руку его, шельмеца старого, не поймают — он сам, и брат его, и владыко, все они уже по местам разным отплыли, а потому глаза удивленные сами сделают.

Цесаревич искренне рассмеялся, а Дашкова только улыбнулась — теперь она не сомневалась, что Александр сделает самый важный выбор в своей жизни, тот, который обязан делать монарх.

— Брату престол не назначен, а потому он любовь выбрал. Что ж — быть по сему. Одобрю его брак, зато он мне по всю жизнь обязан будет, за жену и край. И престол сибирский получит, если я императором стану...

— Не если, а когда, Саша. Батюшка твой мне не однажды намекал, что после освобождения Константинополя тебе российский трон предназначен. А брату твоему византийский, даром, что ли, он с детства греческому языку обучен. Отец твой крепок и долго проживет, но тебя мурыжить в цесаревичах до старости не станет. Скипетр отдаст, но пригляд строгий держать будет. За всеми сыновьями.

— Хорошо, — склонил голову Александр. — За мою услугу, которую я и так обязан сделать, Алехан мне часть приданого отдаст. И не только этот миллион. Мы будем в одной упряжке, а потому он со мною и кораблями поделится. Куда он денется...

Остров Кадьяк

— Туман мешает, Иван Федорович?!

— Как бы нам на камни не сесть. — Молодой офицер пристально глянул в белесую муть, что укутывала на диво спокойное для этих мест море. Нет, волна была крупной, но бриг спокойно покачивался на ней, и не швыряло его с борта на борт, как обычно в этих студеных

водах.

— Не должно, господин капитан, Кадьяк еще далеко, — звонким, чуть ли не мальчишеским голосом сразу отозвался любопытный мичман.

Экипаж русского военного брига «Надежда» был молод по возрасту, особенно офицеры. Да и никаким калачом не заманишь сюда выдавших виды матерых моряков — тащиться куда-то за тридевять земель, бросать дом, жену и детей мало найдется желающих.

Зато холостые офицеры и матросы с охоткой подражались на десятилетнюю службу в далеких восточных морях — и жалование двойное, и продвижение в чинопроизводстве просто стремительное и никого не удивляет.

Капитану корабля Ивану Федоровичу Крузенштерну было едва 27 лет, совсем юный для занятия первого места на шканцах. Но он здесь стоял по законному праву — за плечами уже кругосветное путешествие, да и в этих водах уже отбыто пять навигаций. Так что опыт имел значительный, такой не приобретается плаваниями от Ревеля до Кронштадта.

Чин для него немалый, штаб-офицерский выслужил — многие из сверстников едва в старшие лейтенанты выслужились, остальные в ранге «младших» пребывают, а кое-кто до сих пор в мичманском звании трубит. А он год назад капитан-лейтенантом стал, майором сухопутному, что батальоном командует.

На Балтике и Черном море в таком чине офицеру корвет под команду дают, ну а здесь только бриг. Мало тут русских корветов, десятка не будет, хоть все моря с океаном обшарь, от Охотска до Форта Росс, что в Калифорнии. А фрегат так вообще один в здешних водах, и тот сейчас на Гавайских островах пребывает, где местные туземцы под покровительство императора Петра Федоровича попросились.

Крузенштерн счастливо улыбнулся — он был рад получить «Надежду», построенную год назад на Ново-Архангельском Адмиралтействе. Великими стараниями графа Алексея Григорьевича Орлова-Калифорнийского, наместника Русской Америки, там в кратчайшие сроки были обустроены несколько верфей, на которых уже третий год строили по десятку крупных кораблей, от корветов до шлюпов.

Крепко сшитые корпуса, мореходность на ять, как раз для Великого Океана, но ходки слабые, тяжеловаты на бег. Зато свои, и в нужном количестве все необходимое для них на месте производят, кроме пушек — те до сих пор из России везут на транспортных галиотах.

Потому и остался капитан-лейтенант Крузенштерн в здешних водах — собственными глазами видел молодой человек, как приращено здесь могущество российское.

Да и как уезжать-то, если в Петровской гавани есть та, о которой томится сердце. И хоть хочется туда рвануть на всех парусах, поскорее увидеть милое лицо, но долг капитана он уже усвоил твердо и потерять по собственной глупости бриг на кратком пути от Ново-Мангазейского острога до Кадьяка не желал категорически.

Потому сейчас «Надежда» еле шла в тумане, а сам капитан-лейтенант размышлял, какой приказ он получит от губернатора Шелихова. На ум приходил только один, годами набитый курс — прямиком на Камчатку.

— Ну, что ж, схожу в Петропавловск, — тихо произнес Иван Федорович, — может, письмо от отца пришло с разрешением на свадьбу...

День пятый

1 июля 1797 года

Дарданеллы

— Грязные, вонючие варвары!

Вице-адмирал Нельсон, как всякий уважающий себя британец, откровенно презирал русских, этих наглых московитов, вечных холопов своего царька, коего стоит показывать на ярмарке, выбрав надежную клетку, на потеху публике. И запереть его следовало накрепко, чтоб своими ужимками не напугал почтенных джентльменов.

Известие о войне османов с русскими адмирал получил семь дней назад вместе с инструкциями от Адмиралтейства. Они были просты — взять половину своей восточной Средиземноморской эскадры, оставив другую часть в Египте, в Абукирской бухте, и немедленно отплыть в Дарданеллы, дабы занять их раньше, чем московиты успеют там высадиться.

Мешкать Горацио Нельсон не любил — и уже утром семь линейных кораблей в сопровождении двух фрегатов вышли в море. По пути англичане перехватили два русских транспорта и, хотя войны не было объявлено, захватили их немедленно. Адмирал решил передать эти суда туркам, ему они были, откровенно говоря, не нужны.

Но тут дело принципа — с самых первых часов Нельсон хотел показать этим русским, кто в море хозяин. Однако, промешкав из-за сильного встречного ветра, английская эскадра прибыла в злополучную для турок Чесменскую бухту, где ее поджидало ошеломляющее известие.

Оказывается, еще в первый день войны русские корабли под флагом старика Грейга ворвались в Дарданеллы, высадили там десант и теперь спешно укрепляются в старых турецких фортах.

Новость немного удивила, но не больше — менять свои планы Нельсон не стал, да и не желал этого делать. Даже встреченный у Тенедоса потрепанный турецкий флот не заставил адмирала остановиться для более детального изучения обстановки.

Османов англичане не считали за достойных противников, так что даже русские могли их побить, что они иной раз и делали. Зато против британского флага московиты никогда не осмеливались выйти; их царь в прошлую войну трусливо убрался, едва узрев в Босфоре красный крест Святого Георгия. И так будет всегда!

Сегодня его эскадра войдет в Дарданеллы, и если московиты сделают хоть один выстрел со старых фортов, то он смешает наглецов с землею. Затем нанесет визит султану и поведет корабли в Черное море.

Демонстрация английского флага у русской базы Севастополя произведет на московитов неизгладимое впечатление, и они сразу же сменят наглый тон на просительный и заискивающий.

— Я их еще заставлю платить дань крымскому хану, — хрипло, как ворон, засмеялся Нельсон. — А Крым пусть вернут Порте. Нечего делать грязным московитам в Европе, только вонь свою принесут. И не пущу их я, и только я, дав один наглядный и запоминающийся урок.

Петергоф

Губернский секретарь Федор Иванович Миронов любил разглядывать в окно утренний Петергоф, освещенный первыми лучами восходящего солнца. Такая у него была служба, что перед рассветом и закатом он сидел на жестком стуле, и из всех развлечений оставалось только

одно — смотреть на прекрасный дворец, у которого взметались в голубое небо фонтаны.

Большой каскад со знаменитым Самсоном, как он смутно помнил из читанной когда-то книжки, мифическим героем древней Эллады, раздирающим пасть льва, из которой устремлялась в небо могучая водная струя, к великой зависти своих родных и знакомых, он видел каждый день.

Еще бы его не видеть, если искровая станция, где служил Миронов, считалась императорской, а депеши, что Федор принимал каждый день, ложились прямо на стол матушки-государыни.

Миронов гордился этой службой — не хухры-мухры дворцовое — слуги, лакеи, повара, всяко прочие, нет, он — искровик, или телеграфист, как говорил батюшка-император. Хотя первое название нравилось всем, но на втором настаивал сам государь. Да и не простой искровик, а старший, от чина которого совсем близко первая чиновничья звездочка, что почти как офицерская.

Люто завидовали ему друзья, и даже почтенные соседи, что с родителями жили, перед ним заискивать начинали, когда он на побывку к отцу с матерью приезжал. Еще бы не завидовать!

Федор посмотрел в окно, и стекло отобразило молодого парня, только двадцать три года ему исполнилось. Ладный мундир, пусть и без погон, что одним военным положены, но с петлицами, в каждой из которых по три тонких полоски под разлапистой эмблемой. Пусть и невелик у него чин, но старшему сержанту соответствует, а жалованье даже вдвое больше положено. И не просто так — он хоть кровь свою на поле боя не проливает, но такие секреты через него проходят, что...

— Кхм...

Миронов осекся, даже приподнялся со стула. До смертного часа он никому не заикнется о своей службе, тайной и очень нужной государству. Все знают, что в почтовом ведомстве он, но никто не ведает, что не главный почтальон и не держатель ямской станции или старший там делопроизводитель.

Нет, он искровик, причем дворцовый, что отдельную присягу самолично императору дают и только перед ним ответ держат. И если скажешь кому хоть полслова, то батюшка-государь сразу это выведает, от него не утаишь — и покатится голова с плеч. Зато и честь великая, ведь и царя, и царицу Федор не единожды видел и даже отвечал на вопросы.

И благодетельствовали его державные супруги однажды, табакерку вручив к праздникам пресветлым. Серебряную, жуть как тяжелую и потому дорогую. Да еще с дарственной гравировкой за службу честную — родители ее в красном углу на отдельной полочке держат, пыль ежедневно вытирают, перед гостями сыном гордятся.

Семь лет тому назад взяли уличного лотошника Федьку на учебу в почтовое училище — отец рад был зело, всем говорил, что сын в люди выбьется. И то — не напрасно батюшка его в школу водил, деньги платил кровные, где арифметику с грамотой его вьюнош постигал.

А потому после двух лет учебы, как отличника, перевели его на искровое отделение, где узрел он чудо дивное — телеграфный аппарат. И с силой, что его в действие приводит, незримой и осязаемой, познакомился. Обожгло один раз язык крепко электричеством, когда он по дури языком провод голый лизнуть удумал. Крепко тогда шарахнуло, аж искры из глаз посыпались. А будь ночь, то увидал бы он все, так ему показалось, будто солнышко малое в глазах появилось...

Руцук

— Врешь, не уйдешь, — сквозь зубы прошептал лейтенант Лисянский, еще молодой 24-летний моряк, пристально глядя на приближающийся борт огромной турецкой галеры.

Несмотря на предрассветные сумерки, ее было хорошо видно — огромное зарево пожаров полностью накрыло турецкую крепость. Длинные языки пламени и густые клубы черного дыма превращали короткую летнюю ночь в незабываемое зрелище.

Старинная цитадель доживала свои последние часы, расстреливаемая из мощных русских пушек. Это отлично понимали и сами обороняющиеся, недаром этой ночью несколько десятков турецких кораблей прорвались по Дунаю к Рушуку. На их палубы сразу же ринулись в поиске спасения тысячи обезумевших от кошмара недельного обстрела жителей и впавших в панику солдат гарнизона.

Вот только давать врагу возможность провести эвакуацию русское командование не желало, и испытать новое оружие настоятельно требовалось.

Под флагом Юрия Федоровича Лисянского шли шесть еще невиданных прежде новинок — паровых винтовых катеров, вооруженных выдвигаемыми на длинных шестах минами.

Эти большие клепаные железные бочки были снаряжены пятью пудами страшного по своей мощи аммонала и имели мягкое и ласкательное название — «хлыстик».

Вот только от удара такого «хлыста» два месяца тому назад старый бриг, выставленный в Днепровском лимане для демонстрации, развалился от подводного взрыва на две части. Но то были учения, а сейчас схватка, а это две большие разницы.

Тем паче что бой для Лисянского был первым, в прошлой войне с турками из-за младости лет он, понятное дело, не участвовал. Да и на флотскую стезю встал совершенно случайно.

Уроженец тихого Нежина, в его жилах смешалась украинская, польская и казацкая кровь — сама судьба и происхождение гарантировали ему офицерские погоны в Нежинском гусарском полку. Вот только отец решил иначе — старый майор, пораженный небывалой победой русского флота при Чесме, поклялся прилюдно, что если у него родится сын, то служить отпрыск будет исключительно на качающейся под ногами корабельной палубе.

Сказано — сделано, и когда три года спустя на свет появился младенец, ему была с детства уготована участь моряка. Но сам Юрий не жалел — многочисленная родня в Нежине прошлым летом, когда он побывал в отпуске, с нескрываемой завистью поглядывала на его черный флотский мундир и занималась увлекательным для себя делом — ему подыскивали достойную невесту. Пришлось объяснять, что флот не гусары и тем паче не армия, и жениться там разрешено по миновании семи лет службы в офицерском чине, не ниже старшего лейтенанта, и никак не раньше...

— Ал-ла!

Сквозь орудийный грохот пробились отчаянные выкрики турок, но Лисянский надеялся, что враги не заметили рокошующие русские катера, а шум паровой машины затерялся на фоне чудовищного пиршества Марса. Теперь он с задыханием ждал только одного — когда шест с бочкой на конце войдет в воду и ткнется под днище выбранной им для атаки галеры...

Петровская Гавань

— Эх, годы мои тяжкие...

Губернатор Аляски, статский советник Шелихов, по привычке вытянул руки, поднимаясь с кровати. Если бы двадцать пять лет назад сказали, что занесет его из города Рыльска, обычного мещанина, которых в каждом русском провинциальном городке пруд пруди, на самый край земли, на далекие северные острова, он бы напрочь отказался верить.

Как и в то, что станет статским советником, что раньше бригадирскому рангу соответствовал, а сейчас полковничьему. Велик чин, но и давит на плечи ответственностью тяжелой.

Да и насчет лет своих Григорий Иванович лукавил сильно — сорок пять не возраст совсем,

первая седина в голове только появилась, а тело крепкое, будто дуб мореный, лишениями на чужеземной земле закаленное.

Тихо, на цыпочках отойдя от широкой кровати, где сладко посапывала супруга, губернатор приотворил дверь и вышел из спальни, бережно затворив за собой. Негромко произнес, зная, что старый слуга уже не спит:

— Иван! Воды подай, мыться.

Дверь в горенку отворилась, и на пороге появился старик с тазом и кувшином, из которого исходил пар.

— Здесь я, барин...

— Сколько раз говорить — не барин я тебе!

— Так привык я, Григорий Иванович, ты уж не обижайся!

Шелихов хмыкнул — день начинался хреново, с «барина», а это сулило неприятности. Такой вот у них выработался ритуал за последние годы. А что касается «барина», то эта дань прошлого — Ванька Максимов был беглым крепостным, сбежавшим сорок лет назад от лютого помещика в Сибирь. Теперь же такое просто невозможно — крепостное право уже как десять лет отменено, а оставшиеся за владельцами крестьяне просто платят им установленные императором подати.

Да и то только в том случае, если дворяне продолжают служить в армии и на флоте, причем все мужчины поголовно, без каких-либо изъятий, за исключением престарелых и немощных.

Тут манифест «О вольности дворянской» император так завернул, что в армии от дворян не протолкнуться, а здесь, на дальних окраинах, так вообще — каждый год своею охотой на Аляску несколько дюжин недорослей прибывают, дабы десятилетнюю службу отправить. И выполняют ее с прилежанием, так, что даже граф Орлов удивление свое выказывает и в пример их ставит...

— На руки еще полей. — Шелихов тщательно мылся, а мысли ворочались в голове сами по себе. Вот его самого взять — думал побывать на Аляске немного, да прикипел к ней всем сердцем. Жену свою с двумя маленькими дочками из Иркутска забрал и сюда на корабле перевез, выполняя строжайший царский указ.

Поначалу близкие роптали, но смирились, а теперь и свыклись. А почему так произошло?

Да потому, что даже в Иркутске они никто, и, тем паче, в далекой России. А здесь у них положение. Недаром флотский офицер фон Крузенштерн, из природных немцев, что через одного бароны, к его младшей Настеньке сватается...

Дарданеллы

— Московитам хочется получить еще один урок?! Ну, что ж, они его получают, и пусть пеняют на себя!

Горацио Нельсон с усмешкой посмотрел в подзорную трубу — на каменистых валах сустились маленькие фигурки русских канониров да торчали орудийные стволы. Позиция московитов была ими укреплена, и хорошо — два приткнувшихся к берегу обгорелых остова турецких кораблей были молчаливым тому подтверждением.

Стопушечный флагманский корабль «Агамемнон», горделиво распустив все паруса, величественно шел впереди кильватерной колонны. Лишь несколько сбоку и чуть впереди рысил тридцатипушечный фрегат «Венус», исполняя функции авангарда.

— Две тысячи лет тому назад легендарный царь Микен Агамемнон с ахейским войском тоже плыл сюда. Ведь где-то там, за холмами, можно увидеть развалины знаменитой Трои, сэр.

Капитан флагмана Трубридж блеснул эрудицией, ведь в Англии почитали героев античности. Недаром чуть ли не треть эскадры носила их имена — были тут и Ахиллес с Патроклом, и хитроумный Уллис, что протащил в крепостные ворота деревянного коня. Как там

написано: «Бойтесь данайцев, даже дары приносящих!»

— Мы им не подарки пришли дарить, — усмехнулся вице-адмирал, и его вытянутое лицо приняло хищное выражение. — От наших ядер у них самих желание возникнет нас одарить! Варвары!

Нельсон не скрывал своего пренебрежения, потому что успел осмотреть русские укрепления. Одним уцелевшим глазом он видел много больше того, что даже знающие моряки разглядывали положенной по природе парой глаз. И высчитал орудия, что встретили столь горячо турок. Всего сорок, никак не больше. Три десятка справа, остальные слева. Не слишком серьезная преграда для его кораблей, имевших на палубах свыше семи сотен пушек.

— Сэр! Русские подняли на береговой мачте сигнал — «Ваш курс ведет к опасности!»

— Не отвечать! — высокомерно бросил адмирал. Но на берег посмотрел внимательно — по мачте поползли вверх новые флаги, весело развернутые хорошим ветром.

— Сэр! Эти московиты требуют, чтобы мы спустили паруса и встали на якорь. Они подняли еще второй сигнал — «Лечь в дрейф незамедлительно, курс приведет к крушению».

— Пугают?! Не отвечать!

— В проливе видны несколько русских кораблей. Они вытягиваются в боевую линию, сэр!

— Мы их сомнем с ходу, Трубридж...

— Сэр! Но на мачте уже поднят желтый флаг с черным орлом. Это вроде как царский штандарт!

Нельсон усмехнулся и демонстративно приложил подзорную трубу к выбитому глазу.

— Не вижу императорского флага и сигнала! Эскадре следовать вперед. На первый выстрел русских отвечать всем бортом!

Петергоф

— Пошла писать губерния, — пошутил Миронов. Так уж случилось, что делопроизводители были с «губернскими», а не с коллежскими чинами, и скрипели перьями везде, во всех городах и весях. Оттого который год и ходила по стране эта шутка.

Федор подключил телеграфный аппарат к проводам, которые шли из соседнего здания, где размещались большие, чудовищно тяжелые ящики электрической батареи.

Еще в почтовом училище их всех познакомили первым делом с Лейденской банкой, в которой вырабатывалось электричество. И пустили искру — выглядело впечатляюще, все школяры дружно разинули рты.

А потом пошла учеба, такая интересная и захватывающая, что два года пролетели как один день. Лейденская же банка оказалась примитивной до дури, в сравнении с батареей, что электрическую силу в себе аккумулировала. И на телеграфе долго учили работать, выбивать ключом за один урок тысячи точек и тире без единой ошибки.

А еще им показали в конце обучения лампу, что горела от электричества ярче любой свечи, и секрет величайший — паровую машину с громоздким агрегатом, что ее крутил и то самое электричество вырабатывал. И теперь на каждой станции такие генераторы устанавливают, жаль, что пока медленно, ведь линии прокладывают намного быстрее...

Аппарат зазвенел, и Миронов отринул все мысли — скоро ему принимать передачу, что шла только утром и вечером, а за допущенную ошибку он головой отвечает. Он сам, а не его помощник, губернский регистратор Гришка Пузин, что в училище на прозвище Пузо отзывался.

— Прием пошел, Федор Иванович, — доложил Пузин, предупредительно наклоняясь. «Уважает начальника», — подумалось Миронову, хотя у них разница всего в одну лычку.

Но дело в том, что помощник начальника станции, бывший армейский поручик фон Лямпе, которому добавили третью звездочку коллежского асессора, вот уже как три месяца тяжело

болел, страдая от ран, и все ждали, когда он уйдет на положенную пенсию. А на освободившееся место прочили как раз Миронова — и почтовое училище с отличием закончил, и телеграфное отделение, и сейчас обязанности помощника выполняет безукоризненно. Кому ж еще должность предназначена?!

Этого момента Федор ждал с затаенным страхом в душе — а вдруг мимо него пройдет, такое не раз бывало. А ведь помощник — это звездочка титулярного советника в петлицах, подпоручику армейскому равен, офицеру! Как тут не опасаться и в страхе не пребывать?!

Аппарат застрекотал, из него поползла длинная бумажная лента, утыканная точками и росчерками стальной иглы. Федор принимал ее с ножницами в руке, быстро нарезая полосы, а Пузо умело и сноровисто тут же их прижимал к планшету, где тонкими полосками был заранее нанесен клей. А как иначе — за ошибки при расшифровке или передаче телеграмм карали страшно, а потому планшеты хранились год, так что их могли взять для проверки в любое время чиновники из второго отделения царской канцелярии.

— Прием окончен, — чисто по-приказному произнес Федор и уселся за аппарат. Положил руку на ключ и отстукал подтверждение. Затем взял планшет и, смотря в него, стал превращать на листке бумаги знаки в буквы.

Это делалось легко — в училище «телеграфную азбуку» так вбивали в голову, что поднимали любого даже ночью, и тот без заминки, не запинаясь, «переводил» ленту в привычные всем буквы и слова...

Руцук

— Под борт подводи, под борт!

Лисянскому казалось, что матросы во главе с боцманом двигаются чрезвычайно медленно, будто в воде. Шест с угрожающе покачивающейся миной уже выдвинулся на четыре сажени и вошел в воду как раз перед самой галерой. А там царил переполох — турки только сейчас узрели вынырнувший из туманной дымки русский катер.

Но не стреляли — вид корабля, плывшего без весел и парусов, привел магометан в изумление, а этим грех было не воспользоваться.

Раздался легкий толчок, и лейтенант присел в выступающей будочке рубки, обшитой снаружи толстыми железными листами.

Страшная сила отшвырнула катер от его жертвы — высоченный водяной столб взвился в небо у самого борта галеры, и огромная масса воды рухнула сверху, щедро окатив турецких и русских моряков.

— Огонь! Полный назад!

Лисянский звучно отдал приказы, прекрасно понимая, что остались считанные секунды перед тем, как начнется стрельба. И тут же снова присел: почти одновременно прозвучали еще несколько страшных взрывов — шестовые мины русских катеров нашли свои жертвы.

На носу с лихорадочной поспешностью стала выплевывать пули многоствольная картечница, установленная на тумбу и прикрытая железным щитом для защиты расчета.

Здоровенный матрос с натугой крутил толстую ручку, стволы медленно вращались, принимая в казенники досылаемые по желобу патроны, который сноровисто заряжал юркий, как окунь, молодой морской пехотинец. Только руки проворно мелькали, да сыпались вниз золотыми рыбками латунные гильзы.

А вот наводил сию многоствольную пушку опытный старшина — Лисянский видел, как на соседней галере началось неопишное. Турки вместо того, чтобы нацелить на катер пушки, попав под град пуль, распластались на палубе, прячась за банками, стараясь хоть тут найти себе более-менее надежное убежище.

Какая уж тут драка, если свинцовый град выкашивает все живое — все русские «миноносцы» имели по две многоствольные установки, на носу и корме, и сейчас старались дружно прикрыть отход, с нескольких катеров разом обстреливая перекрестным огнем наиболее опасных, опомнившихся от первоначального замешательства противников.

— Хорошая штука этот пулемет, — теперь Лисянский полностью уверился, насколько опасна эта штука. И ведь для пехоты крайне полезна — с десятков спокойно любую кавалерийскую атаку в зародыше изведут.

— Господин лейтенант, — боцман был смутен видом, глаза горели победным огнем. Но говорил глухо, и Лисянский тяжело вздохнул, приготовившись к дурной новости. И она последовала незамедлительно. — Впятером ушли, все пять мин взорвали успешно.

— Почему впятером? Я слышал шесть взрывов!

— «Смелый» слишком приблизился. Мыслью, офицера убило, а боцман заторопился ударить. Вот и... Галеру турецкую разнесло, и катер опрокинуло. Мир их праху — они были смелые моряки!

Петровская Гавань

Позавтракав в кругу семьи, Григорий Иванович Шелихов прошелся по единственной улице «Царевой пристани» — так в обиходе называли этот городок и порт его основатели, известные всей России братья Орловы, тридцать с лишним лет тому назад.

Добротные усадьбы шли по обе стороны, над небольшой площадью возвышалось губернское присутствие, рядом стояли два двухэтажных здания — воинская казарма и постоялый двор, где всегда былолюдно. Над бревенчатыми строениями возвышала золотые маковки куполов единственная в городке каменная церковь Святого Петра.

У нескольких пирсов качались на волне с полдюжины кочей и три десятка рыбацких баркасов. На отдаленном мысу высилась каменная крепостица, закрывавшая от врага гавань, уставив в море хищные и смертельно опасные жерла четырех 36-фунтовых пушек, доставленных сюда в прошлом году. На высоком флагштоке лениво трепыхалось белое полотнище с диагональным синим крестом — российский военно-морской флаг.

Григорий Иванович тяжело вздохнул — ему нравилась Петровская Гавань, всем сердцем прикипел он к ней. Но делать было нечего — по указу императора центром губернии отныне назначался Ново-Мангазейский острог, расположенный севернее от острова, на самой Аляске, на берегу протяженного залива.

Государь правильно указал, что наступила пора взять весь гигантский полуостров под контроль, а с нового острога это было сделать намного легче, чем с Кадьяка. И до Юконского острога, третьего русского городка на Аляске, путь оттуда чуть ли не вдвое короче.

Григорий Иванович уже отдал необходимые распоряжения и теперь мысленно прощался с «Царевой пристанью». Нет, он еще будет сюда возвращаться — все же уездный центр всех Алеутов, — но не будет уже чувствовать себя как дома.

Да и меньше в ней станет жителей, чуть ли не вдвое против прежней тысячи. Чиновники казенного присутствия с семьями, купцы с чадами и домочадцами, губернский воинский начальник да добрая половина казачьей команды — все они этим летом уже переедут в Новую Мангазею, где под защитой береговых укреплений для них построены усадьбы и дома. Туда же переведут с таким трудом созданную гимназию с кадетским классом, да корабли многие уйдут также в новый порт...

— Господин губернатор!

Хриплый знакомый голос вывел Шелихова из размышлений. Старый казачий урядник Косых тормозил его за рукав, показывая рукою вглубь широченной бухты, вход которой в море

был на приличном удалении, таком, что и не разглядишь толком.

— Смотри, Григорий Иванович! Чужак к нам идет!

Шелихов прищурил глаза — действительно, вдоль бухты ходко шел довольно большой корабль, укутанный парусами. Бриг шел ходко — такие вещи губернатор уже умел определять с ходу, но был чужим, не своим, это точно — русские корабли здесь все знали наперечет.

В крепости хрипло взывала труба, шустро забегали канониры, готовясь к встрече с незванным гостем. Закрыты были для торговли Алеутские острова, о чем были оповещены все державы. Хотите торг вести — милости просим в Ново-Архангельск, но никак не сюда, запрет великий на то положен Высочайшей волею. Ведь отсюда с бережением великим, под конвоем сильным, отправлялось в Николаевск-на-Амуре добытое старателями на приисках сурового Юкона золото.

— Надо поостеречься, Григорий Иванович. Что-то мне сильно не нравится сей корабль!

Старый казак силою увлек Шелихова под прикрытие толстой бревенчатой стены, и губернатор послушно отошел. Заметив, что и жители, наученные давним горьким опытом, тоже стали отходить под укрытие. Еще бы — теперь все увидали, что корабль идет сюда под английским флагом, от которого всегда пакостей ожидать нужно.

— Неужто они нам войну объявили, а мы не знаем?!

Наперебой заговорили между собою собравшиеся на берегу жители городка, косясь на губернатора, а Шелихов только демонстративно пожал плечами — новости из России шли сюда медленно, из Петербурга весенний курьер прибывал уже осенью...

Дарданеллы

— Борзоту бы с вас повыбить, и крепко! Совсем обурели, пальцы веером, сопли пузырем — стрелку забьем! Тьфу на вас!

Петр пристально смотрел в бинокль и тихо ругался сквозь зубы. Британцы перли буром, не обращая никакого внимания на вывешенные сигнальные флаги. Было видно, как на палубах кораблей суетятся матросы, откатывая заряженные пушки.

— Даже к императорскому флагу никакого почтения, — продолжал яростно бормотать Петр, — и остовы турецких кораблей им не в пример.

Два турецких линкора, выбросившиеся на берег, представляли печальное, прямо душераздирающее зрелище. С проломанными бортами, закопченные, потеряв все мачты, они напоминали огромных китов. Несколько в стороне из воды торчала мачта, словно лиственница в затопленном водохранилище, — еще одно немое свидетельство отгремевшей баталии.

Шедший впереди английский фрегат красиво скользил по голубой ленте пролива, а русские моряки на трех винтовых корветах затаили дыхание. Нет, все знали, что в Дарданеллах выставлено надежное минное заграждение, неудачный прорыв которого полностью деморализовал османов.

Но кто знает этих англичан?! Вдруг им улыбнется удача и они не зацепят мины? Пушки бригадира Бонапартова, конечно, выбьют из них спесь, вот только вряд ли остановят всю эскадру — девять мощных кораблей слишком серьезная сила, да и британцы не подарок. Не чета османам, противник умелый и лютый, это они в Босфоре продемонстрировали, до конца с русскими «кабанами» безнадежный бой вели.

Вот потому за корветами выстраивалась линия из четырех линейных кораблей под флагом контр-адмирала Сенявина. Именно она примет на себя удар прорвавшихся британцев, потому что корветы немедленно отойдут назад — слишком слабы они для баталии...

Британский фрегат словно подбросило из воды, мачты качнулись, прикрытые султаном воды, и рухнули в кипящее море.

Следом вспучился водяной столб у линейного корабля, шедшего под адмиральским флагом. Тот рыскнул в сторону, потеряв две мачты.

В его корму сразу же врезался на полном ходу следующий за ним в кильватерной струе корабль. Одна из мачт не устояла и, качнувшись, рухнула на подранка.

— Два взорвались, один стреножен, государь!

— Сам вижу, — холодно бросил Петр на радостный выкрик капитана. Ликования он не испытывал, хотя британцы потеряли треть эскадры махом. Тут разборки межгосударственные такие начнутся, что дипломаты замучаются меморандумы писать. — Думаю, у них хватит ума остановиться, — пробормотал с надеждой в голосе Петр и тут же понял, что британцам доводы рассудка не нужны, когда ими движет взбесившаяся спесь и ярость.

Корабли укутались густым пороховым дымом — было хорошо видно, как ядра разносили в пыль каменные стенки укреплений. Вот тут Петр подзабыл свое нарочитое миролюбие — стерпеть такое он не мог. Однако укрепления молчали, и он в гневе воскликнул:

— Мы не на балу, а ты, Бонапарт, политешься тут англичанам устраиваешь?! Скандала бо...

Петр осекся, его брань в адрес корсиканца оказалась напрасной. Белый дым заволок два берега — батареи дружно послали ответные гостинцы.

Да и минное заграждение собрало очередной свой улов. У борта линкора встал водяной столб, и почти сразу же из его чрева, выворачивая палубу, полыхнуло пламя. И чудовищный взрыв не только разметал горящие обломки, но нашел еще одну жертву — второй фрегат разделил участь первого, буквально на глазах превратившись в полыхающий костер.

— Зело, однако...

Петр не мог поверить собственным глазам — увидеть такое нещадное избиение англичан он не ожидал в самом горячечном бреду. И тут, словно размытая химера, выросло еще одно видение — два британских линкора напоролись на мины, стараясь совершить маневр и уйти от губительного огня береговых пушек.

Он не ошибся, взяв Бонапарта на русскую службу — несостоявшийся французский император военное дело знал прекрасно. Бомбические пушки буквально в труху размолотили линейный корабль, тот потерял ход и беззащитно покачивался на морской глади.

У последнего «британца» явно не выдержали нервы — линкор стал разворачиваться в узости, стремясь улепетнуть. Да не тут-то было — продольное минное заграждение специально для противодействия таким маневрам было предназначено.

В голубое небо взметнулся очередной водяной столб, а через несколько минут английский линкор, повалившись, обреченно лег на борт. Пушки на берегу прекратили стрельбу, и тишина оказалась на секунду такой давящей, что Петр непроизвольно закричал, желая услышать хотя бы собственные звуки. И тут на кораблях взорвался многоголосый ликующий хор, и в небо белыми птицами взлетели бескозырки.

— Виктория! Виват!

Петергоф

Прочитав первую ленту, Миронов посерел лицом — о таком он знал, это крепко ему в голову вдолбили, но за все годы службы ни разу не слышал. И действовать нужно было немедленно, и первым делом сразу накрыл планшет с принятой телеграммой.

— Государево слово и дело, — глухо, но четко произнес телеграфист, и Пузо, с побелевшим лицом, рванул опечатанную дверку шкафчика на стене, схватил флажок, сунул в губы свисток и, разматывая красную ткань, выметнулся за дверь. Привалился к ней снаружи, хотя Миронов тут же закрыл за ним засов.

И правильно сделал, все по инструкции, ибо есть такие государственные тайны, о которых

многим знать не надлежит.

Федор вытащил из-под мундира ключ, открыл сейф начальника и достал секретную тетрадь. Расписался там в получении депеши, достал красный футляр, как раз для таких случаев предусмотренный, и уселся за стол, принявшись быстро расшифровывать сообщение. А за окном разливалась переливчатая трель свистка — Пузин тоже хорошо знал и помнил инструкцию и теперь ее выполнял.

Работа была проделана за несколько минут. Миронов вложил листок в футляр, быстро расписался на планшете и запер оный в железный ящик. Новость его ошарашила, но он напустил на лицо ледяную маску — о таких делах ведать надлежит только государыне. И, помешкав одну только секунду, собравшись духом, рванул массивный железный засов и, держа на вытянутых руках красный футляр, вышел за дверь.

У здания его уже ожидали, так что в сердце екнуло. Такого он просто не ожидал и представить не мог в самом горячечном бреду.

Напряженно застыл, кусая в нетерпении седой ус, старый наперсник императора. Рядом с ним подполковник, командир караульной роты, капитан и полдюжины солдат с винтовками — все с поседевшими головами, в шрамах и отметинах от множества боев, в которых они участвовали. Так император повелел — брать в дворцовые гренадеры тех гвардейцев, что по ранам своим службу в поле нести не могут.

— Командир лейб-гвардии Дворцового батальона полковник Берген, — лязгнул голосом комендант Петергофа, словно клинком, а глаза тревожные, с затаенным страхом, но положенную инструкцию соблюдал четко.

— Срочная депеша, — негромко произнес Федор и добавил громче, с пониманием, внушительно: — Государево слово и дело!

Федор смог выдержать впившийся в него взгляд коменданта, что впервые, как и все во дворце, услышал трель свистка и красный флажок, суматошно мелькавший в воздухе. Потому и прибежал первым, страшась услышать о своем благодетеле недобрую весть. А ведь за обеденным столом был полковник, что любому армейскому генерал-майору равен — крошки хлебные на рукаве прилипли, да обшлаг мокрый, видно, вино пролил.

И Миронов не выдержал, глядя в умоляющие глаза Бергена — он только моргнул легонько, как бы говоря, что все в порядке, беды нет, даже наоборот. И увидел, как судорожно сглотнул старый офицер, с какой благодарностью одарил его взглядом. Но то было секунду, и стальным голосом комендант отдал приказание и одновременно выхватил из ножен шпагу.

— Господин подполковник! Путь должен быть чист! Выполнять!

— Есть, господин полковник!

Раньше бы Федор усмехнулся, глядя, как резво побежал старик с двумя пожилыми солдатами, но сейчас даже мысленно не улыбнулся. Понял, что и они так же честно выполняют присягу.

— Прошу следовать за мною, господин губернский секретарь, — тем же стальным голосом скомандовал полковник. — На кра-ул!

Солдаты лязгнули затворами, загоняя патроны, а потом дружно выхватили длинные кинжальные штыки и примкнули их. И пошли, с отрешенными лицами, держа ружья наперевес.

Миронов шел позади полковника, и на глаза поневоле накатывали слезы. Он теперь знал, что, случись нападение (совершенно невозможное дело, вроде африканской жары под Рождество), все эти офицеры и солдаты полягут, защищая его до последней капли крови. Вернее, ту депешу от императора, что сейчас держат его руки.

— Небеса оказались к нам неблагосклонны. Кысмет...

Пожилой паша, в изорванной одежде, с обгорелой бородой и перевязанной чистой холстиной головой, низко и почтительно поклонился сидящему перед ним генералу.

— Пусть мне отрубят голову по приказу пресветлого султана, да хранит его Аллах, но держать крепость я больше не в силах.

— Вы и так, Ибрагим-паша, сделали сверх того, что положено честному воину. Просто мы оказались намного сильнее, чем вы предполагали. Наши ружья просто выкашивают ваших безусловно храбрых аскеров, что напрасно дерутся до конца. Столько молодцов погибло...

Генерал-аншеф Кутузов говорил негромко и без ноток привычной для него вкрадчивости. Михаил Илларионович был еще та лиса, про таких говорят, что стелет мягко, вот только спать на жестком приходится. Он прекрасно знал такие отзывы, но тщеславия здесь не проявлялось, даже когда ему передали слова любимого наставника фельдмаршала Суворова: «Ой хитер, ой мудер, никто его не обманет!»

Недаром после второй войны с Турцией государь назначил именно его, тогда молодого сорокалетнего генерала, чрезвычайным и полномочным послом в Турцию. И Кутузов с блеском воспользовался этой крайне нужной для страны поездкой.

Все иностранные дипломаты писали о полнеющем ловеласе и развратнике, который чуть не проникнул в султанский гарем, бережно хранимый евнухами. Зато ни один из них, и даже вечно зыркающие на гяуров турки, не заметил, как русский посол создал дополнительную сеть агентуры, крепко подсадив на бакшиш множество приближенных султана Селима.

И не зря русское золото или текло тонким ручейком, или щедро разбрасывалось горстями — недаром двое пашей, те, с кем имел долгие приватные беседы уважаемый Кутуз-паша, сдали вверенные им крепости Никополь и Варну в первые часы войны.

Да и свитские моряки, специально включенные в делегацию, что изображали тупых канцеляристов и любителей рыбной ловли, хорошо постарались — лоции и планы береговых батарей на обоих берегах Босфора стали весьма неплохим уловом.

Впрочем, турки им не особо мешали, для них важнее всего была позиция Англии, благодаря которой «две красивых девственных гурии», а так они именовали Проливы, остались в их руках.

— Хм...

Вспомнив красочное восточное сравнение с невинными прелестницами, моложавый, пусть и тучный, и совсем не старый генерал — едва за 52 года перевалило — игриво хмыкнул.

Да уж — мастера тут турки, но ничего не видят и уроки не любят извлекать. Или они просто не желают вспоминать обстрел Грейгом Константинополя, что стал для них неслыханным позорищем.

Или визиты пьяных английских матросов по всем значным местам и вертепам Константинополя. Так же, как не желают замечать и английские корабли, что уже четырнадцать лет неизменно стоят в Золотом Роге.

Какая уж тут девственница — шлюхи прожженные с таким стажем, что в любой бордель с руками оторвут!

Петровская Гавань

От корабля отлетел белый пороховой дым, но то был не приветственный салют, что положен при входе корабля в иностранный порт. Жители это поняли сразу и порскнули, как зайцы, в разные стороны, оберегаясь от вылетевшей из пушки смерти.

С шипением небольшое ядро пролетело над свинцово-синей гладью воды и ударило в камни, омываемые волнами. Осколки разлетелись в разные стороны, вспенив воду.

Недолет!

И тут же ответно громко рывкнула береговая батарея, которую моментально заслонило густое облако дыма. Сильно прогрохотала, куда там слабосильным корабельным пушчонкам. Но ветер тут же отнес его в сторону, рассеял на лоскуты и погнал вглубь бухты. А у борта брига отчетливо всплеснулось море, и тут же отлетели щепки. Корабль испуганно вздрогнул всем корпусом от попадания тяжелого, почти пудового ядра, предназначенного для пробития толстенных деревянных стен рукотворных морских крепостей — грозных линкоров.

С моря суматошливо тявкнули пушки — английский бриг, сделав залп всем бортом, стал с разворотом уходить вглубь бухты, подгоняемый громкими криками взбодренных горожан.

— Что, не по нутру прихлась русская закуска?! — надсаживая горло, заорал старый рыбак, и ему радостно вторили другие голоса.

— В коленях слабо стало!

— Так их, родненькие!

— Бейте поганцев!

— Всю души с англичанки вытряхните!

Шелихов усмехнулся — выстрелы с британского корабля не испугали, а разъярили русских поморов, которые собрались на берегу в изрядном числе, только баб с детишками не было — их немедленно услали.

И в руках был не хлеб-соль для незваных гостей, а тускло поблескивали стволы граненых винтовок и старых кремниевых ружей, что уже за оружие давно не считались. Благо в каждом втором доме в Петровской Гавани они были. А в каждом первом казаки с воинскими людьми проживали; у тех винтовки на стенках постоянно висят, чтобы под рукою всегда были — служба обязывает.

Губернатор скривил губы — попытавшийся напасть на город вражеский бриг явно не ожидал ответного огня столь мощных орудий и теперь позорно улепетывал, виляя корпусом, как побитая собачонка.

— А ведь наши попали! Руль-то повредили!

Рядом с Шелиховым кто-то радостно закричал, правильно растолковав странные маневры английского брига.

— Смотри, Григорий Иванович!

Старый казак крепко, до боли, сжал своей лапищей локоть губернатора, который не обратил на такое вопиющее нарушение субординации ни малейшего внимания.

Шелихов напряженно смотрел в свинцовую даль бухты, где вырастали мачты с белыми парусами. Он их узнал сразу, и тут же их опознали стоящие на берегу оживленные горожане.

— Это же «Надежда» Крузенштерна!

— Щас наш немец покажет им кузькину мать!

Губернатор облегченно вздохнул — русский военный бриг прибыл как никогда вовремя. И теперь воровской корабль вряд ли уйдет от него, в скорости явно уступает. Так что грянет бой — врага нельзя выпускать из бухты, чтоб в будущем другим дороги сюда не было.

Отвадить их нужно накрепко, нехристей!

И Григорий Иванович Шелихов еле слышно прошептал, чуть шевеля побелевшими губами:

— Постарайтесь, Иван Федорович... А я уж свою Настеньку тогда за вас замуж с легким сердцем отдам...

Дарданеллы

— Годдэм!

Никогда еще в своей жизни вице-адмирал Нельсон не испытывал столь пронзительное чувство бессильного унижения. Словно кошмарный сон запечатлелся в его памяти. В желудке

снова заняло, как тогда, когда надежная палуба флагманского корабля неожиданно взлетела под его ногами, а потом стремительно рухнула вниз.

Он не мог поверить своим глазам: добротный скроенный и крепко сшитый линкор был разорван на две части, и безумные крики матросов до сих пор раздавались в ушах.

— Дьявольское оружие!

Адмирал много лет служил на флоте, чтобы сразу сообразить, что его эскадра напоролась на минные заграждения, по крайней мере, так он квалифицировал это оружие, когда увидел всплывшую в отдалении большую деревянную бочку.

Пловец из адмирала был никудышный, а потому он мертвой хваткой вцепился в мачту и даже взобрался на нее, мысленно благодаря Господа, что находится в теплых водах Эгейского моря, а не в ледяном крошечке у суровых шотландских скал.

С мачты он увидел, как целый десяток матросов облепили эту всплывшую бочку, и тут же грянул взрыв, разметающий ошметки человеческих тел далеко в стороны: весьма знакомая картина для любого военного, и неважно, моряк ли он или кавалерист.

Именно такие смертельно опасные для любого корабля бочки, как он понял, и уничтожили всю его эскадру, превратив спокойную гладь Дарданелл в «кипящий бульон с гренками».

К его удивлению, русские больше не стреляли из пушек. Наоборот, солдаты и матросы засуетились, откуда-то появились лодки. И вскоре из воды стали извлекать ошалевших от случившегося английских моряков, наглотававшихся до омерзения соленой воды.

Несчастный адмирал понимал своих матросов: он и сам находился в таком же состоянии — тут потерять рассудок можно, лишившись за мгновение целой эскадры.

К счастью, русская шлюпка подошла быстро, и адмирала с чрезмерным пиететом, полагающимся его орденской ленте, чудом уцелевшей на изорванном мундире, отгрузили первым.

В тягостном одиночестве Нельсона под крики и проклятья в его адрес из уст извлекаемых из воды матросов доставили на берег, где его бесцеремонно переодели в сухую одежду.

Спустя некоторое время, когда понимание случившегося сменилось более трезвым состоянием разума, адмирал испытал жгучий нестерпимый стыд: мало того, что надетый на него мундир был русским, так он еще и армейским оказался, а не флотским, и полагался для самых нижних чинов.

Особенно взбесила адмирала странная рубашка без пуговиц, в черную полоску, похожая на рубища каторжников или на одеяния рабочих домов его далекой Англии...

— Я рад вас видеть в добром здравии, адмирал!

Молодой черноволосый офицер, ловко склонившись в поклоне, заговорил на французском с неистребимым акцентом. Нельсон, прошедший немало кампаний на Средиземном море, сразу узнал выходца либо из Южной Италии, либо с Корсики.

— Бригадный генерал Наполеоне ди Буоне-Парте! — лицо офицера озарилось самодовольной улыбкой. — Хотя мои новые соотечественники привыкли меня называть Павлом Александровичем Бонапартовым!

Последняя фраза была произнесена на ужасном наречии с варварскими гортанными интонациями, и молодой генерал поспешил добавить снова на французском, — этот невыносимый русский язык, — но, ухмыльнувшись, с трудом выдал на том же варварском наречии:

— Славно мы вам, как это... А!.. сопатку начистили!

Последнюю фразу адмирал снова не понял, но разъяснения были даны на французском:

— Мы же с вами не воюем! Я имею в виду Англию и Россию... С чего это ваши корабли открыли огонь по моей батарее?! Мы вынуждены были отбиваться от такого вероломства!

От такой неожиданной и неприкрытой наглости Нельсон потерял дар речи и хлопал ртом, как выброшенная на берег рыба, не имея возможности высказать, что он сейчас думал про столь изощренное азиатское коварство.

— К моему великому сожалению, дальше нам не удастся побеседовать о случившихся прискорбных событиях, адмирал! Вас сейчас примет Его императорское величество!

Француз на прощание отвесил поклон с таким изощренным высокомерием и пренебрежением, как могут делать только галлы, и добавил на варварском наречии:

— Сейчас тебя царь-батюшка макнет в дерьмо по самые уши! На чужой каравай свою пасть не разевай!

Петергоф

Дорогу до дворца Миронов запомнил по тому напряженному молчанию, что воцарилось кругом. Разноцветные кучки придворных стояли на отдалении, страшась перейти невидимую грань, отделяющую их от солдат, вытянувшихся тонкой цепочкой — примкнутые к винтовкам штыки грозно сверкали на утреннем солнце.

И еще Федор запомнил те обжигающие взгляды, которыми одаривали его, сиюсь проникнуть в тайну красного футляра. А у главных дверей их встретили казаки Дворцовой сотни.

Старый есаул с длинной седой бородой, с таким же хорунжим, сражавшиеся здесь, в Петергофе, в день злосчастного гвардейского мятежа, проворно выхватили сабли из ножен и вступили в охранение. А солдаты остались у дверей — вход вовнутрь, по той же инструкции, был для них в таком случае запрещен.

До самых дверей царского кабинета они шли по совершенно пустому коридору, который только несколько раз перегораживали настороженные фигуры часовых с перекрещенными винтовками, которые тут же размыкались перед их шествием.

— Государево слово и дело! — громко произнес полковник, входя в раскрытые двери.

— Спешная депеша, ваше императорское величество!

— Дайте послание! — Императрица произнесла это совершенно спокойным голосом, но Федор видел, что она с трудом сдерживает волнение — на лбу выступили мелкие капельки пота, рука чуть дрожала, принимая футляр.

Екатерина Алексеевна медленно прочитала послание, вспыхнув на секунду радостным светом, но тут же снова напустила на себя маску спокойствия и повернулась к кабинет-секретарю:

— Собрать немедленно господ сенаторов, министров и послов! Оповестите Синод и патриарха — пусть будут готовы провести молебен! Я сама посещу Казанский собор!

Кабинет-секретаря словно ветром сдуло, настолько этот молодой мужчина оказался проворен. А императрица повернулась к застывшему соляным столбом телеграфисту.

— А вы, мой милый друг, примите от меня подарок за эту долгожданную новость.

Федор оторопело посмотрел на протянутую ему золотую папиросницу, не решаясь взять ее в руки.

— Да возьми же, неслух!

Ухо обжег злой шепот Бергена, и Миронов взял открытую коробочку. О такой награде он раньше и мечтать не смел. Действительно, царский подарок. И тут он заметил, что коробочка не пустая — в ней переливались серебром четыре маленьких звездочки.

Что это такое?

Неужто...

— Благодарю государыню за чин, неслух, — повинувшись злему шепоту, Федор упал на

колени и почтительно прикоснулся губами к протянутой руке и с замиранием сердца услышал Ее слова:

— Я довольна вами за эту долгожданную весть. Идите на службу, а то новые депеши могут прийти, господин коллежский секретарь.

Федор низко поклонился, ноги еле держали его — он не мог поверить, что за одну лишь телеграмму, пусть даже такую, ему не просто классный чин даровали, а целых два. Но, пребывая в обалдении, он все же расслышал гневные слова императрицы, брошенные полковнику Бергену:

— Теперь за беспредельную наглость я аглицкому послу прилюдно задам звону! И такого, что вся Европа услышит!

Силистрия

— Ваше высокопревосходительство!

В комнату осторожно вошел адъютант, глянул на пашу с немим вопросом. Кутузов чуть кивнул, давая молчаливое разрешение. Офицер тут же громко доложил:

— Гонец от его императорского величества.

— Зови, — только и ответил генерал, и тут же в комнату зашел молодой капитан в запыленном мундире Генерального штаба. Четко отдал воинское приветствие и протянул генералу красный футляр. От сердца сразу отлегло — цвет был соответствующим ожиданиям.

— Победная реляция, не так ли? — приветливо улыбнулся Кутузов, постукивая с намеком пальцем по красному сукну.

— Так точно, ваше высокопревосходительство, — излишне звонко ответил ему офицер.

— Константинополь в наших руках, султан Селим пленен и содержится под крепким караулом. Английская эскадра в Золотом Роге, осмелившаяся стрелять по нашим кораблям, уничтожена.

— Как государь?

— Его императорское величество бодр и весел, ваше высокопревосходительство!

— Я рад, очень рад! Вы мне доставили чудесные известия, искренне благодарю вас!

Кутузов с трудом стянул с пальца драгоценный перстень и с улыбкой протянул дар. Такая мода повелась — император золотые табакерки дарит со звездочками, а генералы на перстни перешли, даже Суворов, на что тот прижимист, но время от времени немногие счастливы щедро обласкиваются старым фельдмаршалом.

Михаил Илларионович скосил единственный глаз в сторону паши — тот сидел с окаменевшим лицом. Генерал усмехнулся — турок явно понимал русский язык, а потому он и устроил это представление.

— Война вами проиграна, паша. И единственным спасением может быть немедленное заключение мира. Смотрите — проливная зона в наших руках, и больше ни один турецкий аскер не переправится в Европу. Дунайские крепости или взяты нами, или сданы вами. Православное население полностью на нашей стороне, и мы с трудом сдерживаем наших единоверцев от отмщения. Слишком много вы пролили здесь крови, паша, чтобы надеяться на милость покоренных вами народов. Я это еще по Морее понял, в первую кампанию — греки прямо пылают к вам злобой и яростью.

— Бешеный пес всегда куснет руку благодетеля...

— Не такие вы и благодетели, уважаемый. Каждый год в разных местах янычары резали православных, приручая народы к покорности. А ведь вас, османов, здесь едва десятая часть. Ничто в сравнении с многолюдством ненавидящего населения. И мы, русские, выступаем единственным гарантом того, что магометане останутся в живых. Вам нужна всеобщая резня

османов, Ибрагим-паша?

— Нет, почтеннейший генерал. Как я понимаю, здесь османы больше жить не будут.

— Мы их всех выселим за Проливы. Ради их же безопасности. И туда не пойдем — все чисто турецкое вашим и останется. Мы возьмем под опеку только православных, и там где их большинство.

— Я понял вас, уважаемый Кутуз-паша. Мне стоит поговорить с комендантом Видина — оборона этой крепости бесполезна, раз кампания проиграна бесповоротно.

Кутузов мысленно усмехнулся — генерал не любил действовать напором, как Суворов. И там, где фельдмаршал вел солдат на кровавый штурм, он, не желая лить понапрасну солдатскую кровь, предпочитал пускать в ход совсем другие методы...

Петровская Гавань

— Грязные, вонючие варвары! Не смейте меня волочь, москвиты! Я подданный английской короны!

Онли было страшно, но он знал, что никогда не стоит показывать страх туземцам, тогда они уважают цивилизованного человека. А потому шкипер ругался всеми словами, которые знал. А ведал он много — Карибское море всегда было богато крепкими словами.

— Пожравшие падаль обезьяны! Мы еще достанем ваши хвосты, намотаем их на палку, куски дерьма. Иотрежем!

Однако его выкрики совсем не раззадорили двух крепких бородатых мужиков, что волокли его по широкой крепкой лестнице куда-то вниз. Видно, не понимали эти дикари нормальной человеческой речи, и шкипер взъярился еще больше.

— Вонючие отбросы, недостойные считаться людьми! Оставьте меня, вы ответите за это перед английским флотом!

Сильным толчком шкипера забросили в темную подклеть, слабо освещенную свечами. И только сейчас англичанина пробрало — здесь стоял ощутимый, въевшийся в стены запах крови и терзаемой человеческой плоти.

— Вы не имеете права!

Голос англичанина сорвался на визг, но на двух бугаев это не произвело никакого ощущения. Они сноровисто содрали с Онли всю одежду, оставив его абсолютно нагим.

Шкипер моментально покрылся мурашками, вот только холодно ему не было — все тело обдало жаром. Он понял, что сейчас эти варвары будут его мучить и терзать, ведь у них нет никакого понятия о главенстве закона. И он возопил в последней отчаянной надежде:

— Не смейте! Я желаю говорить с вашим начальником! Пусть меня вначале судят по цивилизованным законам!

Но это было гласом вопиющего в пустыне — правый силач, с окладистой черной бородой, засунул его сведенные назад руки в какой-то хомут, а второй дернул веревку.

Онли от неожиданности захлебнулся криком — он почувствовал, как выгибаются руки за спиной, мышцы напряглись, а потом окаменели от нестерпимой боли. Он пытался опереться кончиками пальцев ступней на осклизлый пол, но ощутил, как тот неожиданно ушел из-под ног.

— Вонюч...

Ругательство замерло в горле — сильный толчок в спину, и боль взорвала его тело, а в глазах стало темно...

— Ты не пленный, а тать, морским разбоем промышляющий. Сиречь пират! А потому твой король от тебя с удовольствием открестится, а еще лучше — повесит на первом же суку!

Онли вытаращенными от боли глазами смотрел на русского офицера со шпагой на боку, что выговаривал ему непонятные слова. Зато второй, в морской форме, с усмешкой стал

переводить на ломаный английский язык.

— У меня нет времени, пират, с тобой экзорцисты проводить. Твой корабль битком набит нашими шкурами, что взяли вы разбоем на Шумагинском острове. Одного этого хватит, чтобы вас всех перевешать. Но меня интересует другое — кто тебе, мерзавцу, дал задание пиратствовать в этих водах?! Кто дал карту, что лежала в твоём сундуке?! Кто был твоим лоцманом и проводником? Отвечай, сволочь! Дерьмо собачье!

Последние два слова моряк перевел с каким-то сладострастием. Онли терзала боль, он хотел ответить, но язык не шевелился в пересохшем рту. Офицер усмехнулся и, протяжно цедя слова, произнес:

— Сейчас ты отведаешь длинника, собака! Из-под этого кнута одна *подлинная* правда выходит! Ерофей, жги!

— Ай-яй!!!

Спину буквально разорвало такой острой болью, что Онли взвыл. Он только сейчас понял, что такое настоящая мука. Терпеть было невозможно — мочевого пузырь от неожиданности опорожнился. Теплая струйка стекла на загаженный пол, и шкипер отстраненно подумал, что именно моча терзаемых узников и пропитала своим запахом эту пыточную.

Подумал, и ледяной ужас сковал обручами его тело, заполонил крошечком все жилы и вены.

— Жги!

Пылающий удар прогнал из тела англичанина ледяной холод, он взвыл, вихляясь на дыбе всем телом, и речь вернулась к нему. Онли заторопился, боясь, что не успеет сказать и его снова ожгут этим страшным кнутом.

— Я все скажу! Все! Только не бейте!

Дарданеллы

— Насколько я помню, адмирал, на флоте сигнал «Ваш курс ведет к опасности» поднимают перед всякими препятствиями — рифами, отмелями, скалами. Ведь так? — Петр с улыбкой посмотрел на Нельсона, как бы говоря: «Где же ваши манеры, сэр?»

— Это так, ваше величество.

— Я владею императорским венцом, адмирал. И мои владения намного больше любой страны мира. Достаточно только посмотреть на карту.

— У вас очень большая страна, ваше императорское величество.

«Что, съел, гаденьш?!» — хотя Петр заставил англичанина исправиться, но это было не то, чего он желал добиться.

— Мы дважды предупредили вас, что впереди заграждение, даже потребовали взять лоцмана и попросили встать на якорь. Поверьте, я не желал, чтобы вы в этом проливе потеряли всю свою эскадру.

— Ваше императорское величество! Наши державы сейчас союзники, а потому я не понимаю, зачем нужно было минировать эти воды?! Это же какое-то ковар... Я хотел сказать, чрезвычайная непредусмотрительность.

Нельсон говорил глухо, но внутри души давно бушевал вулкан ярости. Он бы высказал все, что думает про такую подлость, откровенно, но сдерживался — все же русский император — не джентльмен и на расправу крут. Нет, такое говорить сейчас не к месту, да и глупо. Он же не на своем «Агамемноне», ошетилившемся пушками, находится, чтобы заговорить с москвитями другим языком.

— Мы вынуждены минировать пролив от врага, а таких у нас два. С турками мы уладились, но французский флот сильно беспокоит.

— Какой флот у этих якобинцев здесь? — беспощадная ирония вырвалась из уст адмирала

— он прекрасно понял, для кого ставились эти дьявольские мины. Теперь линкоры его величества будут сильно ограничены в своем стремлении заходить куда нужно, защищая британские интересы.

— Вы ушли из Абукира семь дней назад, а потому не знаете, что утром следующего дня в бухту вошла эскадра адмирала де Брюэя. Два десятка вымпелов против ваших оставшихся шести. Вас по пути обогнал наш бриг, что стоит сейчас у берега. Капитан собственными глазами видел избиение, устроенное вашей эскадре, и тот беспримерный героизм, который оказали ваши моряки. Лишь один корабль спустил флаг, остальные не прекращали стрелять, даже когда уходили на дно. Я приношу вам искренние соболезнования, ведь наши державы союзные!

В единственном глазе потемнело, Нельсон покачулся — силы оставили адмирала. В известие он поверил сразу, уж слишком ханжеским стало лицо русского царя. На ум пришло только одно — скорый и беспощадный суд Адмиралтейства и будет для него самым великим чудом избавиться от доброй пеньковой петли на нок-рее.

— Французы высадили с сотни транспортов десант, который возглавил генерал Гош — их лучший полководец. Тридцать тысяч солдат, если не больше.

Петр говорил правду, он и сам был ошарашен этим известием. Это надо — он специально взял на службу Наполеона, но, как оказалось, Франция преследовала свои интересы и организовала Египетскую экспедицию. Теперь только от него зависит, чем она закончится.

— Теперь французы могут пойти с турками на союз — я должен предусмотреть и такой вариант. И тогда освобожденный нами Константинополь и другие христианские святыни окажутся под угрозой.

Нельсон не нашелся, что сказать в ответ — его до сих пор покачивало. А русский царь неожиданно положил на плечо крепкую руку и усмехнулся. Слова, которые он затем тихо произнес, разум адмирала воспринял с нескрываемым ужасом:

— Мы союзники, это да. Но ваше Адмиралтейство ведет себя так, будто русские — самый злейший враг британской короны. Два дня тому назад ваша эскадра открыла по моим кораблям огонь в Босфоре. Первой открыла стрельбу, хотя мы несколько раз поднимали сигнал и мой императорский штандарт. И мы их вынуждены были потопить!

Император усмехнулся, его губы исказились гневной гримасой, а в глазах полыхнула ярость. Но заговорил царь нарочито спокойным голосом, не отводя взора от адмирала.

— Да и ваша эскадра такое же поведение наглядно продемонстрировала — вы игнорировали сигналы и мой штандарт, а когда подорвались корабли, то первыми открыли по нам стрельбу. Да и ваши выловленные из воды матросы говорят о некоем приказе, что вы им отдали, адмирал. И как прикажете такое понимать? Откуда столь демонстративная враждебность?

— Ваше императорское величество. — Нельсон всей кожей ощутил, что нужно хоть как-то выкручиваться, а то адмиралтейская веревка может его зря дожидаться, а дело закончится варварским азиатским колом. Тут его передернуло — воображение красочно нарисовало предполагаемые муки. Нет, нет и нет — с этим русским царем нужно договориться. Но вначале отвести от себя обвинения...

Петербург

Малиновый колокольный звон всех столичных церквей накрыл город. Яркое солнце играло бликами на золотых ризах духовенства и золотом шитье на военных мундирах, на парадном платье послов, отблескивало на украшениях дворянства и именитого купечества, задорно отражалось от принаряженных горожан, что надели на себя лучшие одеяния.

И тут колокольный звон был заглушен одновременным залпом сотен орудий — словно страшной силы гром всю столицу потряхнул, везде забренчали оконные стекла, а кое-где и разбились.

Окутались густым пороховым дымом мощные стопушечные корабли, вытянутые по Неве с разноцветными флагами, что пестрыми цветами колыхались на ветру.

Им вторили орудия Петропавловской крепости, бастионы которой словно накрыл белый туман. Задорно рывкали мелкие пехотные пушки, установленные на площадях и вдоль Невского проспекта.

Праздник пришел в град Петров, да такой, что прежние торжества рядом с ним и не чествованиями казались, а так себе. Как заурядная мужицкая тихая пьянка в глухой деревушке с развеселой городской свадьбой, где собрались многие сотни гостей и где вино льется полноводной рекой.

В столице вино с водкой еще не текли, хотя двери всех кабаков были открыты — заходи, пей от души, празднуй и веселись — нынче все бесплатно, задарма. Вот только жителям, даже запойным питухам было не до того; они все толпились на улицах, жадно ловя щедро разбрасываемые гвардейцами из сумок памятные бронзовые медали, похожие на монеты.

Люди толкались, кое-где вспыхивали потасовки, но тут же прекращались. И не потому, что полиция радела, а из-за радости великой, что в душах царила. И медали к сердцу прижимали, жадно рассматривали отчеканенный рисунок — две руки с небес водружают православный крест на собор Святой Софии. А на обороте надпись: «С нами Бог».

И как не радоваться русским людям, когда Константинополь, город достославный, с которого на Русь крещение пришло, у магометан отбит и императором Петром Федоровичем навечно под защитой российской оставлен?

Сбылась вековая мечта! Москва — третий Рим, и четвертому не бывать! А тут второй Рим освободили. И поневоле в мозг русского человека закралась мысль — а может, государь-батюшка, и первый Рим, того...

На площади перед Казанским царило веселье. Медали там тоже были, но не бронзовые, а серебряные и золотые, в коробочках, на алом бархате. И вручали их в руки, а не разбрасывали — так и не простонародье здесь толпилось, а чинно стояли люди знатные либо доверием облеченные. Да такие, что сама императрица некоторым из них золотые медали дарила.

А народ радовался и ликовал, да пересуды шли из конца в конец, выплескивались на улицы и передавались от одного рассказчика другому, кружась по улицам подобно летнему ветерку.

— Я, любезный, нашему благоверному императору Петру Федоровичу с первого дня как присягнул, так и верен поныне. И давно знал, что именно он Царьград от неверных освободит!

— А весть-то, Кузьма, орлы богдыхановские на своих крыльях за два дня принесли. Сих птиц князь Амурский царю-батюшке доставил.

— Навроде голубей почтовых?

— Да тьфу на голубя! Ему от Константинополя до нас две недели лететь! А орлы такие — крылья саженные размахнули, и ать-два. И вот уже в Петергофе на балконе сидят, а царица-матушка от лапки депешу отвязывает.

— Ой, Матрена, стара я стала. Но с радостью такой аж помолодела. Теперь в собор Святой Софии паломницей отправлюсь, замолю грехи свои. Сыночков-то я не от Фомы своего прижила...

— Да какие птицы, почтенные. У меня шурин на почте работает, так он сказывал, что депеши по проводам идут, электричеством толкаемые...

— А по сопатке?! Где это видано, чтобы письмо бумажное в железку тонкую поместить?! Не слушайте дурня, православные!

— А послы-то, послы иноземные каковы?!

Действительно, на лицах большинства послов улыбки словно приклеили, особенно когда Екатерина Алексеевна еще в Зимнем дворце о взятии Константинополя им торжественно сказала. Да английского посла особо от других поблагодарила за призыв взять православных христиан под защиту и первому памятную золотую медаль вручила.

Прусский и австрийский послы криво улыбнулись, быстро переглянувшись, а вот лорду стало совсем дурно от этого известия, даже хваленая британская выдержка не помогла...

Дарданеллы

— Ваш сундучок очень хороший, адмирал. Крепкий, воду не пропускает. И бумаги в нем зело любопытные... Зело...

Нельсон еле удержался на ногах, покачиваясь от постыдной слабости. Все его оправдания ничего не стоили, раз в руки царя попал приказ из Лондона. Это, конечно, избавит его от казни, но только здесь. Зато в Адмиралтействе сочтут по-иному, без пощады.

— Но вы были обязаны выполнять этот безумный приказ, адмирал. Вы знаете, что я хочу вам предложить?

— Не имею чести знать, ваше императорское величество.

— Сочтем все случившееся недоразумением — такое злосчастье на море происходит сплошь и рядом. Но бумаги я оставляю себе, дабы лорды Адмиралтейства не сыграли с вами жестокую шутку. Вам я отдам два захваченных нами турецких корабля, на которых вы сможете дойти до Англии. Они будут дней через пять, ну, десять, самое большее. Своих дать не могу — российский флот завтра выйдет на поиск неприятеля. У нас вдвое больше вымпелов, чем у французов. Мы изгоним их с восточной части Средиземного моря.

Петр говорил, с удовольствием заметив, как вытянулось лицо адмирала. «Все ты прекрасно понял, друг Горацио. Пока у вас здесь нет кораблей, мы имеем удачную возможность тихо и мирно отвоевать у турок греческий Кипр и высадить десант в Ла-Валетту. Мальтийские рыцари занимают весьма важное для нас положение. Это программа-минимум. А вот максимум заключается в возможности подгрести всю христианскую Палестину, если султан с французами в альянс войдет. Там единоверцев сейчас большинство, не то что в мое время. Момент удачный, такой упускать просто грех. Вот только вряд ли — и слава богу! Скорее, придется туркам помогать».

Петр приветливо улыбнулся Нельсону, но сказал ему совсем другое, сворачивая беседу:

— Вам разбили шатер, господин вице-адмирал, так что отдохайте. — И жестом подозвал к себе Наполеона Бонапарта, что маячил весь разговор на отдалении. Еще один честолобец — боится, как бы его без стоящей награды оставили. — Я вами доволен, бригадир. Это ваш Тулон, и такую победу стоит и отметить достойно!

— Тулон? Я не совсем вас понимаю, государь.

— Не берите в голову, — отмахнулся Петр — не объяснять же корсиканцу, что в *той* истории освобождение Тулона, захваченного англичанами, принесло вскоре ему заветный генеральский чин. Но пусть это произойдет сейчас, немного попозже.

— За победу над турецким флотом жалую вам, бригадир, чин генерал-майора русской армии.

— Рад стараться, ваше императорское величество! — чисто по уставу ответил корсиканец на производство.

— К моему искреннему сожалению, не могу отметить вашу вторую победу, ведь мы с англичанами не воюем...

От таких слов императора лицо Бонапарта суксилось, словно он выпил стакан прокисшего

молока. А Петр усмехнулся и закончил, видя, как от его слов расцветают розы на лице молодого генерала.

— Но за умелое занятие сих батарей, за отличное обустройство награждаю вас, Павел Александрович, орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами. — И тут же завязал крест на шею у Бонапарта, который горделиво выпятил щуплую грудь.

«Георгия ему давать пока рановато. За белый крестик он сейчас ужом изовьется, лишь бы его заполучить. А вот Хорошкин этот орден честно заслужил, жаль, что погиб. Зато торпеды оказались стоящим оружием — а такое дорогого стоит. И корсиканец этот отличился... Но рановато еще такие кресты получать. Хотя спору нет — честно служит! Потому нет лучшей кандидатуры командующего византийской армией. За пару лет корсиканец с греков всю дурь выбьет и научит воевать!»

Петровская Гавань

— Он даже не капитан, этот Джеймс Онли, а шкипер. Так решили...

— Чтоб подозрение от себя отвести, — алеутский комендант майор Тумаков перебил начальника аляскинской губернской тайной экспедиции коллежского асессора Емельянова.

— Порфирий Алексеевич, — укоризненно произнес Шелихов, и кряжистый офицер, как гимназист в классе, осекся, извиняюще подняв руки.

И что тут поделаешь — невзлюбили друг друга вояка и сыскарь, пришлось губернатору постоянно прерывать их склоки. Затаенная эта вражда Григория Ивановича не беспокоила, отнюдь. Наоборот, пусть рычат, как голодные собаки, зато государственным делам токмо на пользу такая грызня пойдет.

— Задание дал Джордж Уинслоу, королевского флота лейтенант, — словно ничего не случилось, тихим голосом продолжил Емельянов. Остроносое личико, как у голодного галчонка, неожиданно приняло хищное выражение. Ноздри затрепетали, а глаза гневно сощурились. — Всего отправлено в наши воды два корабля...

— А где второй? — Шелихов уже сам не утерпел, представив последствия того, что может натворить где-то рыщущий пират.

— На островах Курильской гряды, как меж ними условлено было. Там и сейчас этот лейтенант Уинслоу, что тоже под шкипера маскируется. А Онли тоже должен, но уже на Алеутской гряде, выбрать для тайной стоянки остров, дабы нам ущерб больший принести. Главное — перехватить в море добытое золото и по возможности ограбить все «промысловые зимовья», забрав там шкуры морского зверя.

— Дела, — задумчиво протянул Шелихов и бросил взгляд на расстеленную на столе карту. Две островные гряды — одна с юга, другая с востока — тянулись к Камчатке. И худо, что многие десятки островов безлюдны, а потому могут легко быть превращены в тайные пиратские базы.

— Государству Российскому ущерб великий причинен может быть от дел сих коварных, — медленно произнес Емельянов и вопросительно посмотрел на губернатора. Тот правильно понял этот взгляд и сжал губы.

— Я немедленно подам рапорт государю-императору. И напишу письмо светлейшему князю, ведь Курилы в его наместничестве.

Шелихов представил, как разъярится одноглазый, словно сказочный циклоп, Григорий Григорьевич, узнав, что в его водах не просто пиратствуют, но и тайные стоянки создают. И невольно пожалел тех, кто станет жертвой Потемкина, попав ему под горячую руку.

— Капитан-лейтенант Крузенштерн завтра выйдет в море, отвезет депешу в Николаевск-на-Амуре, а на обратном пути проверит острова. Туда же отправлю два шлюпа для помощи из

Новой Мангазеи, а Алеуты проверят кочи. Время терять нельзя!

Шелихов знал, что говорил. Императора Петра Федоровича нужно ставить в известность немедленно, но сообщить, какие меры уже приняты и то, что сделано.

За ошибки государь-батюшка прощает очень часто, но вот за леность, нерадение, отписки и отложение дел в «долгий ящик» карает строго. Уж лучше ошибаться, но делать быстро, чем монаршей воли ждать — многие так до отставки без пенсионера или каторги дождались. Теперь все чиновники урок сей вызубрили.

— Этого шкипера и его боцмана «Надеждой» тоже доставить. Надеюсь, он вам не нужен больше?

— Никак нет! — в один голос дружно отозвались губернатору комендант и сыскарь, что еще должность полицмейстера выполнял — нравы здесь, на Крайнем Востоке, незатейливые, людей очень мало, а потому каждому многие обязанности выполнять приходится.

— Плохо, что перевертыша, Игнашку Лазукина, сукиного сына, убили казаки на Шумагином острове, — в голосе Шелихова первый раз явственно прозвучало непритворное огорчение, и было отчего. Сей кормчий, хорошо знавший моря от Охотска до Калифорнии, исчез в Мексике. Думали, что утонул, сердечный, или убили по пьяной лавочке, а он перевертышем стал, изменником. Карту подробную нарисовал да врагов привел.

Тать! На кол бы его посадить!

— А с разбойниками морскими что делать? — словно поняв обуревавшие губернатора мысли, тихо спросил Емельянов.

— А что по закону Российскому положено, то и делать! — резанул Шелихов, сдерживая гнев.

— Так вам же решать, Григорий Иванович. Или к бессрочной каторге их присудить, или повесить немедленно. Но в последнем случае нужно подтверждения от графа Орлова, наместника нашего, дожидаться.

— Стану я Алексея Григорьевича от важных государственных дел отрывать, — Шелихов явственно хмыкнул. — Да и золото мыть надо. А потому под крепким казачьим конвоем всех пиратов направить на прииски, пусть на могущество Российское стараются. Немедленно по партиям определить и на кочах перевезти. Чтоб духа их тут не было!

— Есть отправить в Юконский острог!

Майор Тумаков стремительно поднялся со стула и тут же вышел распоряжаться. А губернатор усмехнулся: каждый лишний день — это несколько пудов золота. А тут полсотни крепких лбов кашу казенную на дармовщинку жрать будут?!

Ну уж нет — это в России тюрьмы имеются, а здесь все по-простому. Лоток в зубы — и марш в холодную воду. Не намоешь норму, лишишься не только куска хлеба, но и казачьих плетей отведаешь.

И сбежать невозможно — многие пробовали, вот только никому не удалось — головы беглых каторжников местные индейцы за деньги почитают и с охотой в острог обратно везут. Нравы тут у них простые, незатейливые!

А за добрый труд у английских пиратов будет возможность на вечное поселение выйти, в своем доме в остроге жить, индианку в жены взять. Детушек наплодить, а вот им все дороги открыты будут — хочешь служить, или торговать, или землю копать — все в твоей воле! Слишком мало русских людей в этих краях, каждым дорожить приходится, ибо дел свершения многие еще предстоят на приращение могущества Российского.

Реформы российской армии и флота

(1762–1797 гг.)

статья экстраординарного профессора

Петровской академии

Генерального штаба генерал-майора А. И. Деникина.

(Санкт-Петербург. Военный сборник, № 7, 1912 г. С. 12–20)

Основным документом, легшим в основу реформ российской армии в период 1762–1797 годов, является записка, собственноручно написанная Его Императорским Величеством Петром Федоровичем в Петергофе 1 июля 1762 г., на следующий день после блестящей победы, одержанной на Гостилицком поле над мятежной гвардией.

Документ хранится в особо важном фонде архива академии и содержит несколько важнейших положений, определивших устройство российской армии, флота и казачества на протяжении последующих 150 лет, и я уверен, что без каких-либо существенных добавлений или изменений будет действовать еще долгие годы.

Начало реформ положили события 28–30 июня 1762 г., когда развращенные вольностями гвардейцы подняли злосчастный мятеж, быстро подавленный верной императору армией.

И уже 1 июля последовали реформы гвардии, проведенные по личному указанию императора генерал-аншефом П. А. Румянцевым, назначенным командующим войсками гвардии и столичным генерал-губернатором (до 3 июля последнюю должность занимал фельдмаршал Б. Х. Миних).

Комплектование армии первоначально проводилось на основе рекрутской повинности, а по манифесту от 28 июля 1762 г. срок службы рекрутов был сокращен до 15 лет. С 1765 г. срок службы рекрута был определен 10 годами, а в 1767 г. проведен последний набор.

С этого же года на население Российской империи была введена всеобщая воинская повинность, по которой на действительную военную службу призывались все сыновья из крестьянских семей (кроме одного), годные к отбыванию воинской повинности. Но так как такого количества новобранцев было чрезмерно много для укомплектования армии и флота, то призыву подлежал только один рекрут из многодетных семей, где было больше двух работников.

Срок военной службы определен в 6 лет, и еще 6 лет солдат находился в резерве (сейчас три и девять лет соответственно). Призывались физически здоровые молодые люди с 20–21 года (действительно и поныне). Освобождались от военной службы немощные, лица духовного звания и порочные по своим наклонностям (в т. ч. находившиеся под судом). Последняя категория строго обязывалась уплачивать особый военный налог.

На облегченных условиях призывалось городское население — для грамотных три года службы и девять лет резерва, для неграмотных — четыре и восемь лет соответственно (сейчас два и десять лет, т. к. неграмотных в империи нет). Повинность была поголовная, без каких-либо изъятий, но с возможностью откупа в размере 20 рублей для горожан, 50 рублей для ценовых элементов, от 200 до 500 рублей для купцов (в зависимости от гильдии).

Этим же налогом обкладывались и те из лиц дворянского сословия, кто не находился на военной или государственной службе или не выслужил полный срок (15 лет для военных и 25 лет для гражданской службы). Данный военный налог существует и поныне, но его сумма возросла в три раза (действителен только в мирное время).

Инородцы, Российскую империю населяющие, должны были служить в особом порядке

восемь лет (еще четыре года находились в резерве). Набор рекрутов проводили в следующем порядке — 1 рекрут с 500 человек от всего инородческого населения (сейчас с 300 человек) ежегодно.

От военной службы освобождались малые народцы севера России, а также Сибири, Приамурья, Камчатки и Аляски. Вместо того их могли привлекать, по мере необходимости, в том же порядке, к обязательной службе в ротах государственной стражи. С нынешнего 1912 года в Якутии, на Камчатке, Сахалине и в Русской Америке (Аляске, Калифорнии и Техасе) инородцев призывают и на действительную военную службу.

Особый порядок службы был определен для германцев, проживающих в Восточной Пруссии и землях Шлезвиг-Гольштейна, под покровительством Российской короны находящихся. Он был идентичен с порядком для городского населения, но только с частичной возможностью уплаты откупа, для некоторых категорий населения, от военной службы (только в мирное время). И там данный порядок действует по сей день.

Воинская повинность казачьего населения Российской империи обязательна и поголовна, без всяких исключений, а потому и почетна. Согласно «Жалованной грамоте Войску Донскому» от 28 июня 1762 года, казаки обязывались служить 12 лет — треть срока в кадровых, а восемь лет в льготных полках. В 1767 году данный порядок был распространен на всех казаков империи, и по нему они служат до сегодняшнего дня.

Реорганизация армии на новых условиях проводилась в течение семи лет и закончилась уже после начала победоносной войны с Османской империей в 1769–1771 гг. Все значимые и многолюдные города с прилегающими крестьянскими волостями, или провинциальные уезды, комплектовали одноименные фузилерные (пехотные) и конные (драгунские и кирасирские) полки соответствующих наименований, а также номерные егерские, гренадерские и саперные батальоны. Артиллерия и флот получали новобранцев от всех земель государства.

Население Малороссии выставяло именные слободские гусарские (до реформы назывались казачьими) и фузилерные полки. Москва и Петербург с Ингрией комплектовали гвардию.

Из населения Восточной Пруссии со Шлезвиг-Гольштейном формировали славяно-германские фузилерные полки, егерские и гренадерские батальоны. Инородцы-магометане комплектовали конные уланские полки. Данный порядок формирования, установленный императором Петром Федоровичем, существует до настоящего времени.

Ланд-милиция была полностью упразднена в 1765 г., а вместо нее в уездах и городах были созданы роты государственной стражи (из пеших и конных стражников), сводимые в отдельные батальоны. Данные формирования комплектовались и вооружались Военной коллегией (позже министерством), но находились в ведении губернаторов. Для помощи стражникам, в случае нужды, было разрешено привлекать местные гарнизонные (крепостные) части, а также запасные батальоны и эскадроны в местах их постоянного расквартирования. Данная система действует и поныне, причем с прежней высокой эффективностью.

В настоящий момент времени штатное расписание российской императорской армии полностью соответствует тому, что было введено еще в 1792 г., перед третьей Русско-турецкой войной (с небольшими дополнениями, вызванными появлением новых военно-технических средств).

Штаты всех пехотных полков (3000 человек личного состава) основаны на «троичной системе». Каждый полк имеет два полевых, резервный и запасной батальоны. Батальон состоит из трех рот, а роты из трех взводов по три отделения из 18 солдат (16 рядовых, капрал и сержант). Всего в пехотной роте насчитывается 153 строевых и 10 нестроевых солдат и капралов, при трех офицерах и 14 сержантах (всего 180 человек). В составе каждого полка

имеется особая команда (взвод) из трех отделений, куда отбираются самые лучшие стрелки — 55 солдат и капралов, при офицере и четырех сержантах. В составе полка сейчас состоит пулеметная рота (восемь пулеметов) вместо взвода из двух шестиствольных картечиц, впервые введенных в 1797 г.

Гренадерские и егерские батальоны состоят из четырех рот. Саперные батальоны — из четырех саперных рот с понтонным парком. Обозный батальон имел также четыре роты. Две роты каждого батальона являются резервной и запасной. Штат аналогичен пехотным ротам — по 180 человек (батальон — 800 человек).

Кавалерийские полки (драгунские, гусарские и уланские) штатом в 900 человек личного состава, основаны на «четверичной системе». Каждый полк имеет три полевых, резервный и запасной эскадроны. Эскадрон состоит из четырех взводов по два отделения в каждом (14 рядовых, капрал и сержант). В эскадроне насчитывалось 120 строевых и 13 нестроевых солдат и капралов, при трех офицерах, а также 14 сержантах (150 человек). В составе каждого полка имеется особая команда из трех отделений, куда отбирались лучшие стрелки — 54 солдата и капрала, при двух офицерах и четырех сержантах. А с 1907 года введен и пулеметный эскадрон из восьми пулеметов.

Легкие полевые артиллерийские полки ныне состоят из двух дивизионов по три батареи (четыре орудия в каждой). На вооружении имеются — трехдюймовые пушки (1-й дивизион) и четырехдюймовые гаубицы (2-й дивизион). В составе каждого пехотного полка есть особая артиллерийская батарея из 6-ти легких полковых пушек (калибр в три дюйма, разборные, вес вдвое меньше, чем у полевого орудия в 76,2 мм).

Комплектование полевых частей ведется из запасных батальонов, эскадронов, батарей и рот, которые до сих пор расквартировываются в местах призыва и где новобранцы проходят годичное обучение (сейчас полугодовое). Один такой батальон, рота или батарея дают пополнение соответствующей части. Все запасные дивизии сводились в особые запасные пехотные и конные полки.

Казачьи полки сохранили прежнюю структуру и до сих пор состоят из пяти сотен при двух штаб-офицерах. В сотне 108 казаков и урядников, разделенных на две полусотни (взвода), при двух офицерах.

Все пехотные и конные полки сводились в дивизии. Пехотных дивизий было сформировано к 1769 году — 12; конных — 8. К концу царствования Петра Федоровича Освободителя в войне с Турцией и Англией 1828–1829 гг. участвовало 24 пехотных и 14 конных дивизий. Гвардия составляла корпус в три пехотные и одну кавалерийскую дивизии. В настоящий момент времени число дивизий в русской армии увеличено лишь на четыре (все пехотные).

Пехотная дивизия (по штату 12 000 человек, с запасными и учебными командами до 15 тысяч) включает две бригады инфантерии (по два пехотных полка и легкому полевому артиллерийскому полку), два казачьих полка (кадровый и льготный), тяжелый артиллерийский полк, гренадерский, егерский, саперный и обозный батальоны, жандармский эскадрон и роты — связи, санитарную и учебную для подготовки сержантов.

Структура самой пехотной дивизии, как и всех ее составных частей, чрезвычайно гибкая и приспособленная к любым реалиям боя. И с весьма небольшими изменениями (в основном в штатном расписании частей) используется до сих пор в нынешней Российской императорской армии. Дивизия может действовать как в полном составе, так и бригадами на отдельных направлениях. В последнем случае бригады усиливаются казачьими сотнями, тяжелой артиллерийской батареей, ротами егерей или сапер. При необходимости они могут дополнительно получить тяжелую артиллерию, гренадерский батальон, всех егерей, сапер и казачий полк в полном составе.

Наличие казаков позволяет дивизии активно вести разведку, совершать обходы противника, настойчиво преследовать его отступающие части. В случае необходимости для проведения маневра в глубину или стремительной атаки с двумя казачьими полками используется и егерский батальон с приданной артиллерийской батареей. И как показывает история войн, решение такое почти всегда приносило успех.

Кавалерийская дивизия (по штату 6000 человек с запасными) состоит из двух конных бригад (драгунский и гусарский полки, конно-артиллерийский дивизион из двух батарей). Драгуны часто используются в бою спешенными, тогда как гусары действуют исключительно с коня. В состав дивизии входит казачья бригада из двух льготных полков (иногда трех), конно-артиллерийский гаубичный дивизион из двух батарей (по четыре орудия), егерский и обозный (с конным депо) батальоны, жандармский, учебный, связи и конно-саперный эскадроны, санитарная рота.

Особое место занимали кирасирские бригады по два полка. Их предназначение — атака пехоты или конницы неприятеля в плотном строю, что требовало тяжеловесных лошадей и защитного вооружения (каска и кирасы). Из-за дороговизны содержания и вооружения число кирасир в российской армии было неизменным — с 1769 по 1802 год восемь полков (четыре бригады, включая гвардейскую).

Развитие стрелкового вооружения привело к тому, что дорогостоящее защитное снаряжение потеряло всякий смысл, и все кирасирские полки в 1803 году переформированы в драгунские.

В 1767 году, готовясь к войне с Турцией и крымскими татарами, были сформированы три егерские бригады, четыре егерских батальона, уланский и казачий полки, горный артиллерийский полк из двух дивизионов (пушечного и гаубичного) по три батареи (четыре орудия в каждой), саперная рота и др. подразделения. Бригады (по штату 5000 человек, с запасными) показали высокую эффективность в борьбе с маневрирующим противником или в затрудненных условиях пересеченного театра военных действий (на Кавказе, в Сибири, Калифорнии и Туркестане).

К концу царствования императора Петра имелось 17 егерских бригад (с гвардейской), которые по одной придавались всем пехотным и кавалерийским корпусам.

Сильной стороной русской армии являются казачьи полки — к 1832 г. их насчитывалось 152 — 8 гвардейских, 48 кадровых и 96 льготных. В казачьих дивизиях (шесть полков сведенных в три бригады) имеется по казачьему легкому конно-артиллерийскому дивизиону и пластунскому батальону. Всего восемь казачьих дивизий (по штату 4300 казаков), которые придаются для усиления армий и корпусов в целях выполнения функций завесы.

Казачьи полки в Сибири, на Дальнем Востоке и в Калифорнии (12 кадровых и 24 льготных) формируют только отдельные бригады.

Надо отметить, что могучий гений Петра Освободителя направлял выдающийся военный ум и дарования президента Военной коллегии фельдмаршала П. А. Румянцева, который непосредственно, со свойственной ему кипучей энергией, провел претворение реформы в столь короткий срок.

Перевооружение армии состоялось благодаря деятельности блестящего ученого М. В. Ломоносова, который в 1762 году изготовил первое иницирующее взрывчатое вещество — гремучую ртуть. Именно она использовалась в капсюлях первых патронов с тупоконечными длинными пулями и картонными гильзами образца 1763 года (через 20 лет патроны стали изготавливаться только с латунной гильзой).

Изготовление гремучей ртути было особо охраняемым государственным секретом на протяжении почти сорока лет. И лишь в 1800 году во Франции изготовили первые капсюльные

составы, а спустя 7–10 лет и европейские армии были перевооружены новейшими типами барабанных и магазинных винтовок 4–5-линейного калибра.

Выдающийся русский оружейник И. П. Кулибин уже в 1763 г. в Дворцовой мастерской изготовил первые образцы нового вооружения, которые произвели настоящую революцию в военном деле и почти на полвека дали огромное преимущество российскому воинству. Это знаменитые барабанные системы Кулибина — винтовка, карабин и пистолет. Первые в мире казнозарядные 4-линейные ружья, с барабаном на шесть патронов.

Различие между карабином и винтовкой было только в длине ствола. Не меньшую известность получил и его барабанный пистолет (за рубежом часто именуемый револьвером Кулибина) — барабан в шесть камер, калибр в те же четыре линии (1,02 сантиметра), но в патронах намного меньший заряд пороха и меньше гильза. На первых образцах патрон был идентичен ружейному, но с меньшим зарядом пороха, но при необходимости, для стрельбы на дальние расстояния, можно было использовать обычные ружейные патроны.

Шесть внутренних нарезов ствола, отлаженные и взаимозаменяемые детали механизмов, поразительная скорострельность и дальность стрельбы — все это делало данные системы, несмотря на их значительный вес и большую стоимость, исключительным, поражающим воображение военных того времени оружием.

Производство карабинов и револьверов системы Кулибина было налажено к 1765 году на Тульском и специально построенном всего за неполных два года Сестрорецком оружейных заводах (с одновременной остановкой выпуска старых образцов стрелкового оружия).

К 1769 году на заводах изготовили свыше пяти тысяч единиц оружия, а к концу войны с Турцией, в 1773 году, добились ежедневного выпуска 20 единиц. Производство капсюлей и патронов велось на Казанской и Свияжской патронных мануфактурах — с ежедневным выпуском в 40 тысяч к 1773 году. В 1769 году производство новых винтовок было отлажено на Ижевском оружейном заводе, с ежедневной производительностью в 1773 г. в 30 штук (около 10 тысяч в год). Мощности данных оружейных заводов оказались достаточными для полного перевооружения Российской императорской армии к 1775 году.

Винтовки Кулибина (в 1772 г. к барабанной добавилась магазинная на четыре (позже шесть) патрона, ставшая основной в русской армии) позволяли с дистанции в одну версту буквально выкашивать неприятеля. Достаточно вспомнить сражение под Кагулом в 1769 году, когда гвардия, а только она была вооружена этими системами, всего за два часа полностью истребила втрое большего противника, знаменитых на весь мир янычар. Состояли превосходные системы Кулибина в войсках до 1863 года. Ровно сто лет — не это ли самый блестящий показатель русского военного гения.

Такие же выдающиеся достижения произошли и в артиллерии. По инициативе М. В. Ломоносова в 1764 году был изготовлен гремучий студень (нитрированный глицерин). Изготовление данного взрывчатого вещества на протяжении более 40 лет представляло строжайшую государственную тайну. Занятия с ним привели к многочисленным жертвам среди ученых и промышленников, но через три года удалось наладить производство уже относительно безопасных в обращении образцов взрывчатки в твердой форме — знаменитого динамита (название дано лично императором в качестве производного от слова «динамичный»).

В 1768 году была изготовлена аммиачная селитра, из которой получили другое взрывчатое вещество — аммонал (название тоже дано императором), постепенно заменившее динамит. В 1802 году появилась знаменитая на весь мир русская «смола» (название дано итальянцами), и эту взрывчатку, или изготовленную на ее основе, до сих пор производят повсеместно как у нас, так и за рубежом.

В 1785 году в Петербурге были изготовлены первые образцы легких полевых орудий,

заряжавшихся с казенной части, имевших нарезной стальной (для увеличенного заряда пороха) ствол. К ним были произведены первые фугасные снаряды — длинной конической формы и несущие в себе заряд новой взрывчатки. Подрыв производился взрывателем-трубкой ударного действия с зарядом гремучей ртути. Позднее поступили с завода и специальные выстрелы. И в этом же году было остановлено производство всех прежних гладкоствольных полевых и полковых орудий.

В 1787 г. сразу на двух заводах началось массовое производство (свыше 50 орудий в год) новейшей легкой полевой артиллерии — пушки калибром в три дюйма (7,62 сантиметра), весом снаряда в 15 фунтов (шесть килограммов), и гаубицы калибром в четыре дюйма (10,2 сантиметра), весом снаряда 40 фунтов (16 килограммов). Оба орудия устанавливались на железном лафете единого типа — система «дуплекс», по определению императора.

По своему внешнему виду знаменитые «дуплексы» очень схожи с орудиями того времени, но три фундаментальных отличия делали их настоящими «органами смерти», как окрестила их Европа. Это стальной нарезной ствол, казнозарядная часть с затвором и длинный конический снаряд с аммоналом, начиненный крупными дробовыми шариками и с взрывателем дистанционного действия. Этот уникальный и смертоносный снаряд был назван императором Петром Федоровичем «шрапнелью» (данный термин принят сейчас во всех странах мира).

По своей эффективности новейшие полевые орудия значительно превосходили старые по всем техническим показателям — при чуть большей массе орудия дальность стрельбы увеличилась в 2–3 раза, поражающее воздействие в 3–5 раз. Но все они отличались чрезвычайной дороговизной — затраты на их производство были больше почти в четыре раза.

Потому к 1800 году было изготовлено только 800 «дуплексов». Оставшиеся старые пушки и гаубицы были окончательно сняты с вооружения русской армии в следующем году. Данные орудия долгое время (до 1830 года) являлись государственным секретом и охранялись не в пример строже негодных шуваловских «секретных» гаубиц — чехол с казенной части снимался только перед боем, снаряды и взрыватели хранились в опечатанном виде в закрытых ящиках под строжайшей охраной. Артиллеристов подбирали специально, они давали особую присягу, и им было категорически запрещено покидать Российскую империю после службы.

Намного позднее началось производство тяжелой артиллерии — первые орудия стали поступать в войска перед войной с Турцией в 1797–1798 годах. Это был не менее знаменитый «триплекс» — пушка калибром в четыре дюйма (10,2 сантиметра, вес снаряда 40 фунтов), гаубица калибром в пять дюймов (12,7 сантиметра, вес снаряда 60 фунтов, или полтора пуда), полевая мортира в шесть дюймов (15,2 сантиметра, вес снаряда 115 фунтов, или почти три пуда).

Ошеломляющее воздействие данных орудий на неприятеля было ярко продемонстрировано в войну с Турцией, в сражении под Константинополем 29 июня 1797 года. Однако из-за дороговизны «триплекс» выпускался в ограниченном количестве.

В 1832 году, в момент кончины великого императора, на вооружении русской армии состояло только 708 орудий всех трех типов, а также около 1700 «дуплексов». Тяжелые полевые артиллерийские полки двухдивизионного состава (всего 16 орудий) придавались всем пехотным дивизиям и конным корпусам.

С точки зрения современного артиллериста орудия нового типа несовершенны — раздельное зарядание, отсутствие противооткатного механического или гидравлического устройства, лафет и колеса избыточно тяжелы, примитивный рамочный прицел.

Все это так — но эти системы намного ближе к современной артиллерии, чем к своим современникам — гладкоствольным медным орудиям. А это значит, что они опередили время более чем на полвека. Не это ли свидетельство яркого гения Петра Освободителя, отца и

создателя (что признано всеми без исключения отечественными и зарубежными специалистами) нашей современной артиллерии.

Обмундирование и знаки различия современной российской армии неизменны на протяжении этих полутора веков. Армейская форма, разработанная лично императором Петром Федоровичем, чрезвычайно практична и универсальна — одновременно может служить парадной, повседневной и полевой (рабочей).

Первые образцы обмундирования были лично пошиты супругой императора Екатериной Алексеевной (1729–1816 гг.), которая всегда помогала своему царственному мужу во всех его великих начинаниях и была достойной ему соправительницей по трону, оставив о себе потомкам великую память и свершения.

Обмундирование зеленого сукна, общего для всех, и состоит из удобных шаровар и двубортного мундира с двумя рядами пуговиц, кожаных сапог, шапки с козырьком, именуемой уже полтора века «петровкой», куртки из плотного сукна с пристегивающимся меховым подкладом.

Кроме того, нательное белье простое и шерстяное, портянки простые и зимние, перчатки простые и шерстяные. Ремень поясной кожаный, в гвардии беленый. В зимнее время солдатам и офицерам полагалась шапка-ушанка, полушубок, стеганые штаны и меховые сапоги.

Околыш «петровки», воротник и обшлага, погоны — приборного цвета, согласно роду войск — зеленый у пехоты, синий у кавалерии и жандармерии, красный у артиллерии, черный у сапер, службы связи и ремонтников, желтый в обозных батальонах и санитарных ротах. Погоны с накладными номерами дивизии или отдельной бригады и буквой воинской части (при необходимости).

На всех головных уборах крепятся металлические кокарды трех видов — для нижних чинов, офицеров и генералов. Обязательно используются металлические эмблемы такого же стального цвета, носимые на погонах и обозначающие род службы — стрелки, гренадеры, кирасиры, санитары и т. д. Всего в армии свыше 30 эмблем.

Амуниция — ремни портупеи, погонный ремень оружия, патронная лядунка, или сумка-ранец, — изготовлены из кожи, в гвардии беленой. Защитная каска, поначалу кожаная, введена в 1765 г. (с 1787 г. — железная, с 1854 г. — стальная), фляга из жести — обтянуты суконным чехлом.

Обмундирование, снаряжение и амуниция едины для всех родов войск, но имеют свои характерные особенности при приведении формы в парадное состояние. Шитые серебряной и золотой канителью накладные воротники и обшлага кителей у офицеров и генералов, золотые и серебряные нагрудные жгуты у гусар и егерей, наплечные жгуты у музыкантов, цветные нагрудники у улан и т. д.

Все элементы парадной формы, включая серебряные и золоченые эмблемы с парадными погонами и кокардой, находятся у каждого военного в походных ранцах и не превышают по весу одного или полутора фунтов. Приведение повседневной формы в парадное состояние производится в течение часа времени.

В полевых условиях (или для тяжелой и грязной работы), для лучшей маскировки и сбережения формы, поверх обмундирования надевается просторная куртка со штанами из плотной и крепкой парусины, пятнистого зеленого цвета. На куртку прицепляют запасные погоны с металлическими вставками, а вместо «петровки» надевается каска, предохраняющая от ранений в голову.

Знаки отличия в армии, флоте и казачьих войсках разработаны императором Петром Освободителем на основе им же измененного «Табеля о рангах» императора Петра Великого.

Классные чины состоят из пяти групп — генералы и адмиралы (1-4-й класс), штаб-офицеры

(5-7-й класс), обер-офицеры (8-10-й класс), унтер-офицеры (11-12-й класс) и нижние чины (13-14-й класс).

У 14-го класса (в армии — рядовой, на флоте — матрос 2-й статьи, в казачьих войсках — казак) погоны пустые.

Военнослужащим 11-13-го классов крепят на погоны металлические поперечные узкие полоски — одну (13-й класс — капрал, матрос 1-й статьи, приказной), две (12-й класс — младший сержант, старшина 2-й статьи, младший урядник) и три (11-й класс — старший сержант, старшина 1-й статьи, старший урядник).

Обер-офицеры на своих погонах имеют маленькие звездочки — одну (10-й класс — подпоручик, мичман, подхорунжий), две (9-й класс — поручик, младший лейтенант, хорунжий) и три (8-й класс — капитан, старший лейтенант, сотник).

У штаб-офицеров на погонах уже большие звездочки — одна (7-й класс — майор, капитан-лейтенант, подъесаул), две (6-й класс — подполковник, капитан 2-го ранга, есаул) и три (5-й класс — полковник, капитан 1-го ранга, войсковой старшина).

Погоны генералов и адмиралов (2-4-й класс) отличаются от погон 5-14-го классов вышитыми зигзагами и императорскими орлами — одним (4-й класс — генерал-майор и контр-адмирал), двумя (3-й класс — генерал-лейтенант и вице-адмирал) и тремя (2-й класс — генерал-аншеф и адмирал). К чину казачьего генерала добавляется наименование войска.

На погонах 1-го класса (генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал и гетман — высший чин для казачьих войск) в нижней половине вышиты золотой канителью российские фельдмаршальские жезлы в лавровом венке, а в верхней половине погона вышитый такой же канителью императорский орел большего размера.

Подготовка офицерского и сержантского состава велась в специально созданных при каждой дивизии учебных ротах и эскадронах (военных училищах), которые дислоцировались в местах постоянного комплектования дивизий. В данные подразделения зачислялись солдаты и капралы (на производство в чин сержанта) и сержанты (будущие офицеры), имеющие опыт отличной службы не менее трех лет, не менее двух наград или равных им поощрений и отличную аттестацию по службе.

Для дворянских недорослей и детей городских обывателей были созданы в большинстве губернских городов специальные кадетские корпуса, в которых, наряду с общеобразовательными дисциплинами, осуществлялась начальная военная подготовка для сдачи экзамена на чин сержанта. По окончании корпуса кадеты должны были отслужить в рядах армии не менее пяти лет. Позднее при кадетских корпусах были открыты одно- или двухгодичные военные училища для подготовки младших офицеров из бывших кадет, отслуживших в армии сержантами не менее половины установленного срока.

Подготовка офицерского состава для занятия командных должностей уровня полковник-генерал велась в специально открытой в Санкт-Петербурге военной академии. Позднее были открыты еще три академии (включая Морскую, для подготовки офицеров флота).

Такая многоступенчатая система подготовки позволила комплектовать русскую армию и флот великолепно подготовленным командным составом — знающим военное дело с низов, инициативным и решительным — и вовремя отсеивать негодный для военной службы элемент.

Реформы флота также являются объектом рассмотрения данной статьи. Вторая составляющая российских вооруженных сил была всесторонне реформирована могучим гением Петра Освободителя.

И так же, как и в армии, где проводниками реформ были выдающиеся фельдмаршалы П. А. Румянцев, Х. А. Миних, А. В. Суворов и другие полководцы, на флоте появлялись блестящие адмиралы на всем периоде долгого семидесятилетнего, благотворного для России,

царствования Петра Федоровича — Г. А. Спиридов, С. К. Грейг, Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин и многие другие флотоводцы.

Комплектовался флот с территории всей Российской империи на основании закона о всеобщей воинской повинности — десять лет службы и два года в резерве (ныне по шесть лет соответственно).

Знаки различия адмиралов, офицеров, старшин и матросов, их статусное положение аналогично армейскому, согласно «Табелю о рангах». Введена была новая форма, бережно сохраняемая моряками по нынешний день, — форменка с открытым воротом, тельняшка в бело-черную полоску, бескозырка с лентами, накидной синий воротник с белыми полосками цвета морской пены по краям. Для офицеров и старшин полагаются строгие черные мундиры с фуражками. Новое для того времени обмундирование оказалось также чрезвычайно практичным и, как в армии, трех видов. Оно без изменений и нареканий служит и в наши дни.

Перевооружение флота на новейшие казнозарядные тяжелые нарезные пушки началось намного позже армии и потребовало от государства затрат чрезвычайных. А потому вплоть до 1820 года на кораблях состояли гладкоствольные пушки единого калибра (в основном 36-фунтовые) новых конструкций (большой, средней и малой пропорции), отличавшихся между собою весом системы и дальностью стрельбы.

В 1795 г. на флот и в береговую артиллерию стали поступать новейшие 68-фунтовые бомбические орудия, ядра которых были снаряжены двойным зарядом пороха или более мощного взрывчатого вещества. Именно эти пушки называли «сокрушителями кораблей». Проламывая борта и взрываясь внутри, они наносили страшные повреждения деревянным корпусам парусных линейных кораблей иностранных флотов.

Первый раз это было продемонстрировано в 1797 г. будущим фельдмаршалом Бонапартовым при обороне Дарданелл и полном разгроме англо-турецкой эскадры в ходе морского сражения у Константинополя адмиралом Ушаковым.

А спустя пять лет бомбическими орудиями стали лихорадочно вооружаться все флоты мира. Ведь в морском сражении у Борнхольма в 1802 г. с английской эскадрой семь линкоров и фрегат Балтийского флота, вооруженные этими тяжелыми орудиями, пленили два и уничтожили шесть кораблей неприятеля, на одном из которых погиб знаменитый британский адмирал Горацио Нельсон, без серьезных потерь и повреждений для своих кораблей.

По мнению виднейших зарубежных специалистов, новый парусный линейный корабль русского флота, вооруженный бомбическими пушками, в период 1797–1807 гг. был равнозначным противником трем 100-пушечным кораблям того времени с обычными орудиями.

Император Петр Алексеевич I считается создателем российского парусного флота, а император Петр Федорович III, без всякого преувеличения, создал современный российский паровой и броненосный флот. Основу его положило создание в 1764 году первого парового двигателя выдающимся механиком И. Д. Ползуновым.

В 1769 году в Перми были изготовлены первые речные суда-буксиры с паровым двигателем и гребными колесами. Строительство данных речных и портовых судов началось повсеместно с 1776 года на Волге, Дону, Днепре, Двине и Неве и в Сибири: на Оби, Иртыше, Ангаре и Амуре (в местных адмиралтействах).

Через 14 лет в Петербурге и Николаеве (на Черном море) приступили к массовому строительству канонерских лодок новейшего типа (4–6 крупнокалиберных орудий), с парусным оснащением и вспомогательным паровым двигателем с гребными винтами (на морских судах сразу отказались от применения гребных колес).

С накоплением опыта строительства, сразу после блестящей победы у Константинополя 28 июня 1797 года, на верфях Петербурга и Николаева были заложены двенадцать линейных

кораблей с парусно-паровым оснащением. В этом же году император приказал строить все военные корабли только с паровой машиной, а чисто парусные военные суда запретил принимать к постройке.

Данный императорский указ привел к тому, что к 1817 году все корабли российского военного флота имели паровые двигатели (но парусное оснащение еще сохранялось долгие годы).

В 1796 годы на Черном море были построены первые в мире паровые корабли, несущие железную броню, знаменитые «кабаны» — «Вепрь» и «Секач». Именно эти первые броненосцы буквально смешали с землею турецкие береговые батареи на Босфоре и артиллерийским огнем и таранными ударами потопили четыре из пяти английских кораблей возле Константинополя, когда британцы попытались помочь турецкому флоту.

В 1798 году на Балтийском море вступили в строй еще три броненосных корабля усовершенствованной конструкции — знаменитые «медведи». В бою при Копенгагене они истребили в штиль четыре английских парусных линкора, довершив блестящую победу при Борнхольме.

В 1829 году было построено самое любимое детище Петра Освободителя — корабль, произведший настоящий фурор в военных кругах всего мира, — броненосец «Чесма», за которым последовали однотипные ему «Калиакрия», «Хиос», «Константинополь» и «Фиодониси» на Черном море, «Копенгаген» и «Борнхольм» на Балтике (названия даны в честь славных побед русского флота в царствование Петра Федоровича).

Впервые корабли не имели парусов, а запас угля позволял им проплыть почти тысячу морских миль (более 1600 верст), что было более чем достаточно для плавания в Балтийском и Черном море.

Корабли были бронированы железными листами толщиной в 5–8 дюймов (12,7 — 20,3 сантиметра), вооружение в казематах составляли восемь 6-дюймовых нарезных пушек. В двух поворотных башнях на носу и корме были установлены по одному 9-дюймовому нарезному орудию (вес снаряда семь пудов, дальность стрельбы пять верст).

Мощные паровые машины развивали скорость в девять узлов, что позволяло догнать почти все парусные корабли (за исключением самых быстроходных), в т. ч. с паровыми машинами.

Эти пушки были предназначены для пробития железных бронированных бортов многочисленных парусно-паровых линкоров британского флота, вооруженных сотней гладкоствольных орудий, практически бесполезных против русских «побед».

В 1831 г. в Афонском сражении четыре броненосца вице-адмирала Лазарева добились блестящей победы, полностью уничтожив британскую эскадру и окончательно закрепив за Россией Восточное Средиземноморье. Это было лучшим подарком к 70-летию юбилею царствования императора Петра Федоровича.

Постоянное присутствие броненосцев в союзном России Копенгагене и русском Киле, в освобожденном от турок Константинополе делает Балтийское и в полной мере Черное море свободными от посягательств враждебного нам английского флота.

Именно новые казнозарядные нарезные орудия, а также широкое применение мин и торпед (впервые блестяще опробованных генералом Бонапартовым при обороне Дарданелл), позволили русскому флоту в течение 40 лет господствовать на море, которое и до настоящего дня не утрачено — союзный имперский флот (Россия, Дания, Швеция, Пруссия и Византия) намного превосходит любой флот мира и почти равен английскому флоту.

Но, если учитывать французский флот, постоянно враждебный британскому, эскадры Северо-Американских Соединенных Штатов, Италии, Турции и Испании, то численность кораблей антибританской коалиции почти в два раза больше. Положение для враждебной

Англии совершенно не меняют союзные ей карликовые флоты Южно-Американской Конфедерации Штатов, отделившихся от САСШ в ходе гражданской войны 1851–1853 гг., и Португалии с Голландией.

В прошлом году на Адмиралтейской верфи Данцига построили новейший броненосец «Император Петр III Освободитель», который по своему вооружению (восемь 14-дюймовых орудий) многократно сильнее любого неприятельского эскадренного броненосца с обычным вооружением из четырех 12-дюймовых пушек.

Это самый достойный и своевременный памятник величайшему российскому императору. Нельзя не коснуться и той основы славных побед русского оружия, что была создана императором Петром Федоровичем. По выплавке чугуна и стали, добыче угля и нефти Россия до сих пор прочно удерживает лидерство в мире.

Именно бурное промышленное развитие, которое началось со второй трети XVIII века, и стало той опорой, на которой поднялось могущество российское. Страна обязана императору и созданием заводов и фабрик, а также знаменитыми ярмарками и продолжительными телеграфными линиями (знаменитые «русские искровые станции», первая из которых начала работу в 1792 г., а спустя двадцать лет вся страна была покрыта сетью проводов), которые появились только благодаря связыванию страны в единую сеть водными путями и железными дорогами, что их соединяли.

В этом году исполняется ровно 125 лет с момента постройки первой железной дороги, что соединила Дон с Волгой у Царицына. Потом последовала Уральская дорога между Камой и Тоболом, Западная — от Днепра до Западной Двины, Северная — от Волги до Северной Двины, Сибирская — от Оби до Енисея и Забайкальская — между Селенгой и Шилкой, что впадает в Амур. Именно эти дороги связали все реки России в единую транспортную сеть в период навигации.

Потому путь от Риги на Западной Двине до Николаевска-на-Амуре с 1795 года можно было пройти с грузами всего за одну навигацию с мая по октябрь. А при спешке по государственным делам и успеть вернуться обратно.

Вначале железные дороги работали только на конной тяге, но позднее по ним стали ходить и паровозы, первый из которых был построен знаменитым механиком Ползуновым еще в 1771 году.

Именно прокладка железнодорожных путей позволила начать широкую добычу каменного угля, без которого они в полной мере существовать не могли (в Сибири и на Севере обходились дровами, благо в тех краях изобилие лесов), а потому Донбасс обязан своим появлением только императору Петру Федоровичу.

В 1810 году была завершена постройка первой магистрали, связавшей две столицы, а через три года присоединили и третью — Киев. К концу царствования Петра Федоровича железнодорожные пути были проложены до Кенигсберга, Одессы и Казани.

Развитие промышленности и торговли благотворно сказалось на благосостоянии народов, Российскую империю населяющих. К началу царствования Петра Федоровича численность населения была меньше двадцати миллионов человек, а по переписи 1830 года — уже 73 миллиона. Сейчас по населению Россия находится на третьем месте в мире (240 миллионов), незначительно уступая только Британии с ее многочисленными колониями и Китаю с его стремительно плодящимся народом.

«Золотой век» — так прозвали современники годы жизни и правления Петра Освободителя, с 1761 по 1832 год. Россия этим расцветом обязана могучему гению, нескончаемой энергии, богатырскому здоровью и духу великого императора, который творил все эти годы досамого последнего мига своей долгой, поразившей современников жизни и

царствования.

Как много сделал Его Императорское Величество за 104 года жизни и почти за 71 год царствования — введение в России патриаршества и объединение всех православных народов в единое целое, освобождение крестьян от крепостного права, промышленная революция, всеобщая грамотность населения благодаря доступному и бесплатному образованию, приращение империи новыми территориями и заморскими землями — на пять континентов сейчас раскинулась Российская империя, протянувшаяся от Кенигсберга до Техаса, от Мадагаскара до затерянных в Великом Тихом океане Гавайских островов.

Победоносные войны великого императора привели к тому, что уже более столетия (с момента дружеской встречи в Киле 1804 г. Петра Федоровича с первым консулом Французской Республики генералом Гошем) в Европе нет войн.

Да и кто осмелится даже сейчас противостоять Российской империи и дружественной Франции, если их объединенные армии и флот больше всех гипотетических противников, вместе взятых. И это без учета союзных нам государств.

И ко всему этому привела небольшая записка, написанная утром первого июльского дня раненым императором, получившим позднее, при жизни, от благодарных подданных, титул «Освободитель». Именно эта записка, окропленная на некоторых листах священной кровью Его Императорского Величества, стала точкой отсчета «блестящего века» и расцвета Российского государства, его армии, казачества и флота.